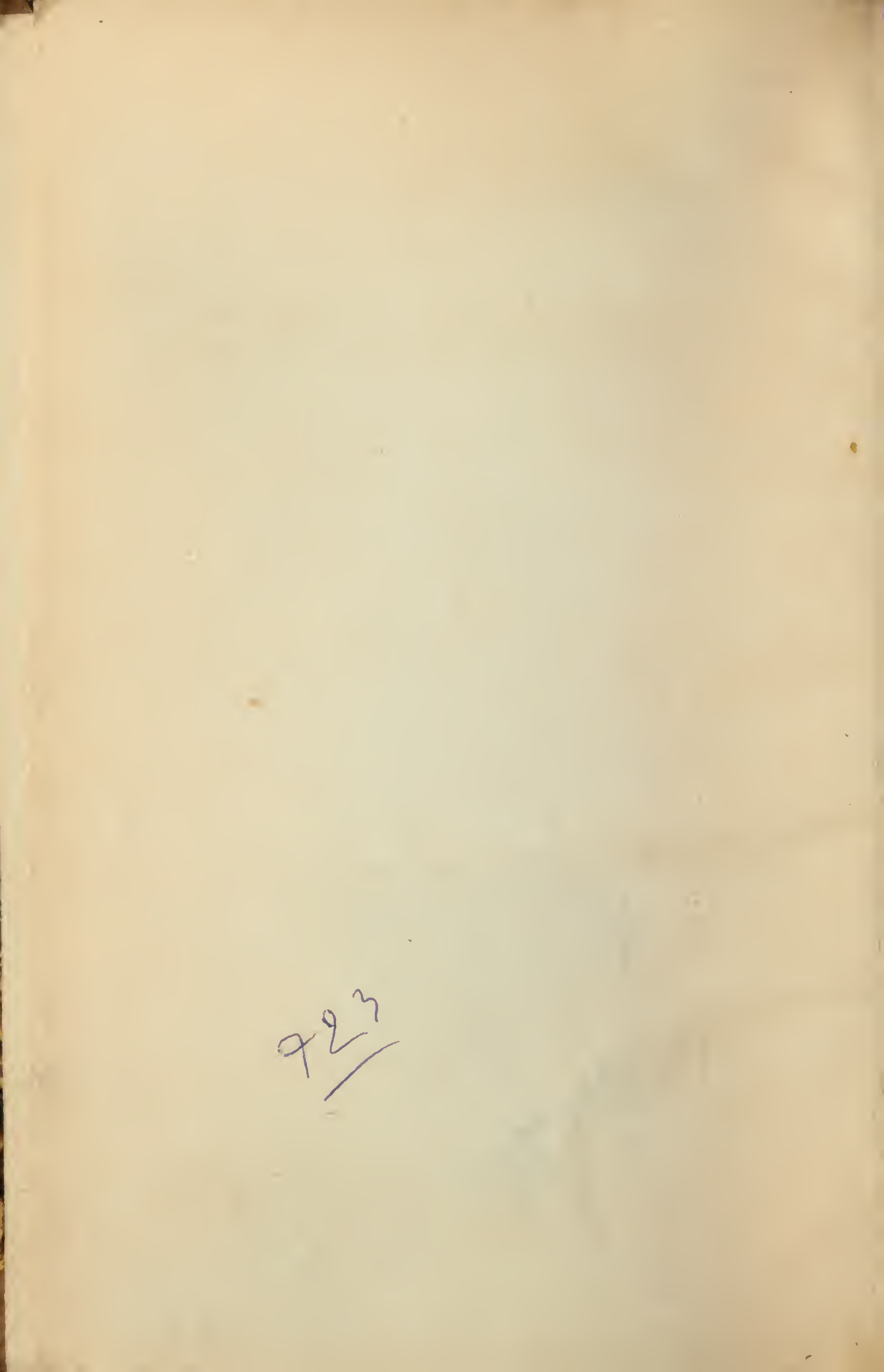

3 1761 07802840 4

ВЫСШІЙ КУРСЪ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Владиміромъ Стоюнинымъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

(СЪ ИЗМѢНЕНІЯМИ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи и Литографіи К. Куна, у Аничкова м., д. № 40.

1867.

Первое изданіе этого курса для высшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній вышло въ 1855 году. Съ тѣхъ поръ наша филологическая литература обогатилась нѣсколькими замѣчательными сочиненіями (напр. грамматика и христоматія Буслаева. О значеніи формъ русскаго глагола Некрасова, Замѣчанія Лавровскаго о грам. Буслаева и др.). Приступая ко второму изданію своей книги, я долженъ былъ переработать нѣкоторыя ея части, согласно съ новѣйшими выводами славянской филологіи и изслѣдованіями иностранныхъ ученыхъ (Макса Миллера, Шлейхера и др.). Но при этомъ я не измѣнилъ тѣхъ соображеній, которыми руководствовался при первомъ изданіи своего труда и которыя были одобрены опытными педагогами:

1. Высшій курсъ русской грамматики долженъ быть изложенъ на основаніи практическихъ знаній русскаго и ц. славянскаго языка. Онъ подводитъ уже извѣстные ученику факты подъ общіе законы и слѣд., будучи какъ бы повтореніемъ стараго, въ то же время представляетъ это старое въ новомъ болѣе ясномъ свѣтѣ.

2. Не все изъ практической грам. должно войти въ составъ Высшаго курса: то, что служитъ только однимъ простымъ повтореніемъ давноизвѣстнаго, будетъ здѣсь занимать лишнее мѣсто, такъ напр. по-

дробныя таблицы склоненій и спряженій и т. п.; все это займетъ много страницъ, но при изученіи онѣ всегда будутъ пропускаться.

3. Равнымъ образомъ не вдаваться въ подробныя филологическія изслѣдованія (напр. въ ученіи о звукахъ, о корняхъ, и пр.), что можетъ составить предметъ университетскаго преподаванія.

4. Соединить изложеніе этимологіи съ синтаксисомъ. Такъ какъ синтаксисъ собственно *русскаго* языка еще слишкомъ мало разработанъ наукою, то дѣлать изъ него особую часть въ Высшемъ курсѣ мнѣ казалось неудобнымъ: пришлось бы ее наполнять общими правилами изъ практической грамматики, что противорѣчило бы моему вышеприведенному соображенію. Между прочимъ такое изложеніе значительно сокращаетъ самый объемъ грамматики, на которую какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ домашнемъ воспитаніи не можетъ быть посвящено много времени, по причинѣ обилія учебныхъ предметовъ, назначенныхъ для юношескаго возраста; а это также необходимо имѣть въ виду. Задача составить курсъ сколь возможно сжатый и вмѣстѣ полный особенно затрудняла меня, и вѣроятно главная причина тѣхъ недостатковъ, которые могутъ быть найдены въ моей книгѣ. Въ этомъ изданіи синтаксическій матеріалъ распространенъ мною. Если же я и допускалъ нѣкоторыя, повидимому, мелочи, то единственно для соображенія ученика или какъ любопытные факты.

5. При изложеніи обращаться къ историческому развитію русскаго языка и къ сравненію его съ другими, преимущественно тѣми, которые изучаются

въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но чтобы не затруднять незнакомыхъ съ этими языками, приводить болѣе подробныя сравненія въ особыхъ примѣчаніяхъ.

6. Орфографическую часть, касающуюся собственно не языка, а искусства письма не вводить въ Высшій курсъ: эта часть должна быть очень хорошо знакома ученику изъ прежнихъ практическихъ занятій, слѣд здѣсь была бы излишнимъ и обременяющимъ повтореніемъ. Впрочемъ многіе этимологическіе законы сами собою будутъ объяснять орфографическія правила.

Всѣ эти соображенія не позволили мнѣ изложить всѣ части курса въ томъ порядкѣ, какой обозначенъ въ „Распредѣленіи учебныхъ предметовъ по классамъ въ гимназіяхъ с.-петербургскаго учебнаго округа". Поэтому считаю нелишнимъ привести здѣсь эту программу въ соотвѣтствіи съ параграфами своего урса:

Образованіе именъ и мѣстоименій: а) первообразныхъ — §§ 18, 42, 78, 84—88. б) производныхъ съ обозначеніемъ значенія и условій приложенія окончаній. — §§ 42—58, 69—76, 78, 81—83, 89—91.

в) сложныхъ особенно тѣхъ, которыя произошли изъ глаголовъ — §§ 59, 60, 78, 80.

Склоненіе существительныхъ, мѣстоименій и прилагательныхъ, одночленныхъ и двучленныхъ, съ обозначеніемъ какія имена и почему не склоняются — §§ 61—66, 68, 79—82, 85—91.

Образованіе глаголовъ: а) первообразныхъ — § 33.

б) Производныхъ: совершенныхъ и несовершенныхъ, однократныхъ и многократныхъ — §§ 22 — 31.

в) Сложныхъ преимущественно предложныхъ — § 32.

Виды глагола:

а) съ будущимъ простымъ — § 34.

в) съ настоящимъ длительнымъ вообще и въ отношеніи къ значенію предлоговъ — §§ 32, 34.

Спряженіе съ показаніемъ глаголовъ недостаточныхъ, временъ съ словами *бы, было, бывало,* глагольныхъ частицъ неизмѣняемыхъ — §§ 33, 35, 1.

Образованіе нарѣчій и дѣепричастій — первыхъ сравнительно съ именами, вторыхъ съ глаголами, отъ которыхъ они происходятъ, тѣхъ и другихъ сравнительно съ выраженіями, ихъ замѣняющими или имъ равносильными — §§ 35, 92—96, 62, 83.

Образованіе предлоговъ сравнительно съ выраженіями, ихъ замѣняющими — §§ 61, 62, 98.

Образованіе союзовъ и придаточныхъ частицъ сравнительно съ выраженіями, ихъ замѣняющими — § 100.

Образованіе отрывочныхъ словъ и междометій § 104.

Согласованіе именъ съ именами, съ глаголами, съ предлогами. — §§ 53, 67, 80, 87, 23, 24, 27, 98:

Согласованіе глаголовъ съ глаголами и съ предлогами. — § 24.

Согласованіе предложеній : а) въ предложеніи сложномъ б) въ періодѣ съ обозначеніемъ взаимнаго соотвѣтствія союзовъ и союзныхъ выраженій. — §§ 101—104.

Ученіе *о правописаніи* можетъ быть взято изъ любой практической грамматики.

Въ заключеніе прошу исправить нѣкоторыя важныя опечатки, вкравшіяся отъ непривычки наборщиковъ обращаться съ славянскими буквами: на стран. 18 (1 стр.) вмѣсто є слѣд. к, (3 стр.) вм. ѥ, ѩ—ѥ, ꙗ (9 стр.) вм. ѫ, ю—ѭ, ю; на стр. 22 (7 стр.) вм. ѩ—ꙗ. Кромѣ ихъ на стрн. 71 вм. отдаляется—отдѣляется; на стрн. 73 вм. *въ движеніе—въ движеніи*; стрн. 74 вм. *представляютъ—представляетъ*, стр. 80 вм. *есто—еста.* на стр. 104 (ст. 2) вм. *ик—як;* на стр. 101 вм. *народное—неродовое.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВЫСШІЙ КУРСЪ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе языковъ. § 1. Первыя преданія самыхъ древнихъ народовъ умалчиваютъ о томъ, какимъ образомъ человѣкъ овладѣлъ первыми словами для выраженія своихъ первыхъ мыслей. Наука также не можетъ пока разрѣшить *исторически* вопросъ о происхожденіи языка т. е. не может сказать, какъ явились въ языкѣ первоначальные корни, каждый съ опредѣленнымъ значеніемъ. Она только доказываетъ, что языкъ развивается изъ нѣсколькихъ корней и затѣмъ объясняетъ, какъ можетъ совершаться его дальнѣйшее развитіе. Выводы свои она дѣлаетъ изъ наблюденій надъ всѣми языками, на которыхъ говорили или говорятъ разные народы. Сравнивая ихъ между собою, она находитъ во многихъ одинаковое грамматическое строеніе, одинакіе корни и потому раздѣляетъ всѣ ихъ на классы или семьи.

Корней въ языкѣ не много, отъ 300 до 400. Нѣкоторые изъ нихъ звукоподражательные т. е. повторяютъ звуки природы, которыми обозначаютъ себя тѣ или другія явленія напр. шипъ, хлопъ, стукъ, трескъ и пр. Первоначальные корни всѣ сказуемые или знаменательные т. е. выражаютъ какое либо понятіе о предметѣ, явленіи, признакѣ или дѣй-

ствіи, и притомъ односложные т. е. состоятъ или изъ одного гласнаго звука или изъ соединенія его съ согласными. На основаніи этого соединенія и самые корни можно раздѣлить на *первичные*, *вторичные* и *третичные*: первые состоятъ изъ одного гласнаго звука или сочетанія гласнаго только съ однимъ согласнымъ напр. *i* — ити (ire) *ад*, *яд* — ѣсть (ясть, edere), *да* — дать (dare) *ар*, *ор* — орать (arare). Вторичные состоятъ изъ двухъ согласныхъ звуковъ, раздѣленныхъ однимъ гласнымъ напр. *вид* — видѣть (videre) *мар*, *мор* — мереть (morire), море (mare). Третичные состоятъ изъ сочетанія нѣсколькихъ согласныхъ и одной гласной напр. *слу* — слухъ, слыть, *plu* — плыть, *ard* — вредъ.

Корни не дѣлятся по частямъ рѣчи; одинъ и тотъ же корень въ первобытномъ языкѣ могъ означать и предметъ, и признакъ, и явленіе, и дѣйствіе, глядя по употребленію его въ рѣчи, подобно какъ корни, сохранившіеся въ русскомъ языкѣ: *бацъ*, *брысъ*, *брякъ*, *бухъ*, *глядь*, *ляпъ*, *моргъ*, *ну*, *прыгъ*, *скокъ*, *толкъ*, *тяпъ*, *хвать*, *хлопъ*, *цапъ*, *чу*, *чуръ*, *шасть*, *шлёпъ* и др. Они могутъ употребляться какъ имена существительныя и какъ глаголы вмѣсто всѣхъ глагольныхъ формъ:

Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и *хлопъ*
Людская *молвь* и конскій *топъ* (существит.).

—

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя *толкъ* ногой (вм. изъявит. накл.).

—

И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть, *хвать* друга камнемъ въ лобъ (изъяв. накл. прошед. вр.).

—

Какъ вдругъ изъ лѣса *шасть*
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть (наст. вр. изъяв. нак.).

—

И *бухъ* оселъ и съ филиномъ въ оврагъ (наст. врем.).

—

Ко рву ль примчится разомъ *скокъ* (будущ. вр. изъяв. нак.).

—

А ты ему *брякъ* въ ноги куманекъ! (повел. накл.).

—

Чу! полночный часъ звучитъ (повел. накл.).

—

Эти корни, выражая, краткость, быстроту дѣйствія, придаютъ слогу особый живописный оттѣнокъ. Тѣми же качествами отличался и первобытный языкъ, выражая своими корнями полную свѣжесть впечатлѣнія.

Изъ корней по разнымъ впечатлѣніямъ на внѣшнія чувства образовывались слова производныя и начинался ростъ языка. По мѣрѣ того какъ народъ размножался и разселялся, образуя особые роды, семьи, общества, села, волости, языкъ развивался въ разныя *нарѣчія* или *діалекты*. Съ развитіемъ образованія одинъ изъ этихъ діалектовъ выдѣляется и дѣлается языкомъ общихъ интересовъ, языкомъ письменнымъ, литературнымъ и мало по малу вырабатываясь, обращается въ языкъ классическій; но литературное его употребленіе нисколько не уничтожаетъ жизни отдѣльныхъ діалектовъ. Настоящая жизнь языка заключается въ нихъ, въ этихъ низшихъ слояхъ народной рѣчи, отъ которыхъ первоначально и произошелъ тотъ или другой классическій языкъ и отъ которыхъ онъ постоянно заимствуетъ свои жизненные соки. Лишь только онъ прерываетъ свою связь съ діалектами, онъ дѣлается языкомъ мертвымъ, искусственнымъ, неспособнымъ далѣе развиваться.

Практическія грамматики обыкновенно составляются для языка литературнаго или классическаго; но чтобы хорошо познакомиться съ духомъ языка необходимо обращаться и къ его діалектамъ.

Наблюденія надъ языками дикихъ народовъ объясняютъ, какимъ образомъ въ языкѣ появляются діалекты. Напр. у обитателей пустыни, разобщенныхъ между собою, нѣтъ никакихъ общихъ собраній, никакихъ вече. Они часто вынуж-

дены уходить въ пустыни иногда на большое разстояніе отъ своей родной деревни. Въ такихъ случаяхъ отцы и матери и кто только можетъ нести тяжесть, отправляются иногда на нѣсколько недѣль, оставляя своихъ дѣтей подъ присмотромъ двухъ или трехъ старыхъ слабыхъ человѣкъ. Дѣти, изъ которыхъ одни только что начинаютъ лепетать, другія прямо могутъ составлять фразы, третьи болѣе развитыя, всѣ дѣти природы, рѣзвясь и играя вмѣстѣ, привыкаютъ въ долгій день къ своему собственному языку. Болѣе говорливый снисходитъ къ менѣе бойкому, и такимъ образомъ отъ этой дѣтской неурядицы происходитъ діалектъ, состоящій изъ множества смѣшанныхъ словъ и фразъ, связанныхъ между собою безъ всякаго правила, и весь характеръ языка перемѣняется впродолженіе одного поколѣнія [1]). У народовъ же, собирающихся въ публичныя собранія или на празднества или для исполненія разныхъ обрядовъ, образуется языкъ общественный изъ одного какого либо діалекта. Рѣчи на собраніяхъ, народныя баллады, національные законы, религіозные прорицанія производятъ почти тоже вліяніе, какъ и литературный языкъ. Они сдерживаютъ естественное теченіе языка въ безчисленныхъ ручейкахъ его діалектовъ и придаютъ постоянство нѣкоторымъ образованіямъ рѣчи, которыя безъ этихъ внѣшнихъ вліяній могли бы существовать лишь кратковре-

---

[1]) Миссіонеры утверждаютъ, что между сѣверо-американскими племенами едва ли одна деревня говоритъ какъ другая, и даже два семейства одной и той же деревни говорятъ не совсѣмъ одинаковымъ языкомъ; прибавляютъ, что ихъ языкъ измѣняется съ каждымъ днемъ и уже такъ много перемѣнился, что древній гуранскій языкъ совершенно отличенъ отъ настоящаго. Миссіонеры въ Центральной Америкѣ старались записывать языки дикихъ племенъ и заботливо составляли словарь всѣхъ словъ, какія только могли уловить. Возвратясь къ тѣмъ же племенамъ по прошествіи только десяти лѣтъ, они нашли, что этотъ словарь устарѣлъ и сталъ безполезнымъ; старыя слова пошли ко дну, а новыя всплыли на поверхность и по всему внѣшнему виду языкъ совершенно измѣнился. (Лекціи объ языкѣ Макса Миллера).

менно. Изъ этого видно, что первое стремленіе языка направляется къ неограниченному разнообразію. Но оно встрѣчаетъ естественную задержку, которая съ самаго начала приготовляетъ возрастаніе національныхъ и литературныхъ языковъ [1]). Языкъ отца сталъ языкомъ семейства, а языкъ семейства сдѣлался языкомъ племени. Въ одной и той же волости различныя семейства могли сохранять между собою свои собственныя семейныя формы и выраженія; они могли прибавить новыя слова, изъ которыхъ иныя были столь прихотливы и странны, что были едва понятны другимъ членамъ той же волости. Такія выраженія, разумѣется, были подавляемы въ большихъ собраніяхъ, гдѣ сходились всѣ члены, чтобы участвовать въ общихъ преніяхъ, какъ мы подавляемъ мѣстныя выраженія и наши любимыя слова; но чѣмъ болѣе общій діалектъ получалъ формальный характеръ, тѣмъ болѣе эти особенности сохранялись у очага отдѣльныхъ шатровъ. Могли также явиться особые діалекты слугъ, конюховъ, солдатъ, пастуховъ и проч. У женщинъ создавались свои домашнія слова, и возраставшее поколѣніе не долго оставалось безъ своей собственной болѣе остроумной фразеологіи. Даже и мы въ нашемъ литературномъ вѣкѣ, удаленные отъ давнихъ прародителей языка цѣлыми тысячелѣтіями, не говоримъ дома такъ, какъ говоримъ публично. Тѣ же обстоятельства, которыя даютъ начало формальному языку въ отличіе отъ семейныхъ діалектовъ, производятъ въ большемъ размѣрѣ языки союза нѣсколькихъ волостей, рождающихся колоній, возникающихъ національностей. Въ округахъ, въ городахъ, въ селахъ и семействахъ всегда были сотни діалек-

---

[1]) Миссіонеры, посвящая себя изученію дикихъ и невѣжественныхъ племенъ, рѣдко бывали въ состояніи изучить болѣе одного изъ многихъ діалектовъ и когда они достигали успѣха, то тотъ діалектъ, который они переложили въ письменность и сдѣлали средоточіемъ своего образовательнаго вліянія, достигалъ въ скоромъ времени нѣкотораго литературнаго первенства, исключая тѣмъ прочіе діалекты, какъ варварскіе. (М. Миллера лекціи).

товъ до образованія національнаго языка; отличительныя черты ихъ не сглаживаются даже и во времена образованія, когда установляется одинъ литературный языкъ, обращаясь въ классическій. Такъ напр. классическій латинскій языкъ есть одинъ изъ многихъ діалектовъ, которыми говорили обитатели Италіи; онъ былъ діалектъ Лаціума, въ Лаціумѣ діалектъ Рима, въ Римѣ діалектъ патриціевъ; онъ былъ установленъ разными писателями, былъ слѣдов. языкъ ограниченнаго класса, политической партіи, литературнаго кружка. Полибій говоритъ, что образованнѣйшіе римляне не могли безъ труда разобрать языкъ древнихъ трактатовъ между Римомъ и Карфагеномъ, а Квинтиліанъ замѣчаетъ, что сами салійскіе жрецы едва понимали свои древніе гимны. Извѣстно также, что Цицеронъ, воспитанный въ Арпиніумѣ на провинціальномъ діалектѣ, вступивъ въ модное общество и начавъ писать для своихъ новыхъ патриціанскихъ друзей, долженъ былъ отвыкать отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ провинціализмовъ. Еслибы вмѣсто патриціевъ одержали верхъ плебеи, то общественнымъ и слѣдственно литературнымъ языкомъ сдѣлался бы другой діалектъ и латинскій языкъ много отличался бы отъ языка Цицерона и Юлія Цезаря. Ставъ языкомъ законодательства, религіи, литературы и общей образованности, классическій латинскій языкъ сдѣлался неподвижнымъ и стоячимъ. Онъ не могъ рости, потому что не могъ измѣняться или уклоняться отъ своей классической точности. Тоже самое можно сказать и о каждомъ классическомъ языкѣ. Они, являясь литературными діалектами, платятся за свое временное величіе неизбѣжнымъ упадкомъ [1]). Съ этой точки

---

[1]) Такіе языки, говоритъ Максъ Миллеръ, подобны стоячимъ озерамъ возлѣ большихъ рѣкъ; они образуютъ резервуаръ того, что нѣкогда было живою и текущею рѣчью, но что теперь не захватывается уже теченіемъ главнаго русла. Иногда можетъ казаться, будто весь потокъ языка былъ поглощенъ этими озерами и мы едва можемъ примѣтить маленькіе ручейки, продолжающіе течь въ главномъ руслѣ. Но если далѣе, ниже по теченію т. е. позднѣе въ исторіи мы снова

зрѣнія нельзя сказать, чтобы отъ классическаго языка произошли какіе либо діалекты или чтобы онъ былъ отцомъ другаго языка. Какъ скоро языкъ теряетъ свою неограниченную способность измѣняться, свою готовность мгновенно исполнять требованія ума и сердца, то его естественная жизнь обращается въ чисто искуственное существованіе. Онъ можетъ жить еще нѣсколько времени, но представляясь на видъ главнымъ побѣгомъ, на дѣлѣ онъ только сломанная и вянущая вѣтвь, медленно отпадающая отъ ствола, изъ котораго выросла. Такимъ образомъ источникъ итальянскаго языка нельзя найти въ классической литературѣ Рима: онъ въ народныхъ діалектахъ Италіи; равно индустанскій языкъ не есть сынъ того санскрита, который мы находимъ въ браминской литературѣ — онъ вѣтвь живучей рѣчи Индіи, происходящей отъ того же ствола, изъ котораго выросъ санскритъ, когда онъ впервые достигъ своей литературной независимости [1]); точно такъ же діалекты русскаго языка никогда не происходили, какъ иные думаютъ, отъ церковно-славянскаго языка, а

встрѣчаемъ новое тѣло неподвижнаго языка, образующееся или образовавшееся, то можемъ быть увѣрены, что его данниками были тѣ же самые ручейки, на время изчезнувшіе передъ нашимъ взоромъ. Классическій или литературный идіомъ можно вѣрнѣе сравнить съ замерзшею поверхностію рѣки, блестящею и гладкою, но оцѣпенѣвшею и холодною. Эта поверхность болѣе утонченной и образованной рѣчи по большей части ломается политическими потрясеніями и уносится волнами, поднимающимися съ глубины, что бываетъ въ такія времена, когда высшіе классы подавляются религіозными и соціальными борьбами или снова смѣшиваются съ низшими классами для отраженія чуждаго нападенія,... тогда народные или, какъ ихъ называютъ, простые діалекты, составлявшіе подобіе нижняго теченія, поднимаются надъ хрустальной поверхностью литературнаго языка и подобно весеннимъ водамъ, уносятъ формаціи прошедшаго времени, сдѣлавшіяся уже излишними. Въ болѣе спокойныя времена новая народная литература является въ языкѣ, который *повидимому* образовался завоеваніями и переворотами, но на дѣлѣ выросъ гораздо раньше и только вскрылся, уже готовый, посредствомъ историческихъ событій. (М. Миллеръ).

[1]) Лекціи по наукѣ о языкѣ Макса Миллера, глав. II.

имѣютъ съ нимъ только одни корни, изъ которыхъ и развиваются самостоятельно.

Литературный языкъ тогда только сохраняетъ жизнь, когда сохраняется связь между имъ и діалектами. Оторвите языкъ отъ его родной почвы, удалите его отъ діалектовъ, его питающихъ, и вы тотчасъ же задержите его естественный ростъ. Такая судьба постигла нашъ церковно-славянскій языкъ. Нынѣшній русскій литературный языкъ развивается въ тѣсной связи съ діалектами и питается ими. Литературный языкъ установляетъ одинъ какой либо терминъ, діалекты доставляютъ пятьдесятъ и каждый съ своимъ особеннымъ оттѣнкомъ значенія. Если въ общественномъ развитіи являются новыя комбинаціи мысли, діалекты доставляютъ новыя названія изъ запаса своихъ излишнихъ словъ. А такой запасъ въ діалектахъ бываетъ очень обиленъ. Рѣчь людей простыхъ, живущихъ въ тѣсной связи съ природою, какъ напр. земледѣльцевъ, пастуховъ, охотниковъ, рыбаковъ и др. много выигрываетъ въ чувственномъ представленіи и въ полнотѣ, такъ какъ глазъ такихъ людей, живущихъ на вольномъ воздухѣ, видитъ дальше, ухо ихъ слышитъ тоньше. Отсюда они успѣли подмѣтить всѣ малѣйшія видоизмѣненія въ природѣ и выразить ихъ соотвѣтственными названіями; такъ языкъ пастуха богатъ выраженіями для разныхъ видоизмѣненій въ жизни скота: рожденіе, смерть, убиваніе почти для каждаго животнаго называется иначе, или охотникъ означаетъ походку и отдѣльные члены тѣла различной дичи особыми выраженіями. Все это потомъ въ языкѣ общемъ дѣлается излишнимъ и обременительнымъ. Такъ въ языкѣ Слова о Полку Игоря (XII стол.) мы встрѣчаемъ особое названіе для крика или голоса каждаго животнаго: орлы *клектомъ* звѣри на кости зовутъ; лисицы *брешутъ* на черленые щиты, *щекотъ* славій (соловьиный) успѣ; *говоръ* галичь убуди; враны *граяхутъ* (каркали), зегзицею *кычетъ;* сороки *встроскоташа*; дятлове *тектомъ* путь къ рѣцѣ кажутъ. Такое обиліе словъ съ теченіемъ времени забывается, когда народъ отстаетъ отъ

того образа жизни, въ которой онъ выработалъ себѣ всѣ эти слова для выраженія своихъ ежедневныхъ наблюденій.

Раздѣленіе языковъ. § 2. Дѣлая наблюденія надъ всѣми извѣстными языками, наука раздѣляетъ ихъ по образованію на слѣдующія отрасли:

1. Въ однихъ корни употребляются какъ знаменательныя слова, сохраняя свою полную самостоятельность. Здѣсь въ языкѣ нѣтъ еще грамматики.

2. Въ другихъ два корня соединяются вмѣстѣ, чтобы образовать слово, но такъ что одинъ изъ нихъ лишается своей самостоятельности и обращается въ простое окончаніе. Здѣсь уже образуется грамматика языка.

3. Въ третьихъ два корня соединяются для образованія слова и оба могутъ потерять свою самостоятельность, вслѣдствіе чего происходитъ фонетическое или звуковое искаженіе.

Въ первыхъ знаменательные корни служатъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы употребляемъ окончанія для выраженія части рѣчи, лица, падежа и пр. Въ этомъ состояніи находится китайскій языкъ. Если китаецъ хочетъ сказать *дома*, то онъ скажетъ *домъ-нутро*—у-ли (у—домъ, ли—внутренность). Здѣсь два корня соединяются въ одно слово, не теряя своего первоначальнаго значенія. Или чтобъ сказать *палкою*, покитайски нужно выразиться *употреблять палка* и-чжанъ (и—употреблять, чжанъ—палка), *день*—сынъ-солнце—жи-цзы. Здѣсь нѣтъ частей рѣчи, нѣтъ измѣненія окончаній, нѣтъ членовъ, и смыслъ рѣчи зависитъ отъ постановки словъ. Одинъ и тотъ же корень, смотря по занимаемому имъ мѣсту въ рѣчи, можетъ выразить и предметъ, и признакъ, и дѣйствіе, слѣд. и существительное, и прилагательное, и глаголъ, и нарѣчіе и пр.; напр. *во-да-ни* значитъ «я бью тебя» (я бить ты), а *ни-да-во* — ты бьешь меня (ты бить я); *во-жень* — дурной человѣкъ, а жень-во — человѣкъ дуренъ. Такъ какъ въ такомъ языкѣ являются только

корни, а они всѣ, какъ мы сказали, односложные, то и самый языкъ называется односложнымъ.

Какимъ образомъ происходитъ переходъ корней въ окончанія, можно пояснить нѣсколькими примѣрами. Возьмемъ французское окончаніе *ment*, служащее для образованія нарѣчій *bonnement, vraiment, fortement*. Этого окончанія мы не найдемъ въ латинскомъ языкѣ, изъ котораго французскій образовалъ свои формы, но мы найдемъ тамъ выраженіе *bona mente* съ добрымъ намѣреніемъ, *forti mente* крѣпкимъ духомъ, гдѣ оба слова знаменательныя. Во французскомъ языкѣ въ подобныхъ выраженіяхъ послѣднее слово (mente) ужъ не чувствовалось болѣе какъ самостоятельное отдѣльное слово и въ то же время утратилось его внятное произношеніе. Оно обратилось въ простое окончаніе для выраженія нарѣчія «сильно, крѣпко, добровольно.» Лишь только mente потеряло свое значеніе, оно какъ окончаніе нарѣчія стало употребляться и тамъ, гдѣ первоначально употребленіе его было бы совершенно невозможнымъ, такъ напр. французы говорятъ, что молотъ падаетъ lourdement (тяжелымъ духомъ), не подозрѣвая, что бездушному куску желѣза приписываютъ тяжелый духъ [1]). Точно такъ же личныя окончанія нашихъ глаголовъ произошли отъ мѣстоименій, или полныя окончанія прилагательныхъ *ый, ой, ая, ее* отъ мѣстоименій же *и, я, е*, окончанія будущаго времени въ малороссійскомъ языкѣ изъ глагола *имѣть* и др. Конечно, въ настоящее время не всѣ окончанія можно легко объяснить, изъ какихъ знаменательныхъ корней произошли они; но съ помощію научнаго анализа можно дойти до начала многихъ изъ нихъ.

Языки, въ которыхъ къ чистому неизмѣнному корню приставляются разныя окончанія для произведенія различныхъ грамматическихъ формъ, называются *приставочными*. Сюда относится самое большее число языковъ. Вся *туранская* отрасль состоитъ изъ приставочныхъ языковъ; на нихъ

---

[1]) Лекціи М. Миллера.

говорятъ всѣ кочевыя племена Азіи; въ Европѣ татары, турки, финны, венгерцы. Единственная характеристическая черта туранскихъ языковъ состоитъ въ томъ, что корень въ нихъ никогда не измѣняется и не затемняется никакими приставками и сокращеніями, а слоги опредѣляющіе и измѣняющіеся обыкновенно приставляются въ концѣ чистаго корня, и гласные звуки этихъ приставочныхъ окончаній зависятъ отъ гласныхъ корня: если въ корнѣ твердый звукъ, то и окончаніе принимаетъ твердый и на оборотъ: то же окончаніе звучитъ уже съ мягкимъ гласнымъ звукомъ, если въ корнѣ мягкій. Такъ напр. для неопредѣленнаго наклоненія существуютъ окончанія *мек* и *мак:* сев-мек (любить) и бак-мак (смотрѣть), для множеств. числа *лер* и *лар: ев-лер*—дома, *ат-лар* — лошади.

Когда начинается фонетическое или звуковое искаженіе первыхъ знаменательныхъ корней, тогда языкъ вступаетъ въ другой періодъ своего развитія. Здѣсь разные элементы, входящіе въ составъ слова, могутъ до того спаяться вмѣстѣ и такъ пострадать отъ фонетической порчи, что только ученый можетъ замѣтить первоначальное различіе между корнемъ и окончаніемъ, и только сравнительное изслѣдованіе въ состояніи открыть спаи, раздѣляющіе составныя части, тогда какъ въ приставочныхъ языкахъ каждый можетъ указать на корень, окончаніе и всѣ производственные слоги. Такъ напр. кто, произнося слова *жертва, жерло,* подозрѣваетъ, что они происходятъ отъ слова *горѣть*, или *ожерелье* отъ слова *горло, изба* отъ *топить?* Какой неученый французъ догадается что его vingt (двадцать) происходитъ отъ корня dvi (два), или aujourd'hui повторяетъ корень *dies?* Измѣненіе звуковъ, сокращеніе, сліяніе часто до такой степени измѣняетъ корень, что отъ него не остается ни одного первоначальнаго звука. Кто напр. скажетъ, что слова *имя* и *знакъ* произошли отъ одного корня *gna*, а между тѣмъ это дѣйствительно такъ: окончаніе *я* въ словѣ *имя* произошло изъ древняго носоваго звука *ень*, слѣд. слово звучало *именъ;*

ясно, что оно одного происхожденія съ латин. *nomen*, нѣмец. *nahmen*, санскр. *nâman*, имѣющими то же самое значеніе. Эти слова произошли отъ кореннаго *gnaman*, которое сохранилось въ латинскомъ *cognomen*. Отпаденіе начальныхъ и конечныхъ звуковъ очень обыкновенное явленіе въ словопроизводствѣ, такъ *natus* — сынъ составилось изъ *gnatus*, *ратай* отъ *орать*. Корень слова gnâman есть *gnâ*, что значитъ *знать;* звукъ *g* — (*г*) по обыкновенному закону измѣненія звуковъ перешелъ въ *з*, и образовалось русское слово *знать*, изъ котораго составилось производное *знакъ*.

Къ этому разряду языковъ относятся языки отраслей симической и индоевропейской или арійской. Въ нихъ отличаются два составные элемента: корни знаменательные или *глагольные* и *мѣстоименные*.

Симическая или семитическая отрасль раздѣляется на три вѣтви: арамейскую (языки сирійскій и халдейскій—мертвые) еврейскую (еврейскій, финикійскій, карфагенскій — мертвые) и арабскую. Всѣ эти языки развились весьма рано, выразились въ богатыхъ литературахъ и удалились другъ отъ друга гораздо менѣе языковъ индоевропейской отрасли. Каждый корень въ нихъ состоитъ изъ трехъ согласныхъ; отъ корней производится множество словъ простою перемѣною гласныхъ, оставляя согласныя по возможности не тронутыми. Симическіе языки и своимъ грамматическимъ строемъ рѣзко отличаются отъ языковъ индоевропейскихъ. Современные ученые филологи стараются найти связь между этими двумя отраслями; но до сихъ поръ еще мало въ томъ успѣли. Индоевропейскіе языки подверглись значительно большей фонетической порчи, чѣмъ языки симическіе; но въ то же время эта отрасль, самая богатая и образованная, звучитъ на большомъ пространствѣ, раздѣляясь на нѣсколько *семействъ:*

1. Семейство индѣйское. Въ немъ первое мѣсто наука дастъ языку *санскритскому*, на которомъ говорили древніе индѣйцы. Онъ всего ближе подходитъ къ первобытному языку, сохранивъ много древнѣйшихъ формъ и корней. Онъ

носитъ названіе *священнаго языка* (санскритъ), потому что на немъ написаны священныя книги древнѣйшей религіи Брамы — Веды; изъ нихъ нѣкоторыя дошли до насъ. Онъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ мірѣ, и хотя сдѣлался языкомъ мертвымъ еще за нѣсколько вѣковъ до Рожд. Христ.; но на немъ до сихъ поръ въ Индіи совершаютъ богослуженіе и всѣ образованные индѣйцы знаютъ посанскритски. Въ наукѣ филологіи этотъ языкъ имѣетъ важное значеніе, потому что черезъ него можно объяснить происхожденіе многихъ грамматическихъ формъ и словъ въ другихъ языкахъ; потому-то онъ составляетъ какъ-бы средоточіе всей индоевропейской отрасли; свойства, которыя мы встрѣчаемъ въ прочихъ языкахъ той же отрасли разсѣянно, въ-немъ сохранились всѣ вмѣстѣ въ органической цѣлости; что другіе растеряли, углубляясь въ далекія земли, то онъ сохранилъ, оставаясь на родной почвѣ и перейдя въ книги еще въ древнѣйшія времена. Наука смотритъ на него какъ на старшаго брата всѣхъ прочихъ языковъ. Въ Индіи образовались многія индѣйскія нарѣчія и испорченныя постороннимъ вліяніемъ чрезвычайно удалились отъ санскритскаго.

2. Семейство иранское. Сюда относятся языки обитателей Ирана. Первое мѣсто здѣсь занимаетъ языкъ *зендскій*, тѣсно связанный съ санскритомъ; на немъ написанъ законъ Зороастра книга *Зендавеста.* Это древній языкъ парсовъ или огнепоклонниковъ. Онъ былъ разобранъ только недавно съ помощію санскрита усиленными трудами французскаго филолога Бюрнуфа по рукописямъ, сохраненнымъ парскими жрецами въ Бомбеѣ, куда въ десятомъ столѣтіи укрылась колонія огнепоклонниковъ. Изъ зендскаго языка въ смѣшеніи съ симическими элементами образовался языкъ *пехлевійскій*, династіи сассанидовъ (226 — 651 г.). Затѣмъ очищенный отъ симической примѣси языкъ *парси*, и наконецъ *ново-персидскій* съ примѣсью множества арабскихъ словъ и формъ.

Большое сродство съ этими двумя семействами обнаруживаютъ изъ азіатскихъ языковъ *афганскій*, *бухарскій*, *курд-*

скій, *оссетинскій* (на Кавказѣ) и *армянскій*. Изъ Индустана происходитъ и языкъ *цыганскій*, но онъ весьма испорченъ въ своей грамматикѣ, и словарь его состоитъ изъ словъ выкраденныхъ изъ всѣхъ странъ.

3. Семейство эллинское. Сюда относятся діалекты древней Греціи; а литературный *древнегреческій языкъ* имѣетъ всемірное значеніе, благодаря высокимъ произведеніямъ греческой поэзіи. Его исторія хорошо извѣстна со временъ Гомера (1000 л. до Р. Х.). Изъ древнегреческихъ діалектовъ подъ нѣкоторымъ вліяніемъ языковъ латинскаго, турецкаго и отчасти итальянскаго и славянскаго образовался языкъ *новогреческій*.

4. Семейство романское. Его составляютъ древніе діалекты Италіи, изъ которыхъ выдается литературный языкъ древняго Рима—*латинскій* (какъ нарѣчіе *Латіума* Latium), вмѣстѣ съ греческимъ классическій языкъ древности и среднихъ вѣковъ. Изъ латинскаго и діалектовъ древней Италіи подъ вліяніемъ германскихъ и кельтическихъ языковъ составились языки *провансальскій*, достигшій въ средніе вѣка въ поэзіи трубадуровъ высокаго литературнаго превосходства, *итальянскій*, *французскій*, *испанскій*, *португальскій*. Всѣ они называются также языками романскими, какъ происшедшіе отъ языка древняго Рима (Roma). Въ образованіи языка испанскаго принималъ нѣкоторое участіе и языкъ арабскій.

Къ романскому семейству должно отнести и языкъ *румынскій* или *молдаво-валашскій*, образовавшійся изъ латинскаго подъ вліяніемъ славянскаго и отчасти турецкаго.

5. Семейство кельтское. Сюда относятся діалекты *кимрскій*, *гальскій*, *иберійскій*, *скоттскій*, *уэльскій* (въ Валисѣ) недавно вымершій. Изъ этого семейства въ настоящее время остались діалекты *ирландскій*, *гельскій* (на западномъ берегу Шотландіи) и *нижнебретонскій* (bas-breton въ Бретани).

6. Семейство германское или тевтонское. Нѣмецкій языкъ раздѣляется на діалекты *верхнегерманскій* и *нижнегерманскій*. Первый всегда былъ литературнымъ языкомъ Германіи. По древности письменныхъ памятниковъ весьма важенъ въ историческомъ отношеніи діалектъ *готтскій*, на которомъ сохранилось евангеліе перевода епископа Ульфилы. На ряду съ нимъ въ древности существовали другіе діалекты германскаго племени; нѣкоторые изъ нихъ образовали нынѣшніе языки *фламандскій*, *голландскій*, *фризскій*, нѣкоторые вымерли, другіе остались простонародными нарѣчіями (Plattdeutsch). Какъ самостоятельная вѣтвь германской семьи является языкъ *скандинавскій* или *норманскій*, который въ настоящее время состоитъ изъ трехъ литературныхъ діалектовъ *шведскаго*, *датскаго* и *исландскаго* и изъ многихъ мѣстныхъ нарѣчій, особливо въ Норвегіи. По своему грамматическому строю къ германской же семьѣ принадлежитъ и языкъ *англійскій*, хотя онъ и развился подъ разнообразными вліяніями.

7. Семейство леттское. Его составляютъ языки *литовскій* (въ Литвѣ и восточной Пруссіи) *латышскій* (въ Курляндіи и въ части Лифляндіи) и вымершій *древнепрусскій*. Хотя эта семья не выработала ни одного литературнаго діалекта, но она очень важна для филологической науки, потому что въ ея діалектахъ встрѣчаются грамматическія формы болѣе древнія и болѣе сходныя съ санскритскими, нежели соотвѣтствующія имъ формы въ другихъ языкахъ.

8. **Славянская семья.** § 3. Она дѣлится обыкновенно на три отрасли: *сѣверо-западную*, *юго-западную* и *восточную*. Къ сѣверо-западной, сильно подвергшейся нѣмецкому вліянію и принявшей латинскія буквы, относятся слѣдующія: *чешское* или *богемское*, *польское*, *сербо-лужицкое* и *полабское*. Къ югозападной — *старо* или *церковно-славянское*, *болгарское* (подпавшее турецкому вліянію) *иллирійское*, (составляющее нарѣчія сербское, кроатское и словенское),

и *хорутанское*. Къ восточной отрасли принадлежитъ нарѣчіе самое обширное по занимаемому пространству, *русское*.

Русскій языкъ. § 4. Русскій языкъ имѣетъ свое самобытное историческое развитіе. Звуча на такомъ обширномъ пространствѣ, онъ не могъ не развиться въ нѣсколько нарѣчій; изъ нихъ главныхъ три: *велико-русское* (восточное) *малорусское* (южное) и *бѣлорусское* (западное). Самое развитое и богатое литературою есть великорусское, которое также подраздѣляется на нарѣчія. Изъ нихъ самое важное нарѣчіе *московское*, какъ языкъ образованнаго класса общества и народное основаніе языка литературнаго. Оно отличается мягкостью, и постояннымъ расширеніемъ гласныхъ звуковъ безъ ударенія напр. *о* въ *а*. (Та же любовь къ расширенію существуетъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, гдѣ кромѣ того безпрестанно слышатся зубныя придыханія: *т* произн. какъ *тс—ц; д* какъ *дз*). По *новгородскому* нарѣчію произносятся всѣ звуки ясно безъ всякаго расширенія, къ нему же приближается и *сѣверное* или *архангельское* нарѣчіе. Не смотря на многія различія, всѣ они весьма близки одно къ другому и понятны каждому русскому.

Изъ смѣси нарѣчій русскаго и церковнославянскаго въ старину у насъ образовался языкъ книжный, который можно назвать *славянорусскимъ*. И нынѣшній литературный языкъ нашъ также развился подъ вліяніемъ церковнославянскаго, откуда къ намъ перешли многія слова и нѣкоторыя формы; почему при изученіи русскаго языка часто бываетъ необходимо обращаться и къ церковному.

Такимъ образомъ русскій языкъ, какъ членъ славянской семьи, принадлежитъ къ индоевропейской отрасли. Между нимъ и другими языками той же отрасли существуетъ братство или кровное родство, которое обнаруживается въ грамматическомъ устройствѣ и въ общихъ корняхъ весьма многихъ словъ. Сличая эти языки, мы приходимъ къ одному заключенію: всѣ они необходимо должны были произойти изъ

одного начала, т. е., было время, когда наши предки и предки германцевъ, римлянъ, грековъ говорили однимъ языкомъ, который уже въ послѣдствіи, распространяясь на большемъ и большемъ пространствѣ, неминуемо долженъ былъ раздѣлиться и такимъ образомъ произвелъ нѣсколько братьевъ, не потерявшихъ и до сихъ поръ признаковъ своего родства. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ ученыхъ, ближайшій къ санскритскому языку вмѣстѣ съ литовскимъ есть языкъ славянскій, а черезъ него и русскій; изслѣдованія показываютъ, что нашъ языкъ гораздо ближе къ древнѣйшему языку отдаленной Индіи, чѣмъ къ языкамъ сосѣднихъ племенъ — греческому и германскому. Изъ сравненія замѣчаютъ, что кромѣ общаго родства между языкомъ санскритскимъ и славянскимъ, какое находится между всѣми языками индоевропейскими, существуетъ еще родство ближайшее, семейное. Такая родственная близость иногда поневолѣ будетъ насъ побуждать обращаться, хотя въ примѣчаніяхъ, къ старѣйшему языку для объясненія нѣкоторыхъ корней и формъ своего роднаго языка. Для сравненія и объясненія многихъ общихъ законовъ языка необходимо обращаться и къ языкамъ европейскимъ.

Русскій языкъ имѣетъ свое историческое развитіе, которое мы изучаемъ изъ дошедшихъ до насъ рукописей. Изъ нихъ мы видимъ его постепенное измѣненіе, его утраты и пріобрѣтенія. Излагая законы языка, мы необходимо должны обращаться къ его исторіи, и слѣдственно дѣлать указаніе на упомянутыя рукописи.

История русской азбуки. § 5. Девятьсотъ лѣтъ русскій языкъ имѣетъ свои письмена. Наша азбука составленная св. Кирилломъ внѣ Россіи (въ половинѣ IX стол.) утвердилась у насъ со введеніемъ христіанства. Принявъ въ основаніе алфавитъ греческій, изобрѣтатель долженъ былъ его дополнить новыми знаками, найдя, что въ славянскомъ языкѣ есть много звуковъ, которыхъ нѣтъ въ греческомъ. Нѣкоторые

для этого онъ принялъ изъ латинской азбуки (є, s), [1]) другіе изъ еврейской (ц, ч, ш, щ). третьи наконецъ составилъ самъ (ѥ, ѩ, ю, ѫ, ѭ, ѧ, ѩ ъ, ь, ы, ѣ). Каждая изъ этихъ буквъ имѣла свой особенный звукъ, которыхъ всѣхъ числомъ было 35. Съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ тѣхъ звуковъ въ устахъ народа утратились, смѣшавшись съ другими, и такимъ образомъ въ нашей азбукѣ явилось нѣсколько буквъ, выражавшихъ одинъ и тотъ же звукъ, какъ *з* и s (зѣло), ѫ и ю и проч. Сложныя согласныя буквы, какъ ѯ, ѱ, ѿ, а также ѳ, какъ полагаютъ, введены къ намъ въ послѣдствіи для выраженія чиселъ по образцу греческому (60, 700, 800, 9). ѯ, ѱ, ѳ писались только въ словахъ, взятыхъ съ греческаго языка, и нигдѣ не употреблялись въ словахъ чисто славянскихъ. ѵ (ижица) введена въ славянскій алфавитъ очень поздно для соотвѣтствія греческому ипсилёнъ (υ) и писалась тоже только въ греческихъ словахъ, перешедшихъ къ намъ въ большомъ числѣ съ принятіемъ христіанства. Конечно начертаніе славянскихъ буквъ имѣетъ мало сходства съ тѣми греческими, которыя мы теперь употребляемъ; но если взять греческія рукописи IX и X стол., то намъ представится поразительное сходство.

Старое начертаніе нашихъ буквъ со всѣми знаками существовало до XVIII стол., войдя съ половины XVI стол. въ наши типографіи. Наконецъ Петръ Великій сдѣлалъ въ немъ значительное преобразованіе. Простота и четкость латинскаго шрифта не могли на себя не обратить вниманія преобразователя. Онъ измѣнилъ начертаніе славянскихъ буквъ, примѣнивъ его къ латинскому. Онъ видѣлъ лишнее обиліе буквъ старой кирилловской азбуки, не нужныя греческія придыханія

---

[1]) По мнѣнію Павскаго буква *ж* также составилась изъ латинскаго *r*, которую, чтобы не смѣшать съ греческимъ *x*, переноясали чертою. Мнѣніе свое онъ основываетъ на томъ, что у далматскихъ славянъ, пишущихъ латинскими буквами, *x* понынѣ произносится какъ *ж*, что они заимствовали у венеціанъ, которые латинскую букву *x* выговариваютъ за *ж*: Dux — Дужъ или Дожъ.

и ударенія, различныя титла, которыя пестрили страницы, не служа рѣшительно ни къ чему, и только затрудняли чтеніе, какъ всякіе сократительные знаки; потому отбросилъ все лишнее въ азбукѣ; каждому звуку далъ по одному знаку (исключивъ и буквы *и*, *ѵ*); изъ однозвучныхъ оставилъ только *е* и *ѣ*, *ф* и *ѳ*, также двѣ сложныя ѯ и щ. Такимъ образомъ русская печать явилась почти въ томъ видѣ, въ какомъ мы видимъ ее теперь; только буква *д* получила начертаніе въ родѣ латинскаго *g*, вмѣсто буквы *з* было ѕ (зѣло) а п и т были похожи на французскія *n*, *m*. Этимъ новымъ русскимъ шрифтомъ, названнымъ гражданскимъ, отпечатаны въ московской типографіи первыя въ Россіи Вѣдомости въ 1710 г.; первыя же книги (*Геометрія и Приклады, како пишутся комплименты*) напечатаны имъ еще въ 1708 г. Но преобразованная азбука въ послѣдующее время подвергалась нѣкоторымъ прибавленіямъ и измѣненіямъ; такъ въ 1716 г. буква *і* получила надъ собою вмѣсто одной двѣ точки (ї), и кромѣ того возобновлена была еще буква *и*; въ 1718 г. появилась буква ѵ (ижица); впрочемъ въ 1733 г. она была вновь оставлена, при чемъ произошли въ азбукѣ и нѣкоторыя новыя измѣненія: вмѣсто *ѕ* стали употреблять *з*, буква ѯ исключена совершенно, а вновь введены *э* и *й*; эта послѣдняя была необходимою буквою, вмѣсто которой до того времени употреблялось простое *и*; первая же, обращенная изъ славянскаго Є, назначалась для выраженія чистаго звука *e*, который въ устахъ русскаго человѣка легко переходитъ въ придыхательный (*ѣе*). Наконецъ замѣтимъ, что буква *і* писалась не только передъ гласными, но и передъ согласными въ иностранныхъ словахъ (Італія, імперія), и только съ 1738 г. оставлено это послѣднее употребленіе въ пользу буквы *и*. Такимъ образомъ въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ составилась и утвердилась наша русская азбука. Разсмотримъ же ее въ подробности, какъ представительницу всѣхъ звуковъ, изъ которыхъ сложился языкъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЗВУКИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Чистые гласные. § 6, Въ словѣ должно различать двѣ стороны: *логическую* и *фонетическую* (звуковую) — духъ и тѣло; первая, внутренняя представляетъ намъ мысль или понятіе, заключенное въ словѣ; вторая, внѣшняя, звуки, которые произносятся и отдѣльно, и слитно одинъ съ другимъ. Со стороны фонетической слово состоитъ изъ двухъ стихій: звуковъ *гласныхъ* и *согласныхъ*. Органы, въ которыхъ они образуются, — гортань, ротъ и губы. По этому числу собственно три простыхъ, чистыхъ гласныхъ: *и* (въ гортани), *а* (во рту), *у* (въ губахъ). Въ языкахъ весьма рано развившихся, напр. въ санскритскомъ и арабскомъ, только и существуютъ эти три гласные звука; потому ихъ мы можемъ назвать первоначальными. Съ теченіемъ времени между этими звуками, какъ бы въ ихъ промежуткѣ, образовались два новые гласные звука: *е* и *о*. Первый занимаетъ мѣсто между *а* и *и*, такъ греческое *αι*, французское *ai* произносятся какъ *е* (долгое), равно какъ и латинское *ae*, составившееся изъ стараго *ai*. Звукъ *о* занялъ средину между *а* и *у* (франц. *au* — *o*). При такомъ родствѣ всѣ эти звуки весьма легко переходятъ одинъ въ другой, что мы встрѣчаемъ во всѣхъ языкахъ.

Въ русскомъ языкѣ, какъ и вообще въ славянскомъ, есть двѣ гласныя буквы, которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ въ другихъ европейскихъ языкахъ; это — буквы *ѣ* и *ы*. Ѣ и *е* въ литературномъ языкѣ и въ московскомъ нарѣчіи въ произношеніи звучатъ одинаково; въ нарѣчіи малорусскомъ и иногда новогородскомъ *ѣ* произносится какъ *и*; *е* же всегда сохраняетъ свой звукъ во всѣхъ нарѣчіяхъ. Наблюдая надъ измѣненіями буквы *ѣ*, мы замѣчаемъ, что она въ русскомъ литературномъ языкѣ постоянно переходитъ или въ *и* напр. *лѣпить*, *липнуть*, *вѣсить* — *висѣть*; въ предл. пад. *о*

веселіи вм. *веселѣи*, или въ *а* (послѣ *ж, ч, ш, щ*) напр. *величайшій* вм. *ѣйшій;* но никогда не переходитъ въ *е*, съ которымъ она выказываетъ свое родство только въ произношеніи. Надо полагать, что въ старину она отличалась отъ *е* долготою произношенія, что видно изъ слова *нѣсть*, нѣтъ, составившагося изъ *не есть;* здѣсь двойное *е* обратилось въ *ѣ*. Подражая *е*, въ нѣкоторыхъ словахъ подъ удареніемъ *ѣ* звучитъ какъ ё: *звѣзды* (звёзды), *сѣдла* (сёдла), *цвѣлъ* (цвёлъ) и др. Это измѣненіе буквы *ѣ* указываетъ на ея части, изъ которыхъ она составилась, при чемъ *а* и *и* не обратились въ двугласную, а слились въ одинъ звукъ, который у нѣкоторыхъ совсѣмъ приблизился къ *и*, у другихъ къ смягченному *е*, занимающему средину между *а* и *и*; у иныхъ даже обратился въ *я* (напр. польск. и болгар. *лято, място, вяра*); у насъ въ старыхъ рукописяхъ: *ныня* вм. *нынѣ* (Кирил. Туров.), *кромя* вм. *кромѣ*, или теперь *сѣсть—сяду*, *ѣда* и *ядъ*, *яство*. Нѣкоторые примѣры представляютъ, что *ѣ* черезъ *е* имѣетъ даже дальнее родство съ *о*, какъ *пѣть — пою*. Но такіе случаи весьма рѣдки. Есть случаи и обратнаго измѣненія—*и* въ *ѣ*, какъ *брить—брѣю*, *Априль — Апрѣль*, *Алексій — Алексѣй*.

Звукъ ы есть видоизмѣненіе *у*; въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ *ы* въ произношеніи совсѣмъ приближается къ *у*, напримѣръ, въ малорусскомъ и словацкомъ: *бути* вм. *быти;* иностранцы выговариваютъ наше *ы* какъ *у*; у насъ *духъ— дышать*, *слухъ—слышать*. По родству съ *у* звукъ *ы* часто обращается въ *в*, *ов*, *ав;* напр. *слыть — славить*, *плыть — плавить*. ц. сл. *церкы — церковь*, *крыть — кровъ*.

Предыхательные или мягкіе гласные [1]). § 7. Славянскій языкъ, а слѣдственно и русскій, не довольствовался тѣми гласными, какіе существуютъ въ другихъ языкахъ индо-

---

[1]) Эти звуки у насъ получили нѣсколько названій *іотированные*, *узкіе* (и въ противуположность имъ чистые гласные зовутъ *широкими*).

европейской отрасли; во многихъ случаяхъ онъ старался свои чистые гласные смягчать легкимъ придыханіемъ изъ гортани, близкимъ по этому къ гортанному звуку *и*. Такимъ образомъ составились звуки гласные придыхательные или мягкіе (иначе *іотированные*) изъ *а* — *я*, изъ *е* — *ье*, изъ *у* — *ю*. Св. Кириллъ для ихъ изображенія соединилъ твердыя гласныя буквы съ *і*, слыша въ нихъ гортанное придыханіе: ꙗ, ѥ, ю; послѣднее изображеніе произошло изъ сокращеннаго *у*, которое у грековъ писалось такимъ образомъ: ȣ. Всѣхъ болѣе подвергся придыханію въ русскомъ языкѣ звукъ *е*, такъ что въ немъ осталось весьма не много словъ съ твердымъ *е* и то въ началѣ слога. Ему послѣдовало и *ѣ*, которое у насъ вездѣ звучитъ какъ придыхательное *е*. Уже при Петрѣ Великомъ є и ѥ произносились одинако съ придыханіемъ, такъ что онъ нашелъ излишнимъ существованіе одной изъ этихъ буквъ въ русской азбукѣ и отбросилъ сложную ѥ, хотя она и была настоящая придыхательная. Ея должность стала исправлять твердая *е*. Въ послѣдствіи замѣтили, что въ русскомъ языкѣ есть слова и съ твердымъ звукомъ *е* (этотъ, экій), и ввели новую букву *э*, оборотивъ є на другую сторону.

Придыханіе проникаетъ весь составъ славянскаго языка. Въ современномъ русскомъ языкѣ гласные послѣ гласныхъ обыкновенно принимаютъ придыханіе, что можно принять за законъ, который впрочемъ развился въ нашемъ языкѣ во времена историческія, болѣе къ намъ близкія: въ старыхъ русскихъ рукописяхъ незамѣтно такого постояннаго смягченія (напр. у Кирил. Туровск. XII ст.): *имѣаху*

Юсы. § 8. Какъ въ русской азбукѣ уничтожено ѥ, такъ точно уничтожены и буквы, извѣстныя подъ названіемъ юсовъ: ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, которыя произносились какъ *у*, *ю*, *я*. Въ старославянскомъ языкѣ онѣ были носовыя полугласныя, т. е. произносились въ носъ (какъ французс. *on*, *en*), гдѣ были слышны *н* и *м* слитно съ предъидущею гласною. Въ санск-

ритскомъ языкѣ носовые звуки являются въ древнѣйшую эпоху, слѣд. можно полагать, что они существовали и въ славянскомъ при первомъ его образованіи, при отдѣленіи отъ языка старѣйшаго. Образованіе носовыхъ звуковъ во французскомъ языкѣ произошло уже во времена новоисторическія, слѣдовательно въ эпоху гораздо позднѣйшую. Въ произношеніи славянскихъ юсовъ слышались два гласные звука *о* (ъ) и *е* (ь), и потому въ письмѣ ихъ должно было изображать различно: носовой звукъ съ *о* изобразился въ кирилловской азбукѣ черезъ ѫ, а носовой звукъ съ *е*—черезъ ѧ. Конечно, гласные *о*, *е* въ сочетаніи съ носовымъ элементомъ произносятся не совсѣмъ явственно и потому легко смѣшиваются, что мы дѣйствительно безпрестанно встрѣчаемъ въ письменныхъ памятникахъ. Смягченіе звуковъ посредствомъ придыханія, свойственное славянскому языку, произвело буквы ѭ и ѩ, которыя употреблялись преимущественно въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ. Съ теченіемъ времени носовые звуки стали исчезать во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ; теперь они существуютъ только въ языкѣ польскомъ; нѣкоторые остатки ихъ сохранились еще у словаковъ, хорутанъ и болгаръ. Въ русскомъ языкѣ они совершенно исчезли, вмѣсто ихъ стали слышаться гласные *у* и *я*, изъ которыхъ первая замѣнила ѫ, а вторая—ѧ. Такимъ образомъ въ однихъ русскихъ словахъ гласные *у* и *я*—коренные; въ другихъ же происшедшіе изъ носовыхъ звуковъ, что необходимо различать при этимологическомъ изученіи языка; въ немъ встрѣчаемъ много такихъ фактовъ, которыхъ мы не могли бы объяснить, не зная свойства юсовъ, такъ напр. имѣя въ виду, что въ слов. *время* или *взять*—*я* юсовое, мы легко объясняемъ происхожденіе родительнаго падежа *времени* и формы *возьму*; здѣсь только возстановляются передъ гласными элементные звуки *н* и *м*, которые въ коренной формѣ передъ согласнымъ звукомъ пропали. Точно также зная, что слово *мужъ* писалось съ юсомъ (*мѫжь*), мы легко убѣждаемся, что оно вмѣстѣ съ нѣмец. Mensch произошло отъ

одного корня, или рус. *голѫбь* и лат. columba; рус. *пѧть* и греческ. πέντε и мн. др. Легко также объяснить происхожденіе словъ *яти* (брать) и *имѣть* отъ одного корня. Въ последнемъ словѣ носовой звукъ (ѧ) обратился передъ гласною въ *ѣм=им*. Такимъ образомъ хотя *юсы* уничтожены въ письмѣ или въ азбукѣ, но въ грамматикѣ они должны навсегда сохраняться для объясненія законовъ производства. Носовые звуки нерѣдко переходили и въ звукъ *ы*: *камы*—камень, *несы*—несѧщій.

Примѣч. Переходъ носовыхъ звуковъ въ *у* замѣчается и въ другихъ языкахъ, напр. въ греч. λέγουσι вм. λέγονσι.

Глухіе гласные или полугласные. § 9. Ослабленіе коренныхъ гласныхъ *а*, *и*, *у*, начавшееся въ образованіи *е*, *о*, развилось въ славянскомъ языкѣ еще далѣе. Гласныя во многихъ случаяхъ стали произноситься короче и неопредѣленнѣе; ихъ, такъ сказать, стали скрадывать. Такимъ образомъ произошли два новые, глухіе звука, означенные въ кирилловской азбукѣ начертаніями *ъ* и *ь*. Что первоначальное значеніе *ъ* и *ь* было гласное, доказывается древними рукописями, гдѣ обѣ буквы писались въ срединѣ словъ (*вльк*ъ, *дьнь*), теперь мы не можемъ тамъ иначе произнести ихъ, какъ звуками гласными. У болгаръ и понынѣ существуетъ этотъ звукъ не вполнѣ чистый и явственный, а неопредѣленный и скрадываемый. Въ сравненіи съ родственными языками *ъ* и *ь* соотвѣтствуютъ тремъ гласнымъ кореннымъ звукамъ *а*, *и*, *у*; въ большей же части случаевъ тѣ славянскіе народы, которые не имѣютъ глухихъ звуковъ, вмѣсто *ъ* въ срединѣ слова употребляютъ *о*, вмѣсто *ь*—*е*. Сюда мы причисляемъ и русскихъ (*вльк*ъ—*волкъ*, *дьнь*—*день*). Кромѣ того въ нашемъ языкѣ есть соотвѣтствіе между *ь* и *и*: *и* передъ гласною нерѣдко сокращается въ *ь*, напр. *веселіе*—*веселье*, *любовію*—*любовью*; *ь* обнаруживаетъ свой сокращенный звукъ послѣ гласныхъ, обращаясь въ *и* краткое (*й*). *ъ* былъ звукъ твердый, *ь*—мягкій, подобно какъ *я*, *ю* и др. Этотъ послѣдній

имѣетъ такое же вліяніе на измѣненіе согласныхъ звуковъ, какъ и придыхательные гласные, что мы увидимъ далѣе, поэтому мы отнесемъ его къ числу буквъ придыхательныхъ.

Современемъ ъ и ь, какъ звуки гласные, стали исчезать, или совсѣмъ дѣлаясь не слышными, или замѣняясь явственною гласною. При всемъ томъ они сохранили особенное значеніе въ нашемъ ясыкѣ и донынѣ удержались въ письмѣ. Смягченіе звуковъ, какъ мы сказали, проходитъ черезъ весь составъ русскаго языка; здѣсь случается смягченіе не только гласныхъ но и согласныхъ; ъ и ь, сдѣлавшись нѣмыми знаками, явились указателями, какъ должно произносить согласную—твердо или мягко. На концѣ словъ скрадываніе гласнаго звука и обращеніе его въ ъ и ь составляетъ органическое свойство нашего языка и въ грамматическомъ построеніи отличаетъ его отъ прочихъ языковъ.

Въ рус. яз. равно какъ и въ другихъ индоевропейскихъ яз. весьма важенъ законъ измѣненія гласныхъ, состоящій въ усиленіи или подъемѣ ихъ. Усиленіе происходитъ черезъ перемѣну гласныхъ (преимущественно краткихъ на долгіе) ь на *и*: *жьдати* (ц. с.)—*ожидать*, ъ на *у бъдѣти* (ц. с.)—*будити*, на *ы*, *а*, *о*: *съпати*—(за)*сыпать*, *мрьзнути* (ц. с.) *мразъ*—*морозъ*, *е* на *о теку*—*токъ*, *о* на *а творить*—*тварь*, *и* на *ѣ* и *ой*—*висѣть*—*вѣсить*, *пить*—*пой* (водопой), *у*, *ы* на *ов*, *ав*: *слыти*, (*слути*) *слово*, *слава*, ѧ на ѫ: *трѧсти*—*трѫсъ*, *звенѣть* —*звонить*.

Полусогласные или плавные. § 10. Переходъ отъ гласныхъ звуковъ къ согласнымъ составляютъ полусогласные *м*, *н*, *л*, *р*., которые у насъ называются *плавными*. Плавные звуки, по своему происхожденію весьма близки къ гласнымъ. Мы видѣли, какъ *м* и *н* составили носовые, обратившіеся у насъ въ *у* и *я*. Они весьма важны въ этимологіи, часто видоизмѣняя корни, то вставляясь, то исчезая, замѣняясь гласною.

Примѣч. Буква *р* существуетъ въ санскритскомъ языкѣ какъ гласная, гдѣ звучитъ *р* съ краткимъ и неяснымъ гласнымъ звукомъ. Отъ этого при *р* никогда не ставилась гласная буква; онъ уже въ самомъ себѣ заключалъ гласный звукъ. Въ старославянскомъ языкѣ мы замѣчаемъ то же самое: тамъ при *р* равно какъ и при *л* въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ употребляли скрадываемый гласный звукъ ъ или ь напр. *вълкъ*, *гръдъ*; или у насъ *брать—беру, стлать—стелю*, *зрѣть—зоря*. Здѣсь такой же *подъемъ* звука какъ и гласныхъ.

Въ смыслѣ этимологическомъ *л* и *р* совершенно тожественны и безпрестанно смѣшиваются во всѣхъ языкахъ; у насъ напр. вмѣсто *прорубь* говорятъ *пролубь*, изъ нѣм. Ritter образовалось старинное *лыцарь* вм. *рыцарь*; Februarius—*феврал* вмѣсто *феврарь* и др.

Согласные губные. § 11. Переходъ отъ полусогласныхъ къ согласнымъ составляетъ звукъ *м*. Будучи плавною буквою, *м* въ тоже время и губная по органу произношенія. Мы видѣли, какъ носовой звукъ *м* переходитъ въ *у*; это же *у*, какъ губная гласная, твердѣетъ въ губахъ, не распространяясь далѣе, и производитъ согласный губной звукъ *в*. Близкое родство этихъ двухъ звуковъ доказываютъ почти всѣ языки. Измѣненіе *у* въ *в* безпрестанно видимъ въ латинскомъ языкѣ, гдѣ является и одинакое начертаніе ихъ. Januarius, Augustus, мы стали произносить *январь*, *августъ*, французы Janvier; изъ стариннаго слова *заутра* произошло наше *завтра*. Въ нарѣчіяхъ новогородскомъ и малорусскомъ *у* и *в* замѣняются одно другимъ: *учора*, *уторникъ*, *унукъ* (Нест.), *у городи* вм. *вчера*, *вторникъ*, *внукъ*, *въ городѣ* или *вже*, *вмираю* вм. *уже*, *умираю*.

Другіе губные звуки *б*, *п*, *ф*.

Близкое родство *в* и *б* выказывается во многихъ языкахъ, гдѣ часто одно замѣняется другимъ: слова, взятыя нами у грековъ, *Авель*, *феврал* соотвѣтствуютъ латинс. Abel, Februarius.

Согласные звуки можно раздѣлить на *ясные* (*б*, *в*, *г*, *д*)

и *глухіе* (*п*, *ф*, *к*, *т*). Любовь къ благозвучію въ русскомъ языкѣ замѣчается въ стремленіи согласовать однохарактерные звуки, т. е., ясные съ ясными, глухіе съ глухими. По этому стремленію *б* въ произношеніи у насъ обращается въ глухую губную *п* передъ глухими согласными звуками и передъ *ъ*, хотя въ письмѣ мы и не позволяемъ такого измѣненія напр. *голубка*, *обходъ*, *зубъ* произносимъ *голупка*, *опходъ*, *зупъ*.

Подобно *б*, и *в* имѣетъ соотвѣтственную себѣ глухую губную въ *ф*. Этотъ звукъ не принадлежитъ къ первоначальнымъ согласнымъ славянскаго языка; онъ образовался у насъ какъ отвердѣлое *в*. Собственно онъ чуждъ славянскому языку, потому что не выказывается ни въ одномъ славянскомъ корнѣ; тамъ всѣ слова съ буквою *ф* — слова чуждаго происхожденія. Только русскій языкъ, и то, судя по рукописямъ, во время недавнее, весьма полюбилъ *ф* изъ своего стремленія къ благозвучію. Передъ глухими согласными и передъ *ъ* въ выговорѣ *в* дѣлается глухимъ и обращается въ *ф*, напр. *лавка*, *ловъ*, *въ саду*, *вь тупикъ* произносятся *лафка*, *лофъ*, *ф-саду*, *ф-тупикъ*. Такимъ образомъ *ф* безпрестанно слышится въ нашихъ устахъ, но въ письмѣ встрѣчается изрѣдка, только въ немногихъ словахъ, потому что кромѣ роли благозвучія, онъ у насъ не играетъ ни какой роли въ этимологическомъ составѣ языка.

Губная придыхательная. § 12. Въ русскомъ языкѣ звукъ *в*, часто не что иное, какъ губное придыханіе. Русское ухо послѣ гласной не терпитъ другой чистой гласной; не всегда также сноситъ чистый гласный звукъ въ началѣ слова; въ этихъ случаяхъ мы обыкновенно утончаемъ гласные звуки придыханіемъ; употребляемъ или придыханіе гортанное, которое сливается съ гласной въ одинъ звукъ, въ гласную придыхательную (*е*, *я*, *ю*): *язъ*, *яко*, *армія* вм. *азъ*, *акъ*, *арміа*. или придыханіе губное *в*, раздѣляя обѣ чистыя гласныя: *Ларивонъ*, *Радивонъ*. *Иванъ* вм. *Ларіонъ*, *Радіонъ*, *Іоанъ*, также въ началѣ слова: *вострый*. *воспа*. *вотчина*,

воссмь вм. *острый*, *оспа*, *отчина*, *осемь*. Безъ этихъ придыханій въ срединѣ слова у насъ осталось немного словъ: напр., *паукъ*, *прибаутка*, *караулъ*, которыя впрочемъ въ устахъ у нѣкоторыхъ слышатся *павукъ*, *прибавутка*.

Родство губныхъ съ плавными. § 13. Тѣсное родство между губными и плавными звуками даетъ имъ возможность переходить взаимно изъ одного въ другой. Переходъ *в*, а по немъ и *у* въ *л* и обратно существуетъ во многихъ языкахъ; такъ во фран. изъ general произошло generaux; изъ латинск. falsus, mala составились faux, maux. Вмѣсто нашихъ словъ *волкъ*, *молнія*, сербы говорятъ: *вовкъ*, *муня*, малороссіяне также обращаютъ *л* въ *в*; у насъ *сочельникъ* вмѣсто *сочевникъ* (отъ сочѐво); въ народномъ говорѣ: *слободно*, вм. *свободно*, *пойло*, *пойво* и нѣк. др.

Губная *в* въ народномъ говорѣ не рѣдко измѣняется въ *м* напр. *ѣвши* и *ѣмши*, *ходивши* и *ходимши*.

Благозвучіе плавныхъ *л* и *н*. § 14. Когда послѣ губныхъ звуковъ слѣдуетъ гласная придыхательная, тогда является слогъ какой то разслабленный, котораго чуждается русское ухо, не находя въ немъ благозвучія. Здѣсь благозвучіе возстановляетъ буква *л*, вставляясь между гласною и согласною: *купить—куплю*, *купленный*, *рубить—рублю*; *корабль*, *земля* (земь) и др. Впрочемъ нужно замѣтить, что это бываетъ не въ корнѣ слова, а въ окончаніи. Буква *я* въ качествѣ носовой сочетается съ губными безъ всякаго посредства *л* напр. *время*, *любятъ*, *терпя* и проч., здѣсь *я*—юсовое (ен). Слово голубь не принимаетъ *л*, такъ какъ *ь* здѣсь произошло изъ *и*, точно такъ же *глубь* и друг. жен. на *ь*, соотвѣтствующее древнему окон. *и*.

Буква *н* съ древнѣйшихъ временъ употреблялась въ русскомъ языкѣ для благозвучія—между предлогами и словами, начинающимися гласною, такъ вм. *за имъ*, *отъять*, *заимать* *взудать*, *въушать*, *съискать*. говорятъ: *за нимъ*, *от-*

нять, *занимать*, *взнуздать*, *внушать*, *снискать*. Впрочемъ нашъ современный языкъ не всегда прибѣгаетъ къ этому благозвучію; теперь говорятъ: *съѣдать*, *войду* вм. *снѣдать*, *сниду*.

Согласные гортанные, язычные и зубные. § 15. Къ чистымъ согласнымъ звукамъ еще принадлежатъ *гортанные язычные* и *зубные*. Гортанные *г*, *к*, *х*, имѣютъ между собою соотвѣтствіе. Буква *г* въ русскомъ языкѣ произносится двояко: иногда она приближается болѣе къ звуку *к* (соотвѣтствуя латинс. g) *врага*, *луга*, иногда къ звуку *х* (соотвѣтствуя латинс. h) *благо*, *Бога*; отъ того звукъ *г*, будучи яснымъ, передъ глухимъ *ъ* звучитъ то какъ *к*, то какъ *х*; *другъ* (друкъ), *лугъ*, (лукъ), *Богъ* (Бохъ), *Петербургъ* (Петербурхъ) и др. У насъ есть два слова, въ которыхъ коренная буква *к* превратилась въ письмѣ въ *г*, а въ произношеніи въ *х*: *гдѣ* (хдѣ) изъ *кдѣ* (см. въ древнихъ рукопис.) и *мягкій* (мяхкій) изъ *мяккій* (мякоть).

Въ старорусскомъ языкѣ гортанные звуки не терпѣли послѣ себя *и* и придыхательныхъ гласныхъ и весьма удобно сочетались съ твердою *ы*: *Кыевъ*, *хытити*: въ современномъ же языкѣ наоборотъ: *ы* сдѣлалось неудобопроизносимою послѣ гортанныхъ и постоянно переходитъ въ *и*.

Къ разряду язычныхъ согласныхъ принадлежатъ двѣ буквы: ясная *д* и глухая *т*. Въ русскомъ языкѣ между гортанною *к* и язычною *т* замѣчается соотвѣтствіе; первая нерѣдко измѣняется во вторую передъ гласными *и*, *е*, *ѣ* напр. *паукъ—паутина искать—истецъ*, *блескъ—блестѣть* . *Евдокія—Авдотья*; въ старорус. изъ *человѣческый — человѣчестіи*. Мы можемъ также представить нѣсколько примѣровъ, гдѣ *г* смягчается въ *д*; изъ нѣмец. Krengel составилось рус. *крендель* ; слово *ангелъ* въ народномъ говорѣ иногда слышится *андслъ*; въ лѣтописяхъ вмѣсто *Гюрги* (Георгій) иногда встрѣчается *Дюрги*.

Язычныя *д* и *т* въ русскомъ говорѣ иногда являются

какъ придыханія къ *р* и *н* напр. *страмъ*, *стрѣтить*, *Индрикъ* вм. *срамъ*, *срѣтить*, *Генрихъ*. Въ польскомъ и чешскомъ языкахъ буква *д* весьма часто появляется передъ *л*: *модлитва* (молитва) *радло* (рало), *мыдло* (мыло).

Зубные звуки *з*, *ц*, *с* въ большомъ соотвѣтствіи съ гортанными, которые нерѣдко въ нихъ измѣняются по вліянію гласной придыхательной. Въ ц. слав. и въ старорус. яз. измѣненіе это было постоянное передъ *и* и *ѣ*: *г* измѣнялось въ *з*: *другъ*—*друзи*—*друзѣхъ*, *к* въ *ц*: *внукъ*—*внуци*—*внуцѣхъ*, *х* въ *с*: *духъ*—*дуси*—*дусѣхъ*. *з* передъ глухими согласными и *ъ* звучитъ въ произношеніи какъ *с*: *глазъ* (гласъ) и наоборотъ *с* передъ ясными произносится какъ *з*; *сдѣлать* (здѣлать) *просьба* (прозьба). Въ письмѣ *с* перешло въ *з* въ словѣ *здѣсь* изъ *сдѣ* (см. стар. рукоп.)

Согласные придыхательные или шипящіе. § 16. Позднѣйшее образованіе принадлежитъ согласнымъ звукамъ *ж*, *ч*, *ш*, которые можно назвать *придыхательными*: они существуютъ не во всѣхъ языкахъ и составились изъ чистыхъ согласныхъ съ помощью зубнаго придыханія. Такимъ образомъ эти звуки ближе всего къ зубнымъ; въ нѣкоторыхъ грамматикахъ они и причисляются къ разряду зубныхъ. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь между *з* и *ж*, *ц* и *ч*, *с* и *ш* слышится звуковое родство. Ребенокъ, начиная говорить, вмѣсто *ж*, *ч*, *ш* употребляетъ *з*, *ц*, *с*. Въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ они часто замѣняютъ другъ друга. Къ нимъ принадлежатъ и сложный звукъ *щ*, сложившійся изъ звуковъ *сч*. и *шт*. Замѣчательно, что этотъ звукъ распространенъ особенно въ ц. слав. языкѣ : въ Русскомъ же ему соотвѣтствуетъ *ч*. (въ польск. *ц*); такъ напр. *т*. въ ц. слав. измѣняется въ *щ*, въ рус. въ *ч*: *свѣтить* ц. с. *свѣща*, рус. *свѣча*.

Д смягчается въ ц. слав. въ *жд*—*видѣти* — *вижду*, въ рус. въ *ж*: *вижу* (въ польск. *дз*). Впрочемъ есть слова, оставшіяся безъ смягченія: *господь господство*, *будь*.

Это зависитъ отъ свойства самаго *ь*, которое здѣсь происходитъ изъ *и*.

Гортанные звуки, смягчаясь въ *з*, *ц*, *с*, переходятъ и на вторую степень смягченія передъ придыхательными *е* и *ъ*, т. е. въ придыхательные *ж*, *ч*, *ш* напр. *другъ—друже—дружескій*, *внукъ—внучекъ*, *духъ—душе* (стар. зв. пад.)

Вотъ таблица перехода согласныхъ звуковъ.

г	д	з	ж
к	т	ц	ч
х	—	с	ш

Примѣч. 1. Это измѣненіе замѣтно и въ другихъ языкахъ, хотя и не въ такой степени, какъ въ славянскихъ. Такъ. греч. *к* въ латинск. измѣняется въ *ц* (κύκλος—ciclus); латин. *ц* (с) въ итальянс. передъ тонкими *i*, *e* въ *ч* (cicero произносится *чичеро*), латин. g (г) во француз. передъ *i*, *e* въ g (ж), въ итальянс. въ *дж*. (л. gens. ф. gents ит. gente—дженте), или лат. *д*. фр. j, ит. g (дж.)—(лат. diurna, ф. journé. ит. giorno); t передъ *i* произносится какъ *ц*.

Современный русскій языкъ нѣсколько удалился отъ старославянскаго въ измѣненіи звуковъ. У насъ гортанные уже не имѣютъ постоянно двухъ степеней измѣненія: въ язычные передъ *и* и *ѣ* и въ придыхательные передъ *е* и *ъ*, но прямо переходятъ въ послѣдніе. Они стали при себѣ въ окончаніи терпѣть гласные *и* и *ѣ*: по этому при встрѣчѣ съ ними не измѣняются въ соотвѣтствующіе зубные, а остаются безъ всякаго измѣненія: мы говоримъ *боги* а не *бози*, *о полкѣ*, а не *о полцѣ*. Иногда впрочемъ они переходятъ въ придыхательные, наприм. *дружить* (другъ), *сушить* (сухъ). Какъ остатокъ стараго измѣненія представляютъ намъ слова: *друзья* (*друзіе*) отъ *другъ*, *осязать* (сягать), *воздвизать* (двигать), *порицать* (реку), *зерцало*, *созерцать* (зракъ), *проницать* (никну) и др.

Придыхательные согласные не терпятъ послѣ себя придыхательныхъ гласныхъ, а тотчасъ обращаютъ ихъ въ чистые: *ѣ* здѣсь обращается въ *а*. Въ старорус. яз. было наобо-

ротъ: писали *ножь*, *мечь*, *грѣшю мажю*, что было правильнѣе, потому что *ж*, *ч*, *ш* образовались изъ чистыхъ согласныхъ при встрѣчѣ съ придыхательными гласными, которые и должны бы были при нихъ остаться; но въ современномъ языкѣ они твердѣютъ въ произношеніи и такими переходятъ въ письмо; здѣсь мы исключаемъ только слова женскаго рода на *ь*, потому что *ъ* не приличенъ этому роду: *мышь*, *сѣчь* и проч.

Примѣч. 2. Въ говорѣ согласные звуки, подобно гласнымъ, иногда принимаютъ самое легкое утонченіе, котораго мы не выражаемъ въ письмѣ, такъ напр. *привѣтствіе*, *бѣдствіе*, *медвѣдь*, *хлѣбникъ*, *гвозди*, *пѣсня* произносимъ: *привѣтъствіе*, *бѣдъствіе*, *медьвѣдь*, *хлѣбьникъ*. *гвозьди*, *пѣсьня*. Такое утонченіе происходитъ по требованію благозвучія, отъ слѣдующаго мягкаго слога. Совсѣмъ иначе звучатъ тѣ же буквы въ словахъ *привѣтный*, *бѣдный*, *хлѣбный*, *гвоздокъ*; здѣсь онѣ не имѣютъ утонченія, потому что слѣдующій слогъ звучитъ твердо (см. статью г. профес. Грота. «Особенности звуковъ русскаго языка», въ Журн. Мин. Нар. Просв. LXXIV т.).

Сочетаніе звуковъ. § 17. Не всѣ и согласные звуки могутъ сочетаться между собою. Самые удобные для сочетанія во всѣхъ языкахъ являются звуки плавные, которые сообщаютъ легкость и звучность слову. Они удобно сочетаются не только со всѣми другими согласными, но и между собою (напр. *мракъ*, *нравъ*, *много*). Впрочемъ передъ *н* часто выпадаютъ губныя, язычныя и гортанныя *г. ж*: *вянуть* (вяд), *свиснуть* (свист) *глянуть* (гляд) *тонуть* (топ), *двинуть* (двиг), *тиснуть* (тиск). Другіе же согласные *одноименные* сочетаются съ большимъ трудомъ: ни губные съ губными, ни язычные съ язычными и пр. При случайной же ихъ встрѣчѣ въ старорус. яз. одинъ изъ нихъ скрывался; такимъ образомъ составились слова: *облако*, *ободъ*, вм. *обвлако* (влачить), *обводъ* и др. Въ современномъ языкѣ при встрѣчѣ съ предлогами не соблюдается этотъ законъ; у насъ говорятъ: *обводный* каналъ.

Кромѣ плавныхъ, удобные для сочетанія съ согласными

являются *в* и *с*. Стеченіе трехъ, четырехъ и пяти согласныхъ передъ гласною въ русскомъ языкѣ возможно только тогда, когда въ числѣ ихъ будутъ упомянутые звуки; съ ними мы можемъ легко произносить слова, какъ напр. *встрѣча вскрыть, къ вскрытію* и др.

Въ случаѣ стеченія нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ, труднаго для выговора и непріятнаго для слуха, у насъ есть средство облегчить выговоръ и удержать надлежащую плавность слоговъ:

1) Главное средство есть употребленіе *бѣглыхъ гласныхъ*, которые не имѣютъ существеннаго значенія, какъ звуки *постоянные*, принадлежащіе или корню слова или служащіе отличіемъ какой нибудь грамматической его формы. Бѣглые звуки являются въ словѣ единственно для облегченія выговора, и тотчасъ исчезаютъ, какъ скоро и безъ нихъ можно легко произнести слогъ; отъ того они и названы *бѣглыми;* напр. въ словахъ *овецъ*, *сестеръ* буква *е* бѣглая и не принадлежитъ корню: *сестра*, *овца;* равно какъ и въ словѣ *отецъ е* не есть коренная, а бѣглая, потому и выбрасывается въ косвенныхъ падежахъ (отца, отцу). Въ старыхъ рукописяхъ на мѣстѣ бѣглыхъ гласныхъ постоянно встрѣчаются ъ и ь. Бѣглыми буквами по большей части бываютъ *о* и *е*: *игоръ*, *ядеръ*, *оконъ*. Буква же *ѣ* никогда не бываетъ бѣглою. Бѣглымъ гласнымъ обыкновенное мѣсто въ срединѣ словъ; въ началѣ же и въ концѣ онѣ появляются весьма рѣдко, какъ напр. *оржаной* (простонар.) вм. *ржаной; со. во* вм. *съ*, *въ*.

2) Ни одинъ языкъ не любитъ стеченія гласныхъ и старается избѣгать его тѣмъ, что скрытно или явно вставляетъ между гласными придыханіе или согласный звукъ. У грековъ на этотъ случай была буква называемая *дигамма*, которая въ латинс. языкѣ замѣнена f, v. s, r. Въ русскомъ языкѣ, какъ мы уже говорили, по большей части вторая гласная обращается въ соотвѣтствующую придыхательную. Но бываютъ случаи, когда нужно сохранить обѣ гласныя

чистыми, тогда употребляютъ согласныя придыхательныя, по большей части *в* и *х*: *давать*, *одѣвать* (ц.с. даяти, одѣяти). *знахарь* (вм. знаарь отъ знать), *слухъ*, *духъ* (отъ *слыть*. *дуть*), ухать (благоухать) отъ *ан* (съ придыхан. *в*—вонь) дуть.

Примѣч. Въ качествѣ придыханія въ началѣ словъ является иногда и *г*, напр. въ словахъ *годъ*, *гора*, *гнѣздо*, *грабить*, которыхъ чистые корни представляются въ словахъ: греч. ἔτος ὄρος латин. nidus, нѣм. Nest. латин. rapio.

3. При соединеніи гласныхъ въ языкѣ наблюдаютъ также *уподобленіе*. (Граммат. Буслаева, часть I, стр. 49):

«Если стоятъ рядомъ два гласные звука, различные по выговору, то одинъ изъ нихъ или вполнѣ измѣняется въ другой, или къ нему приноровляется: въ первомъ случаѣ уподобленіе бываетъ полное, во второмъ—неполное. Примѣръ полнаго оказывается въ предложномъ падежѣ единственнаго числа существительныхъ, оканчивающихся на *й* и *е*, съ предшествующимъ *і*, и въ дательномъ и предложномъ именъ на *я*, съ предшествующимъ *і*; напр. *о Василіи, во мнѣніи, Софіи, на линіи* (вм. *о Василіѣ, во мнѣніѣ, Софіѣ, на линіѣ*). Потому и въ правописаніи такія слова отступаютъ отъ общаго правила, по которому предложный и дательный падежъ оканчиваются на *ѣ*. Если звукъ *і*, предшествующій звукамъ *й*, *я*, *е*, переходитъ въ *ь*, то уподобленіе становится ненужнымъ; тогда въ дательномъ и предложномъ падежахъ, вмѣсто *и*, оказывается первоначальный *ѣ* напр. *Софья*, *Софьѣ*, *о Софьѣ*. Въ именахъ, оканчивающихся на *е*, слышится *ѣ* явственно, когда на этомъ последнемъ звукѣ стоитъ удареніе; напр. *о житьѣ;* безъ ударенія же *ѣ* смѣшивается съ *и*, какъ въ выговорѣ, такъ и на письмѣ; напр. *на ученьи* и *на ученьѣ*.

«Неполное уподобленіе оказывается въ переходѣ мягкихъ *я*, *ь*, *й* и друг. въ *е;* и твердыхъ *а*, *ъ* и друг. въ *о;* напр. *пут-ь—пут-е-мъ*, *дом-ъ—дом-о-мъ*, *во-й—во-и-нъ*, *во-е-вать*, *мудр-ъ—мудр-о-вать*, цс. сь *(сей)—с-е-го*, *с-е-*

му и проч.: цс, тъ *(тотъ) т-о-го, т-о-му* и проч.; въ словахъ сложныхъ, напр. *пут-е-шествіе*, при словѣ *пут-ь; в од-о-падъ*. при словѣ *вод-а*. Отступленіе отъ этого закона замѣчается въ сложныхъ: *кров-о-пролитіе*, вм. *кров-е-пролитіе*, *чест-о-любіе*, при словахъ: *кров-ь чест-ь*.

«Важнѣйшій случай уподобленія полнаго оказывается въ церковнославянскомъ склоненіи именъ прилагательныхъ, состоящемъ въ приставкѣ мѣстоименія и, ѧ, ıе, родит. ıего дат. ıемоу и проч., къ краткимъ окончаніямъ прилагательныхъ. Вмѣсто нова-ıего, новоу-ıемоу, обыкновенно употребляются, въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ, формы, образовавшіяся чрезъ уподобленіе гласныхъ: нова-аго, новоу-оумоу и проч.; но встрѣчаются и въ древнѣйшемъ видѣ, то есть, безъ уподобленія; напр. въ Супр. рук. осѫжденоу-ıемоу *(осужденному)*, въ болгарскомъ Паремейникѣ XII в.: тверда-его *(твердаго)*, крѣпка-его *(крѣпкаго)* и друг.). »

4) Иногда въ произношеніи и даже въ письмѣ выпускается одна изъ согласныхъ буквъ, напр. *семь* вм. *седмь*, *полтора* вм. *полвтора*, *обычай* вм. *обвычай; велъ*, *палъ*, *ѣмъ* вм. *ведло*, *падлъ*, *ѣдмъ;* говорятъ: *сонце*, *чесный* вм. *солнце*, *честный*, или *подьячій* вм. *поддьячій* (отъ сл. дьякъ).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СЛОВООБРАЗОВАНІЕ.

Какъ составляются названія предметовъ и явленій.

§ 18. Народъ не безсмысленно соединяетъ звуки въ слова для выраженія извѣстнаго явленія или предмета, но составляетъ слова по впечатлѣнію, какое производитъ явленіе или предметъ на его чувства, такъ напр. *чернецъ*, *черника*, *голубика*, *свѣтлица*, *свѣтлякъ*, *горница*, *вершина* выражаютъ впечатлѣніе отъ цвѣта, свѣта, положенія. Такія слова всегда живописны, потому что намъ рисуютъ предметъ,

высказывая его главное свойство или качество, которымъ онъ сильнѣе всего поражаетъ. Но разбирая слова въ языкѣ, мы видимъ, что не всѣ изъ нихъ намъ выражаютъ впечатлѣніе; многія лишь отвлеченно представляютъ предметъ, не рисуя его, а только напоминая о немъ. Съ другой стороны, сравнивая языки, находимъ, что нѣкоторые предметы во многихъ языкахъ выражаются одними и тѣми же или очень сходными звуками (*море*, лат. mare, нѣм. Meer; *мереть*, лат. morire; *матерь*, лат. mater, нѣм. Mutter, перс. Мадеръ; лат. pater, нѣм. Vater, рус. батя; [1]) *братъ*, лат. frater, нѣм. Bruder, перс. берадеръ; *сестра*, шведс. sister; *дочь* (дочерь), нѣм. Tochter, перс. духтеръ и м. д. Другіе же напротивъ имѣютъ весьма различныя названія.

Точно такъ же представляются и нѣкоторыя грамматическія формы, сходныя въ индоевропейскихъ языкахъ. Изъ всего этого заключаютъ, что прежде чѣмъ предки индѣйцевъ, персіянъ распространились на югъ, а предводители греческихъ, латинскихъ, кельтскихъ, тевтонскихъ и славянскихъ колоній двинулись къ берегамъ Европы, существовало незначительное племя, какъ догадываются, на самой возвышенной части средней Азіи, говорившее языкомъ ни санскритскимъ, ни греческимъ, ни германскимъ, но содержавшимъ діалектическіе зачатки всѣхъ этихъ языковъ. Его называютъ арійскимъ племенемъ. Оно имѣло уже земледѣльческую цивилизацію, признавало кровныя связи, считало священными узы брака и призывало съ небесъ Бога тѣмъ же именемъ, которое и теперь еще можно слышать во многихъ храмахъ языческихъ и христіанскихъ. Наконецъ изъ этого первобытнаго языка начали выдѣляться вѣтьви; онѣ, унося съ собою корни и слова, стали развиваться отдѣльно. Вотъ отчего во всѣхъ упомянутыхъ языкахъ мы находимъ много одинакихъ словъ, словъ по большей части первой потребности; это ихъ общее наслѣдіе. Съ тече-

---

[1]) *Отецъ* во фризскомъ языкѣ *oti* и *täte*, равносильное нашему *тятя*.

ніемъ времени значеніе корней забылось, слѣд. исчезло и выраженіе впечатлѣнія отъ предметовъ; слова прежде живописныя сдѣлались однимъ названіемъ предметовъ, обратившись въ простые звуки. Каждый языкъ, какъ мы сказали, сталъ развиваться отдѣльно: въ каждомъ явилась потребность въ новыхъ словахъ, при встрѣчѣ народа съ новыми явленіями и предметами; у каждаго явились уже свои слова, звучащія различно, хотя всѣ они составились по одному способу — по впечатлѣнію на чувства; но впечатлѣнія были различны: одинъ и тотъ же предметъ привлекалъ вниманіе каждаго народа своей особенной стороною.

Иногда одинъ и тотъ же предметъ получалъ для себя два и даже много названій, потому что производилъ равное впечатлѣніе двумя или нѣсколькими сторонами напр. *инокъ* и *чернецъ*, въ первомъ случаѣ своимъ уединеніемъ (*инъ—одинъ*), во второмъ цвѣтомъ платья. Вотъ начало словъ *синонимическихъ*. Изобиліе синонимовъ особенно представляется при началѣ развитія языка. Молодой народъ живо принимаетъ всѣ впечатлѣнія и сообразно съ ними даетъ названіе предмету. Достаточно одного какого либо признака, казавшагося особенно характеристическимъ наблюдательному уму, чтобъ было произведено новое названіе. Солнце напр. могло быть названо свѣтомъ, теплотою, золотымъ, предохранителемъ, разрушителемъ, волкомъ, львомъ, небеснымъ глазомъ, отцомъ свѣта и жизни, и болѣе двадцати другихъ именъ, какъ встрѣчаемъ въ санскритскомъ языкѣ. Или тамъ же попадается *одиннадцать* названій для свѣта, *пятнадцать* для облака, *двадцать* для мѣсяца, *двадцать шесть* для змѣи, *тридцать три* для убійцы, *тридцать пять* для огня. Вслѣдствіе такаго обилія синонимическихъ словъ въ языкѣ является между ними *борьба за существованіе*, какъ въ природѣ между родами животныхъ, сильными и менѣе сильными. Она ведетъ къ уничтоженію менѣе сильныхъ, менѣе удачныхъ словъ и оканчивается торжествомъ *одного* признаннаго и приличнаго имени для каждаго предмета въ каждомъ язы-

кѣ. Такъ напр. изъ четырехъ словъ *инокъ*, *чернецъ*, *отшельникъ*, *монахъ*, у насъ осталось въ употребленіи послѣднее. Изъ двухъ словъ *конь* и *лошадь* послѣднее вытѣсняетъ первое. Или нѣкоторыя слова народныя вытѣснены въ литературномъ діалектѣ церковнославянскими какъ напр. нравъ—норовъ, меакъ—морокъ, пещера—печора.

Если въ первоначальномъ языкѣ было весьма большо число синонимовъ, то очень понятно, что греки могли удержать одно названіе, римляне другое, славяне третье и пр. и слѣдственно языки, происшедшіе изъ одного источника, современемъ могли развить совершенно различную номенклатуру даже для самыхъ обыкновенныхъ предметовъ.

Хотя иногда одинъ и тотъ же предметъ въ разныхъ языкахъ и носитъ разныя названія, но если разобрать ихъ происхожденіе, то окажется, что они составились по одному и тому же впечатлѣнію, такъ напр. *душа* отъ слова *дуть*, *дышать* и латин. *anima* отъ корня *an*, означающаго также *дуть*; отъ него же составилось греческое ἄνεμος (anemos) и санскрит. anila, что значитъ *вѣтеръ*, точно такъ же какъ наше слово *вѣтеръ* отъ *вѣять* равносильнаго *дуть*. Въ английскомъ и готтскомъ языкахъ душа (soul, saivala) получила названіе уже по другому впечатлѣнію. Оно произошло отъ корня siv — колебаться. Слѣдственно тевтонскія племена представляли себѣ душу какъ море, находящееся внутри человѣка, поднимающееся и опускающееся съ каждымъ вздохомъ и отражающее небеса и землю въ своемъ зеркалѣ [1]).

Такимъ образомъ отыскивая корни, можно узнать, почему предметъ получилъ такое-то названіе. Такъ мы узнаемъ, что *мѣсяцъ* (mensis, Mond) значитъ измѣритель, *солнце* (sol, Sonne) родитель, мужъ (мѫжь, нѣм. Mensch и Mann отъ одного корня man—думать) мыслитель; латин. homo, франц. homme отъ корня *humus* земля—сдѣланный изъ земли; *работа* отъ корн. *ar* (нѣм. Arbeit) пахать, слѣдственно *па-*

¹) Лекціи М. Миллера.

ханіе, трудъ спеціальный надъ землею; это—первоначальное значеніе слова, которое мало по малу стало выражать вообще всякій трудъ. Отъ этого же корня *рабъ*—пашущій, уменьшительное *рабенокъ* или *ребенокъ*.

Иногда вслѣдствіе фонетическаго искаженія или измѣненія слова не вдругъ можно найти корень, хотя онъ и существуетъ въ языкѣ, какъ напр. *жертва*, *жерло* отъ корня *горѣть* (обыкновенное измѣненіе *г* въ *ж*), отсюда же слово *горло*, уподобляющееся *жерлу*, отсюда и слово *жрать*; отъ *горла—ожерелье* (*г* измѣн. въ *ж.*). Или слово *колодецъ*, *кладязь* отъ корня *холодъ*, *хладъ* (смѣшеніе звуковъ *к* и *х*, какъ хрестьяпинъ — крестьянинъ, пасха — паска, крестъ — хрестъ, хороводъ—короводъ и пр.); точно такъ какъ *студенецъ* отъ *студеный* (холодный), или готтское kalding (колодецъ) отъ kald (холодъ).

Иногда слово теряетъ свое первоначальное значеніе и по какой либо аналогіи принимаетъ другое, тогда вмѣсто него является новое съ первымъ значеніемъ. Такъ напр. слово *чинъ*, принявъ значеніе оффиціальнаго отличія, замѣнилось словомъ *порядокъ*; но производныя отъ него сохранили первоначальное значеніе, *чинно* (въ порядкѣ), *чинить* (приводить въ порядокъ), *сочинять* (приводить въ порядокъ или въ одно цѣлое нѣсколько мыслей). Или французское le pasteur, происходя отъ латинскаго pastor (пастухъ), стало означать священника, какъ наше *пастырь*, тогда вмѣсто него явилось слово berger отъ berbex баранъ.

Нерѣдко въ языкѣ усвaиваются слова иностранныя вмѣстѣ съ предметами, которые первоначально привозятся изъ чужой земли. Такъ въ русскій языкъ въ древнѣйшія времена вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ Персіею перешли персидскія слова: *шелкъ*, *парча*, *чемоданъ*, названія драгоцѣнныхъ камней: *яхонтъ*, *сафиръ*, *бирюза*, *алмазъ* (арабск.) также *жемчугъ;* съ принятіемъ христіанства перешло много словъ греческихъ вмѣстѣ съ церковными предметами: *діаконъ*, *архіерей*, *монахъ*, и др; во время татарскаго ига много словъ отъ

татаръ: *армякъ*, *кафтанъ*, *кушакъ*, *балыкъ*, *казна*, (араб.) *харчъ*, (персид.) *изъянъ*, (персид.) *лошадь*, и др; съ эпохи преобразованія стало входить довольно словъ изъ европейскихъ языковъ.

Въ нашемъ литературномъ языкѣ составилось нѣсколько словъ по образцу иностранныхъ, отчего, въ свое время, они встрѣчали осужденіе со стороны нѣкоторыхъ писателей, заботившихся о чистотѣ языка. Такіе *неологизмы* казались имъ дикими. Такъ напр. Сумароковъ нападалъ на слово *предметъ* (subjectum), *преслѣдовать*, *обнародовать*, называя ихъ странными изображеніями и безобразными рѣченіями. [1]) Или Шишковъ осуждалъ Карамзина за употребленіе новыхъ словъ: *будущность*, *вліяніе*, (influence), *переворотъ*, (revolte), *развитіе* (developement), *утонченный* (raffiné), *сосредочить*, (concentrer) *трогательно* (touchant), *занимательно* (interessant), [2]) Но употребленіе узаконило въ языкѣ эти слова, безъ которыхъ теперь мы не можемъ и обойтись.

Какъ одинъ предметъ или одно явленіе можетъ поразить насъ нѣсколькими своими сторонами, конечно въ разное время, и слѣдственно будетъ производить и разныя впечатлѣнія, а по нимъ вызывать и разныя названія для одного предмета т. е. *синонимы*, (хитрый-лукавый, путь-дорога), точно такъ же и нѣсколько предметовъ и явленій могутъ произвести одно и тоже впечатлѣніе, а слѣдственно удержать за собою одно и тоже названіе; отсюда являются въ языкѣ *омонимы*, т. е. однозвучныя слова съ разнымъ значеніемъ, напр. *листъ*—на деревѣ, *листъ* бумаги, *листъ* желѣзный, *труба* печная, *труба*—музыкальный инструментъ, *труба* уличная и пр.

Одинаковость впечатлѣній сближаетъ въ человѣкѣ его вну-

---

[1]) О правописаніи ч. X. Не знаю только, прибавляетъ онъ, будутъ ли наши потомки сіи странныя изображенія употреблять. Будутъ къ порчѣ языка, ежели безграмотные писцы не перестанутъ марать бумаги, ибо древность и безобразныя рѣченія благообразными дѣлаетъ.

[2]) Разсужденіе о старомъ и новомъ словѣ.

тренній міръ, все, что творится въ немъ самомъ, съ міромъ внѣшнимъ, его окружающимъ, указываетъ сходство нѣкоторыхъ сторонъ ихъ, и такимъ образомъ одно явленіе какъ бы опирается на другое. При этомъ сближеніи слова изъ внѣшняго міра переходятъ въ нравственный, вслѣдствіе какой нибудь одной общей стороны сравниваемыхъ явленій изъ того и другаго міра. Слово, оставляя свое собственное значеніе, принимаетъ другое, которое и называется *переноснымъ* или *метафорическимъ*. Слѣдственно чувственное значеніе словъ древнѣе значенія нравственнаго; такъ напр. слово *коловратный* прежде означало вертящійся колесомъ, мало по малу перешло въ значеніе нравственное—*перемѣнчивый*; слово *хитрый*, происходя отъ глаг. *хитить* (корен. *хыт*)—*хватать*, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ имѣетъ значеніе *скораго, быстраго*, а у насъ въ старину означало *искусный* (хитрой работы); точно такъ же какъ *лукавый*, происходя отъ *лукъ* (лучить-гнуть) прежде могло означать *изгибистый*, извилистый (у Даніила паломника: *рѣка лукава*); теперь же оба слова означаютъ извѣстныя свойства души. Еще не такъ давно слова *благородный* и *подлый* (отъ предл. *подъ*) означали происхожденіе: *дворянинъ* и *недворянинъ*, и послѣднее не заключало въ себѣ ничего оскорбительнаго и бранн аго; въ наше время они приняли значеніе нравственное и стали выражать душевныя качества каждаго человѣка. Равнымъ образомъ слово *низкій* употребляется въ значеніи чувственномъ (низменный, не высокій) и нравственномъ (дурныхъ свойствъ.) [1]

---

[1]) «Всѣ языки представляютъ подобные же факты съ большей или меньшей степенью очевидности, смотря по тому на сколько удалились они уже отъ первобытнаго своего состоянія. Такъ во француз. яз. слова penchant, aversion, inclination и множество другихъ выражаютъ душевныя состоянія, посредствомъ различныхъ положеній тѣла. Эти столь смѣлые переходы идей, основанные на самыхъ тончайшихъ аналогіяхъ, приводятъ насъ въ крайнее изумленіе. Нужно признать въ первыхъ говорившихъ особенное чутье природы, придававшее всему значеніе, видѣвшее душу въ мірѣ внѣшнемъ и внѣшній міръ въ душѣ.

Такимъ образомъ *аналогія* есть другой важный способъ, по которому даются названія понятіямъ. Этотъ способъ употребляется не только для выраженія отвлеченныхъ понятій, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для чувственныхъ. Такъ та часть сапога или башмака, которою ступаютъ, называется *подошвою* (отъ сл. *шить*, *шовъ*). Это есть собственное, первоначальное значеніе слова, но по аналогіи она стала означать и *ступню* т. е. ту часть ноги человѣка, которою онъ ступаетъ; по аналогіи же со ступнею, стала называться *подошвою* и самая низкая часть горы, какъ у французовъ она называется pied de montagne по аналогіи съ ногою. Названіе *подушки* произошло отъ того, что она подкладывается *подъ ухо*; но теперь оно употребляется для обозначенія и такихъ предметовъ, которые не имѣютъ этого значенія, какъ напр. подушки въ электрической машинѣ. Здѣсь сходство во внѣшнемъ видѣ было источникомъ метафоры.

Изъ всего этого видно, какимъ образомъ въ языкѣ произошли *тропы*. На нихъ поэтому нельзя смотрѣть какъ на роскошь языка или какъ на простое, придуманное украшеніе; нѣтъ, они напротивъ прямо вытекаютъ изъ самой природы мыслящаго человѣка или изъ разнообразныхъ отношеній его мысли ко всему окружающему міру. Въ языкѣ каждаго народа

Считать чувственное состояніе, въ которомъ жили творцы языка, грубымъ матерьялизмомъ, не понимающимъ и нечувствующимъ ни чего кромѣ тѣла, значитъ впасть въ громадное заблужденіе. То была напротивъ высокая гармонія, благодаря которой человѣкъ видѣлъ одинъ міръ въ другомъ, выражалъ одинъ помощію другаго—оба міра были раскрыты передъ нимъ. Такая параллель между міромъ физическимъ и міромъ интеллектуальнымъ составляла отличительную черту первыхъ возрастовъ человѣчества. Въ ней объясненіе тѣхъ символовъ, посредствомъ которыхъ законы, управлявшіе развитіемъ языка, перенессны въ область религіозныхъ предметовъ; въ ней объясненіе того идеалогическаго письма, дающаго мысли извѣстный физическій образъ и примѣняющаго къ письменному воспроизведенію идей тотъ же принципъ, который руководитъ воспроизведеніемъ идей помощью звуковъ». (О происхожденіи языка Эрн. Ренана.)

есть свои особенные народные тропы, которые большею частью совсѣмъ не возможно передать тѣми же словами на другомъ языкѣ. Это происходитъ отъ того, что у каждаго народа есть своя точка зрѣнія, при сближеніи разнородныхъ предметовъ и понятій.

Въ заключеніе спросимъ, какія названія въ языкѣ образовались прежде: имена собственныя — отдѣльныхъ предметовъ, индивидуальныхъ понятій, или имена нарицательныя — понятій видовыхъ и родовыхъ.

Этотъ вопросъ разрѣшается такимъ образомъ: всѣ имена существительныя выражаютъ первоначально одинъ изъ многихъ признаковъ, которымъ предметъ поражаетъ насъ особенно, и этотъ признакъ, выражаетъ ли онъ качество или дѣйствіе, есть непремѣнно общее понятіе. Такъ чтобъ назвать первый городъ *городомъ* нужно было, чтобы уже существовало общее понятіе объ *огораживаніи*, которое выразилось въ корнѣ *градъ*. Какъ могъ явиться этотъ корень, наука не въ состояніи объяснить; она только доискалась, что каждый корень первоначально выражаетъ качество или дѣйствіе т. е. признаки, общіе многимъ предметамъ. Лишь только явился корень, какъ названіе для того или другаго предмета уже готово. Первый городъ, какъ просто огороженное мѣсто, далъ потомъ названіе всѣмъ другимъ городамъ по аналогіи. Незначительныя различія между ними здѣсь легко упускались изъ виду, и первое имя становилось все болѣ и болѣе общимъ съ каждымъ новымъ предметомъ, къ которому оно примѣнялось. За тѣмъ уже не всякое огороженное мѣсто стало называться городомъ; а только мѣсто, пользующееся извѣстными правами и съ извѣстною обстановкою жизни. Отсюда это нарицательное названіе опять можетъ перейти въ имя собственное. Такъ въ Москвѣ та часть, гдѣ преимущественно сосредоточивается торговая дѣятельность, называется *Городомъ* вмѣсто собственнаго имени. Латинское имя urbs сначала принадлежало только древнему Риму, а потомъ стало нарицательнымъ именемъ всѣхъ городовъ. *Палатинскій* холмъ въ Римѣ далъ названіе дворцу, ко-

торый былъ на немъ построенъ. Это же названіе съ теченіемъ времени распространилось и на всѣ дворцы — palaces, palais, palazzo, [1]) Отсюда и наше нарицательное имя *палата*, *палаты* въ смыслѣ большихъ роскошныхъ комнатъ, и потомъ уменьшительное *палатка*. Произнося это послѣднее слово, кто догадается сразу, что она произошла отъ собственнаго названія Палатинскаго холма въ древнемъ Римѣ? Такимъ образомъ аналогія измѣняетъ значеніе словъ, переводя имена собственныя въ нарицательныя.

Примѣч. 1. Трудно отыскать корни всѣхъ словъ въ языкѣ, но посредствомъ сравнительнаго изученія есть возможность найти многіе. Для примѣра возьмемъ слово *земля*, которое уже не выражаетъ никакого впечатлѣнія. Не трудно догадаться, что въ немъ бува *л* есть вставочная между губною *м* и окончаніемъ я, какъ придыхательною гласною, слѣд. корень его есть *земъ*, который впрочемъ у насъ сохранился въ выраженіи *на земъ*. Значенія корня конечно должно искать въ другихъ языкахъ по сравненію. Въ персидскомъ языкѣ мы находимъ слово *земинъ*, означающее то же самое, т. е. *земля*; оно видимо происходитъ отъ зендскаго *земо*, имѣющаго то же значеніе, но уже съ выраженіемъ впечатлѣнія; корень *земо* составляетъ глаголъ *зем* или *дзем*, одинакій съ санкскритскимъ *ган* и *жан* (*г—з—ж*) и значитъ *родить*. Такимъ образомъ теперь намъ ясно то впечатлѣніе, отъ котораго произошло названіе *земли*. Русскій народъ выразилъ это впечатлѣніе другимъ словомъ, назвавъ землю *матерью*,—*мать-земля*. По тому же самому впечатлѣнію составилось слово *жена*, соотвѣтствующее персидскому *зенъ*, и греческому γυνή (г—з—ж), гдѣ *ем* и *ен* какъ носовые легко мѣняются, равно какъ *г* и *з* легко измѣняются на придыхательную *ж*. Здѣсь мы не доказываемъ происхожденія русскаго слова отъ персидскаго или греческаго, а только выводимъ, что всѣ они происходятъ отъ одного корня. И такъ *жена*, какъ и *земля*, по впечатлѣнію будетъ выражать: *рождающая*. Это самое впечатлѣніе русскій народъ выразилъ въ другомъ словѣ: *родительница*. Такъ составились и составляются слова.

Примѣч. 2. Иногда въ говорѣ народа незамѣтно происходитъ перестановка коренныхъ буквъ въ словѣ, отъ чего часто не вдругъ можно указать на корень, напр. рус. *лодонь* составилось изъ *долонь* (длань) *сыворотка* изъ сыроводка, лат. forma

[1]) Лекціи М. Мюллера.

(видъ) изъ корен. гречес. μόρφα (видъ); корни словъ *рака, рамо врачъ, врагъ, работа, влеку, лебедь* находятся также въ словахъ лат. arca, armus, нѣм. Arzt, arg, Arbeit, греч. ἕλκω исланд. albpt. Примѣровъ можно найти во всѣхъ языкахъ довольно.

Примѣч. 3. (Изъ грам. Буслаева § 154, 156):

«Синтаксическое употребленіе словъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самымъ значеніемъ ихъ, объясняемымъ посредствомъ разбора троповъ и синонимовъ.

«Участіе тропа оказывается въ предложеніи тогда, когда слово, переходя отъ одного значенія къ другому, видоизмѣняется въ синтаксичческомъ употребленіи. На этомъ основывается, напр., различное управленіе одного и того же глагола. Напр. *слѣдовать,* въ значеніи первоначальномъ, наглядномъ, требуетъ творит. падежа съ предлогомъ *за* (слѣдовать за кѣмъ); а въ переносномъ — дательнаго (слѣдовать кому).

«Слова, переходя отъ одного значенія къ другому, приноравливаются къ извѣстному порядку однородныхъ понятій. Такъ напр. глаголъ *надѣяться*, переходя отъ первоначальнаго значенія: *полагаться на что (надѣяться на что)*, къ значенію *ожидать*, становится понятіемъ однороднымъ съ этимъ послѣднимъ. Такія слова называются синонимами.

«Значеніе синонимовъ особенно важно въ разсужденіи управленія глаголовъ; потому что глаголъ, заимствуя переносный смыслъ отъ синонимовъ, съ которыми поставляется въ одинъ разрядъ, получаетъ то же самое управленіе, какъ и прочіе глаголы, которыми выражаются эти синонимы. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ, *надѣяться*, становясь синонимомъ глаголу *ожидать*, требуетъ родительнаго падежа такъ же, какъ и этотъ послѣдній глаголъ (ожидать *чего* = надѣяться *чего*). — Еще примѣръ: глаголъ *наблюдать* собственно требуетъ вин. падежа: *наблюсти что, блюсти что* (=*хранить что*); но будучи сближенъ съ понятіями: *слѣдить за кѣмъ, смотрѣть за кѣмъ*, управляетъ, какъ и эти глаголы, творительнымъ падежомъ съ предлогомъ *за* (наблюдать *за кѣмъ*); будучи сближенъ съ понятіемъ: *дѣлать опытъ надъ чѣмъ*, получаетъ управленіе, согласное съ этимъ описательнымъ выраженіемъ, принимая послѣ себя творительный падежъ съ предлогомъ *надъ* (наблюдать *надъ чѣмъ*, наблюденіе *надъ чѣмъ*).

«Первоначальное значеніе слова, въ наибольшей мѣрѣ, соотвѣтствуетъ этимологическому составу грамматической формы. Такъ въ словѣ *надѣяться* первоначальное значеніе (т. е. полагаться *на что*) — объясняется самымъ производствомъ; *надѣять-ся.* Потому этотъ глаголъ, въ соотвѣтствіе своему обра-

зованію, и управляетъ винит. падежомъ съ предлогомъ *на*. Равномѣрно и *наблюбать*, происходя отъ глагола *блюсти* (т. е. хранить *что*) первоначально управляетъ, какъ замѣчено выше, винит. падежомъ.

«Перенесеніе слова отъ одного значенія къ другому расширяетъ смыслъ грамматической формы, уже по требованію отвлеченной мысли. Такимъ образомъ, ставя глаголъ *надѣяться* въ одинъ разрядъ съ синонимомъ *ожидать*, уже отвлекаемъ это первое слово отъ его собственнаго, нагляднаго значенія, опредѣляемаго этимологическимъ составомъ.

«Изъ сказаннаго явствуетъ, что синтаксическое употребленіе словъ бываетъ двоякое: 1) основанное на этимологической формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядное; и 2) отступающее отъ этой формы, по требованію мысли, и потому отвлеченное.

«Въ исторіи языка періодъ изобразительнаго представленія предшествуетъ періоду отвлеченныхъ понятій. Этотъ древнѣйшій періодъ сохранился до нашихъ временъ, частію и въ письменныхъ произведеніяхъ древнерусской литературы, но преимущественно въ языкѣ народномъ современномъ, по его мѣстнымъ нарѣчіямъ.

«Господство отвлеченнаго понятія надъ изобразительностью первоначальнаго впечатлѣнія и надъ свѣжестью живой разговорной рѣчи оказалось уже въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянской письменности, отъ которыхъ ведетъ свое начало нашъ книжный языкъ. Возведеніе слова, отъ нагляднаго представленія до общаго, отвлеченнаго понятія, обыкновенно совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, у славянъ получило свое начало отъ перевода Священнаго Писанія. — Отвлеченность церковнославянскаго языка зависитъ: 1) частію отъ умственныхъ и нравственныхъ понятій христіанства, которыя нужно было передать пославянски во всей ихъ чистотѣ: напр. *вѣра*, *надежда*, *терпѣніе*, *смиреніе*. *уповать* и пр.; 2) частію отъ реченій и оборотовъ чужеземныхъ, взятыхъ изъ греческаго языка; напр. *іерей, діаконъ, литургія*, *ангелъ* и др.; и наконецъ 3) большею частью отъ новыхъ, чисто книжныхъ реченій, составленныхъ переводчиками по образцу греческаго текста; напр. *благочестіе* (εὐσέβειχ), *благородіе* (εὐγένειχ), *благодушіе* (εὐψυχία) и проч.

«Направленіе, данное нашему языку церковнославянскими книгами, болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ русской литературы; потому что грамотные люди учились читать и писать по церковнымъ книгамъ. Отсюда понятно, почему языкъ древнерусскихъ памятниковъ содержитъ въ себѣ значительное количество словъ, выражающихъ отвле-

ченныя понятія, и уступаетъ нынѣшнему областному просторѣчію въ изобразительности.

«Нынѣшній книжный языкъ и составившаяся подъ его вліяніемъ рѣчь образованнаго общества, какъ плодъ умственнаго развитія, получившаго начало со времени перевода Св. Писанія, и воспитаннаго церковнославянскою литературою въ древнемъ періодѣ, и вліяніемъ образованности другихъ народовъ въ новѣйшее время, отличается отъ народнаго языка господствомъ отвлеченной мысли въ словѣ надъ изобразительнымъ представленіемъ.

Эпитеты. § 19. Мы уже сказали, что съ теченіемъ времени выраженіе перваго впечатлѣнія въ словѣ теряется, какъ скоро теряется значеніе корня, и слово дѣлается простымъ отвлеченнымъ названіемъ предмета. Но народъ, любящій все представлять живо, по впечатлѣнію, не довольствуется простыми названіями предметовъ; не находя въ нихъ выраженія впечатлѣнія, онъ дополняетъ ихъ другими словами, выражающими впечатлѣніе или ту сторону предмета, которая особенно его поражаетъ. Такія дополнительныя слова называются *эпитетами*, слѣд. и они вытекаютъ изъ потребности народнаго духа. Въ языкѣ многіе эпитеты перешли въ названіе: *смертный*, *животное*, *насѣкомое*, *всенощная*. Общность живаго народнаго воззрѣнія производитъ *постоянные* эпитеты, точно такъ какъ метафоры и сравненія, которыя кажутся всякому изъ народа, ихъ создавшаго, самыми естественными и прекрасными, въ то время какъ чужеземцу могутъ показаться вычурными, смѣшными и нелѣпыми; здѣсь опять каждый народъ творитъ по своей реторикѣ сообразно со своимъ взглядомъ. Въ эпическій вѣкъ древнегреческой жизни всѣ называли богиню Аѳину *волоокая* (боопсъ) или *свѣтлоокая* (глаукописъ), богатыря—*дивный* (діосъ), быка—*кривоногій* (ейлипусъ), островъ — *волнообъятый* (амфіалосъ), слово — *крылатое* (птероенъ) и проч. Все это не было кѣмъ нибудь придумано, но вытекло прямо изъ народнаго взгляда: какое качество или свойство въ предметѣ болѣе всего поражаетъ народъ, то онъ и выражаетъ яркимъ эпитетомъ, который остается надолго, потому что народъ не

мѣняетъ своего взгляда, если не измѣнятся предметы или въ немъ самомъ не произойдетъ измѣненія. Съ теченіемъ времени и самые эпитеты иногда теряютъ свое живое представленіе, но они уже такъ тѣсно срастаются съ другимъ словомъ, выражающимъ извѣстный предметъ, что оно одно представляется недостаточнымъ и какъ то неполнозвучнымъ, какъ напр. у насъ *бѣлый* свѣтъ, *красное* солнце, *ясный* соколъ и м. др. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нашихъ постоянныхъ эпитетовъ, которые встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ. Всматриваясь въ нихъ, мы находимъ, что большая ихъ часть получила свое начало отъ впечатлѣнія свѣта и цвѣта. Эти два впечатлѣнія здѣсь безпрестанно сближаются и даже смѣшиваются. Сильное впечатлѣніе отъ цвѣта преимущественно передъ другими качествами хорошо объясняется слѣдующими обыкновенными выраженіями въ нашихъ сказкахъ:

«Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася,
Что не синь во поляхъ засинѣлася,
Не крась закраснѣлася. не чернь зачернѣлася.»

Здѣсь глазъ прежде чѣмъ разглядитъ дальній предметъ, старается схватить тотъ цвѣтъ, которымъ предметъ себя обозначаетъ.

Свѣтъ обыкновенно любезенъ глазамъ каждаго человѣка, потому въ глазахъ народа онъ сдѣлался символомъ всего чистаго, непорочнаго, производящаго въ душѣ пріятныя и сладостныя впечатлѣнія; отъ того словомъ свѣтъ часто выражается чувство любви и привязанности: *свѣтъ мой батюшка, свѣтикъ мой, мои свѣты родимые.*

Примѣч. У персіянъ въ томъ же значеніи употребляется выраженіе *свѣтъ глазъ моихъ.* Впрочемъ оно попадается и у насъ, напр. у *Даніила Заточника* (XIII вѣка): *свѣтъ очію моею.*

Отливаясь въ природѣ то бѣлымъ, то блестящимъ краснымъ цвѣтомъ, свѣтъ сдѣлалъ и эти цвѣта особен-

но любезными народу. Они въ его воображенiи иногда даже сливаются вмѣстѣ, такъ что онъ говоритъ: *бѣлый свѣтъ*, *бѣлый день*, *бѣлая зоря*; здѣсь самый свѣтъ или блескъ отпечатлѣвается въ его воображенiи отливомъ цвѣта. Въ самомъ корнѣ слова *свѣтъ* заключается понятiе бѣлизны, что видно изъ санскрит. *света*, знач. бѣлый; нашимъ эпитетомъ только возстановляется это значенiе, какъ первоначальное впечатлѣнiе.

Слово *бѣлый* еще въ глубокой древности означало доброе начало, производящее свѣтъ, что видно изъ названiя *Бѣлъбогъ*.

Эпитетъ *бѣлый* постоянно придается членамъ тѣла: *бѣлая грудь, бѣлыя руки.*

Другой часто употребляемый эпитетъ *красный* также имѣетъ близкое отношенiе къ свѣту. Корень этого слова находится въ древне-славянс. словѣ *кресъ*, означавшемъ свѣтъ, блескъ, жаръ и потомъ жизнь: онъ виденъ въ малорус. словѣ *кресало* (огниво), *кресить* (высѣкать огонь), или въ старой поговоркѣ: *на кресу не бывать* т. е. не остаться въ живыхъ, не сносить своей головы, въ крестьянскомъ названiи мѣсяца iюля *кресникъ* (жаркiй). Отъ этого же корня произошло слово *воскресить*. Въ крестьянскихъ избахъ среднее окно между двумя волоковыми называютъ *краснымъ*, потому что черезъ него проходитъ солнечный свѣтъ и освѣщаетъ избу. Свѣтъ въ своемъ источникѣ отливается самымъ яркимъ краснымъ цвѣтомъ, потому понятiе о свѣтѣ перешло на понятiе о цвѣтѣ. Такимъ образомъ въ словѣ *красный*, какъ народномъ эпитетѣ, мы безпрестанно встрѣчаемъ слитiе этихъ двухъ понятiй, чѣмъ онъ отличается отъ эпитета *бѣлый*, также иногда выражающаго *свѣтъ:*

Не свѣтла ночь безъ мѣсяца,
Не красенъ день безъ солнышка.

Золото постоянно носитъ эпитетъ *красное*, тогда какъ серебро иногда называется *бѣлымъ*.

Примѣч. И въ персидской поэзіи тѣ же эпитеты постоянно придаются золоту и серебру; *серх-у-сефидъ*—красное и бѣлое—означаетъ золото и серебро.

Имѣя въ виду первоначальное впечатлѣніе отъ предметовъ на воображеніе народа, мы должны сказать, что для солнца не могло и быть никакого другаго эпитета, кромѣ *красный*: *красное солнышко*.

Впечатлѣніе отъ всего пріятнаго и нѣжнаго народъ сблизилъ съ пріятнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ на душу блескомъ свѣта и потому изъ того же корня образовалъ слово *краса*, *красота*. Это понятіе о красотѣ часто заключается и въ словѣ *красный*, такъ напр. берегъ носитъ названіе *краснаго* т. е. красиваго: «праздникъ *красенъ* пирогами, какъ рѣка берегами.» Какъ мы вмѣсто слова красивый часто употребляемъ болѣе общее *хорошій*, такъ въ нашихъ народныхъ произведеніяхъ наоборотъ: вмѣсто хорошій, встрѣчается-*красный*. У насъ теперь это слово только въ превосходной степени выражаетъ понятіе о красотѣ: *прекрасный*.

Хорошо составленная рѣчь или слово, кстати и ловко сказанное, производятъ пріятное впечатлѣніе, которое сближается съ впечатлѣніемъ отъ красоты, потому народъ ихъ называетъ *красными*: *красная рѣчь*, *красное словцо*; «красно поле рожью, а *рѣчь—ложью*;» эта ложь въ рѣчи иногда называется *прикрасой*.

Растенія отпечатлѣваются въ народномъ воображеніи своимъ зеленымъ цвѣтомъ и получили общее названіе *зелени*. Сначала это понятіе выражалось въ словѣ *зелье*, какъ ближайшемъ къ корню:

Обсади меня тремя *зельями*:
Первымъ зельемъ—*гвоздичками*,
Другимъ зельемъ—*василькам*и,
Третьимъ зельемъ—*стрѣлочками*;

потомъ зельемъ стали называть лѣкарственныя травы, а съ ними вмѣстѣ и волшебныя для колдовства и чарованія; на-

конецъ отсюда къ нему иногда стали присоединять понятіе нечистаго. Эпитетъ *зеленый* употребляется у насъ при многихъ словахъ: *зеленая дубрава, зеленое виноградье, зеленая груша, зеленый садъ*.

Дотолева *зеленый* садъ *зеленъ* стоялъ,
А нынѣ *зеленый* садъ засохъ, приблекъ.

Слово *зеленый* у насъ употребляется также для выраженія *ѣдкости, горечи*, такъ напр., когда дымъ слишкомъ ѣстъ глаза, то говорятъ: *зелено въ глазахъ*. Зеленый цвѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, самый ѣдкій цвѣтъ; отъ многихъ травъ эта ѣдкость пристаетъ къ рукамъ, и вы ее сильно почувствуете, когда дотронетесь тѣми же руками до своихъ глазъ. Такимъ образомъ народъ, вслѣдствіе одинакихъ впечатлѣній, переноситъ слово отъ одного понятія къ другому.

Море поражало нашихъ предковъ также своимъ цвѣтомъ. Грекъ обыкновенно смотрѣлъ на море, какъ на противуположность со своей прекрасной землею, и потому его называлъ *пустыннымъ, безплоднымъ*, иногда *бурнымъ*, иногда, по вкусу воды, *соленымъ*. Въ корнѣ слова *море* заключается понятіе гибели, смерти; онѣ конечно должны производить самое сильное впечатлѣніе на первоначальный народъ, незнакомый еще съ морскою жизнію. Отъ того *море* и *смерть* произошли отъ одного корня. Но наши предки, потерявъ первоначальное впечатлѣніе, уже знакомые съ моремъ, говоря о немъ, всегда ему придавали эпитетъ *синее*; онъ постоянно встрѣчается и въ Словѣ о полку Игоря (XII стол).

Черный цвѣтъ сильно отпечатлѣвается въ воображеніи народа, и потому онъ получилъ различныя примѣненія. Почти у всѣхъ народовъ чернота, какъ совершенное отсутствіе свѣта, въ противуположность бѣлизнѣ, относилась къ злому началу. У славянъ былъ *Бѣлъ-богъ* и *Черно-богъ*; у персіянъ *дивъ* (злой духъ) вездѣ называется *черный* (сіяхъ); въ нашихъ народныхъ произведеніяхъ названія нѣкоторыхъ частей тѣла постоянно имѣютъ при себѣ слово *бѣлый*; тамъ же, гдѣ гово-

рится о *Тугаринѣ Змѣевичѣ*, какъ враждебной силѣ, бѣлый замѣняется словомъ *черный*:

И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алеша на *черну грудь*.

При такомъ впечатлѣніи отъ черпаго цвѣта, онъ сталъ выраженіемъ всего, что производитъ въ нашей душѣ непріятное впечатлѣніе, скорбь и страданіе. У грековъ неблагопріятная судьба называлась *черная судьба* (кера мелайна), у насъ несчастный день—*черный день*; тяжелыя, тревожныя мысли—*черная дума*; про человѣка съ мрачнымъ видомъ говорятъ, что онъ *чернѣе ночи*; безчестное дѣло зовутъ *чернымъ поступкомъ*; дурную совѣсть—*черною совѣстью*; колдовство—*чернокнижіемъ*; словомъ, все что, повидимому, происходитъ отъ злаго начала, принимаетъ названіе *черного*.

Иногда эпитетъ *черный* выражаетъ одно простое впечатлѣніе отъ черного цвѣта, какъ напр. *черная туча*, *черный воронъ*. Чернота воронова крыла даже служитъ предметомъ для сравненія. Какъ названіе птицы *голубь* дало нашимъ предкамъ слово для выраженія голубаго цвѣта, такъ точно слово *вороной*, произведенное отъ *воронъ*, стало выражать черный цвѣтъ. Впрочемъ оно служитъ эпитетомъ только коню.

Въ нашихъ народныхъ произведеніяхъ большая часть животныхъ обыкновенно описывается цвѣтомъ шерсти или перьевъ; такъ лебедь и кречетъ постоянно зовутся *бѣлыми*; орелъ и голубь—*сизыми*; утка и волкъ—*сѣрыми*, соболь—*чернымъ*. Коню и коровѣ принадлежитъ нѣсколько цвѣтовъ, которые даже обратились въ собственныя лошадиныя и коровьи имена: *сѣрко*, *гнѣдко*, *сивко*, *бурко*, *буренушка*, *чернушка* и др. Конечно такія имена могли получить только тѣ животныя, съ которыми человѣкъ безпрестанно обращается, какъ со своимъ слугою и помощникомъ. Русскій человѣкъ, сильнѣе всего принимая впечатлѣніе отъ цвѣта, цвѣтъ же, какъ и естественно, обратилъ въ имена своимъ любимымъ животнымъ.

Упомянемъ еще объ эпитетѣ *ясный*, который придается соколу. Многіе примѣры (особенно въ санскритс. яз.) доказываютъ, что впечатлѣніе отъ свѣта сближалось народомъ съ впечатлѣніемъ отъ быстроты: въ нѣкоторыхъ славянск. нарѣчіяхъ слово *ясно* или *есно* означаетъ *быстро* и наоборотъ: *бысрто* означаетъ *ясно*. Такимъ образомъ эпитетъ сокола выражаетъ быстроту въ полетѣ, которая сравнивается съ быстротою распространяющагося свѣта.

Корень, окончаніе, удареніе, какъ принадлежности слова. § 20. Итакъ словообразованіе совершается въ народѣ разумно. *Корень* слова выражаетъ впечатлѣніе, *окончаніе* показываетъ къ какому роду словъ должно отнести слово, или какой особенный оттѣнокъ въ значеніи оно въ себѣ заключаетъ. Въ окончаніи заключаются *суффиксъ* и *флексіи*. Первые — звуки и слоги производственные, переводящіе слова въ извѣстный разрядъ: въ словѣ *умѣть—ѣть*—суффиксъ переводящій сущест. *умъ* въ глаг. *Флексіи*—окончанія падежей и лицъ (склонен. и спряжен.). Съ развитіемъ въ языкѣ понятій развиваются и окончанія, являются приставки въ началѣ, различныя измѣненія въ концѣ и въ срединѣ слова, и все это совершается по извѣстнымъ законамъ, которые высказываются въ языкѣ съ его развитіемъ.

Необходимая принадлежность каждаго отдѣльнаго слова—*удареніе*, т. е., повышеніе голоса на одномъ изъ слоговъ. Въ русскомъ языкѣ нѣкоторыя слова послѣ предлоговъ иногда теряютъ свое удареніе, отдавая его предлогу и какъ бы сливаясь съ нимъ: *нà мостъ, пòдъ голову. нà сковороду.*

Примѣч. Во всѣхъ древнихъ индоевроп. языкахъ гласные различались по количеству, т. е. были долгіе и короткіе. По нѣкоторымъ даннымъ можно съ достовѣрностію заключить, что въ старину и у славянъ было такое же различіе гласныхъ, на которомъ основывалось ихъ стихосложеніе. На основаніи возможности уравнивать по нѣскольку слоговъ короткихъ съ однимъ долгимъ образовались мѣрныя фразы сказочнаго размѣра, что сохранилось и до настоящаго времени. Но съ теченіемъ времени различіе долгихъ и короткихъ слоговъ у насъ сгладилось, а постоянное мѣсто для ударенія не опредѣлилось, какъ напримѣръ въ

польскомъ языкѣ, гдѣ мѣсто для ударенія всегда на предпослѣднемъ слогѣ. У насъ произошла *подвижность* и *неопредѣленность* ударенія: оно въ одномъ и томъ же словѣ часто передвигается, глядя по падежу или лицу (сестры́ -се́стры), или падаетъ безразлично то на одинъ, то на другой слогъ (дѣ́вица и дѣви́ца, мо́лодецъ и молоде́цъ). Въ новѣйшемъ русскомъ языкѣ замѣтно стремленіе уравновѣшивать слоги удареніемъ; его переносятъ на средніе или даже приближаютъ къ концу слова. Еще замѣчательно, что предлоги любятъ къ себѣ притягивать удареніе, что мы уже видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ; но вотъ еще другіе: отъ *вѣдать—вы́вѣдать*, *за́повѣдь*, *по́вѣсть*. Конечно, этого нельзя принять за общій законъ, потому что подъ него не подошли бы многіе другіе случаи. Вообще законы ударенія въ нашемъ языкѣ еще не выяснились, и потому здѣсь мы не руководствуемся правилами, а слѣдуемъ одному употребленію. У насъ по ударенію различаются не только падежи, но и весьма многія слова, напр. бе́регу—берегу́, бу́ди—буди́, бѣ́локъ—бѣло́къ, во́ротъ—воро́тъ, дорога́—доро́га, жи́ла—жила́, за́мокъ—замо́къ, зна́комъ—знако́мъ, па́ромъ—паро́мъ и мн. др.

Въ словахъ сложныхъ первое слово обыкновенно теряетъ свое удареніе: *вино*дѣ́ліе, *хлѣбо*па́шество, *сребро*лю́біе.

Части рѣчи. § 21. Раздѣленіе словъ или рѣчи на части не выдумано составителями грамматикъ, а вытекаетъ прямо изъ природы и образа мысли человѣка. Человѣкъ можетъ мыслить только тогда, когда ясно сознаетъ себя и окружающіе предметы, что составляетъ матерьялъ для его мышленія, когда онъ можетъ сказать: *я не онъ*, *а онъ не ты*. Для сознанія ему необходимо слово, которое опредѣляетъ и представляетъ его сознаніе. Слово является въ первую минуту сознанія, когда въ человѣкѣ отразятся всѣ окружающіе предметы такъ, что онъ будетъ въ состояніи отличить *признаки* каждаго изъ нихъ, слѣд. когда онъ вполнѣ сознаетъ *бытіе*. Но все въ природѣ живетъ, а жизнь выражается въ движеніи или дѣйствіи, что также должно необходимо войти въ сознаніе человѣка и слѣд. выразиться въ словѣ. И такъ въ природѣ бытіе, признакъ и дѣйствіе выражаются въ языкѣ: *именемъ существительнымъ* (бытіе), *прилагательнымъ* (признакъ) и *глаголомъ* (дѣйствіе). Но какъ признаки такъ

и дѣйствія бываютъ различны, съ разными качествами при разныхъ обстоятельствахъ. Все это мы должны отличить въ своемъ мышленіи, откуда и вытекаетъ особая часть слова—*нарѣчіе*. Въ природѣ существуетъ множество однородныхъ предметовъ; при мышленіи мы можемъ имѣть въ виду ихъ всѣ, или нѣсколько, или только одинъ; отсюда является необходимость въ опредѣленіи количества и въ обособленіи, что и выполняютъ *числительныя* и *мѣстоимѣнія*. Сверхъ этихъ частей рѣчи нужны особыя слова для означенія взаимныхъ отношеній предметовъ въ пространствѣ, и послѣдовательности дѣйствія во времени: отношенія выражаются *предлогами*, послѣдовательность—*союзами*.

Такимъ образомъ, какъ скоро человѣкъ началъ мыслить, явились вдругъ всѣ части рѣчи, и притомъ совокупленныя въ *предложеніи*, гдѣ два главныя понятія, *подлежащее* и *сказуемое*, тотчасъ заняли первыя мѣста. Все это непремѣнно существуетъ въ каждомъ языкѣ, потому что вытекаетъ изъ потребности мысли.

Всѣ части рѣчи, изъ которыхъ слагается полная мысль, выражаютъ или понятія или отношенія понятій; по этому онѣ раздѣляются на два рода словъ—на слова понятій или *знаменательныя*, и на слова отношеній—*служебныя*. Къ первымъ относятся глаголъ, имя существительное и прилагательное; ко вторымъ: числительное, мѣстоименіе, предлогъ, союзъ. Нарѣчіе иногда выражаетъ понятіе (*дома, верхомъ, хорошо*), иногда отношеніе (*здѣсь, тамъ*), поэтому занимаетъ средину между знаменательными и служебными и можетъ назваться *знаменательно-служебною частію рѣчи*.

Междометія выражаютъ мгновенное движеніе чувства, и представляютъ не развитое предложеніе.

Современные филологи доказываютъ, что большая часть коренныхъ словъ въ языкѣ выражаютъ дѣйствіе или дѣятельность; поэтому въ грамматическомъ изложеніи языка первое мѣсто долженъ занимать *глаголъ*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАГОЛЪ.

Залоги. § 22. Дѣятельность бываетъ двоякая: одна заключается въ самомъ предметѣ, какъ сила или способность (цвѣсти, рости, звенѣть), другая исходитъ изъ предмета, обращаясь на другой предметъ (бросать, читать). Первая называется *субъективною*, вторая *объективною*. На этой двоякой дѣятельности основано раздѣленіе глаголовъ на залоги—*средній* и *дѣйствительный*. Изъ дѣйствительнаго выдѣлились еще два залога: одинъ выражаетъ состояніе предмета, на который обращено дѣйствіе—*страдательный*: другой представляетъ дѣйствіе, удержанное при самомъ дѣйствователѣ—*возвратный*. Оба они часто смѣшиваются, такъ что страдательный легко уступаетъ свое мѣсто возвратному, напр. вм. *быть почитаемымъ*, *уважаемымъ* говорятъ: *почитаться*, *уважаться*. Эти залоги существуютъ во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ.

Въ русскомъ языкѣ не выработались отдѣльныя формы для каждаго залога. Въ немъ залогъ опредѣляется только въ синтаксическомъ соединеніи съ другими словами въ предложеніи, такъ что одинъ и тотъ же глаголъ можетъ быть въ одномъ соединеніи дѣйствительнымъ, а въ другомъ среднимъ, напр. *бить тревогу*, *бить звѣря*, (дѣйств.), *ручей бьетъ мутною волной* (сред.), *сердце бьется*, *бьется какъ рыба объ ледъ* (сред.), *птица бьется осенью* (страдат.), *ходить на сходку* (сред.), *ходить журавля*—плясать (дѣйств.). Особенно разнообразно употребленіе глагола въ мѣстныхъ діалектахъ:

Первую тавлеюшку царь *ступилъ*,
Другую тавлеюшку Добрыня младъ.

Форма съ глаголомъ *быть* (быть читану, биту), которая въ другихъ языкахъ называется *страдательною* и которою мы по большей части передаемъ смыслъ страдательнаго залога иностранныхъ глаголовъ, у насъ не всегда выражаетъ этотъ смыслъ; употребленіе ея гораздо шире: ее могутъ даже принимать глаголы средніе, чего въ другихъ языкахъ недопускается: мѣсто *хожено*, *сижено* конь *ѣзженъ*.

У дороднаго добра молодца,
Много *было* на службѣ *послужено*;
На печи *было* въ волю *полежано*;
Съ кнутомъ со свиньями *похожено*;
На добрыхъ коняхъ *поѣзжено*.

Здѣсь *быть* соединяется съ причастіемъ какъ съ прилагательнымъ (быть добру, быть спѣсиву) и уже выражаетъ простое состояніе, какъ средній залогъ [1]).

Глаголъ, какъ часть предложенія. § 23 Главную часть каждаго предложенія составляетъ глаголъ, выражающій или простое бытіе, или извѣстное состояніе, или дѣйствіе. Онъ раздѣляется на двѣ части: первая или *корень* представляетъ самое состояніе или дѣйствіе; вторая или *окончаніе* представляетъ продолжительность дѣйствія, лицо и число. Лицо опредѣляется самимъ говорящимъ, который всегда есть *первое лицо*; тотъ къ кому онъ обращается, составляетъ *второе лицо*; все же прочее представляетъ собою *третіе*. Отношеніе къ дѣйствію лица говорящаго выражаетъ *наклоненіе: изъявительное*, *повелительное* и *условное*; первое представляетъ простое повѣствованіе, второе — повелѣніе и третье условіе или сомнѣніе. Каждое изъ этихъ наклоненій непремѣнно есть сказуемое, около котораго вмѣстѣ съ подлежащимъ

[1]) Залоги *взаимные* и *общіе* нашихъ старыхъ грамматикъ мы относимъ къ дѣйствительнымъ и среднимъ, потому и не ведемъ о нихъ рѣчи.

группируются всѣ прочія части предложенія. Если же сказуемое не глаголъ, тогда отношеніе подлежащаго къ лицу говорящему выражаетъ глаголъ *быть*, который здѣсь какъ часть предложенія называется *связью*; онъ же выражаетъ и отношеніе дѣйствія ко времени.

Глаголъ можетъ выказаться и въ другой формѣ, которая не показываетъ отношенія между лицами, а выражаетъ только наименованіе глагольнаго качества. Поэтому ее нельзя назвать собственно *наклоненіемъ*, хотя въ грамматикахъ она и называется *неопредѣленнымъ* наклоненіемъ. Она приближается къ имени существительному, представляющему то же понятіе (*сидѣть* и *сидѣніе*). Во многихъ языкахъ ее и переводятъ въ существительныя, прибавляя только членъ (напр. le dîner, das Leben). Въ предложеніи она можетъ быть и сказуемымъ (быть бѣдѣ), и подлежащимъ, и дополненіемъ.

Имя лица, принявшаго на себя глагольное качество, слѣдственно, сдѣлавшееся опредѣлительнымъ словомъ, состоитъ въ родствѣ съ именами прилагательными и называется *причастіемъ*. Причастіе, сдѣлавшись опредѣленіемъ другаго дѣйствія, переходитъ въ часть несклоняемую, обращаясь въ глагольное нарѣчіе—*дѣепричастіе*. Итакъ глаголъ имѣетъ самые естественные переходы ко всѣмъ знаменательнымъ частямъ рѣчи.

Неопредѣленное наклоненіе. § 24 Основною формою глагола въ индоевропейскихъ языкахъ считается *неопредѣленное наклоненіе*.

Она же можетъ назваться формою существительною и безличною; хотя у насъ она и передаетъ неопредѣленное наклоненіе другихъ языковъ; но ея употребленіе гораздо обширнѣе. Мы уже видѣли, что первоначальные корни могли употребляться то какъ прилагательныя, то какъ существительныя, то какъ глаголы, и значеніе въ этомъ случаѣ зависѣло отъ ихъ синтаксическаго сочетанія. Нѣсколько такихъ чистыхъ корней осталось и въ нашемъ языкѣ (*хлопъ, молвь,*), о разнообразномъ употребленіи которыхъ мы уже говорили. Сюда относятся и нѣкоторыя коренныя слова, которыя употре-

бляются то какъ имя, то какъ глаголъ, напр. *жаль*, *лѣнь*: мнѣ *жаль* его (глаголъ), отъ *жали* не плакать стать; *жалью* моря не переѣдешь, вѣку не изживешь (существ.); съ *лѣнью* далеко не уйдешь (существ.), *лѣнь* мнѣ! (глаг.); по *естю* старецъ келью строитъ (по тому что *есть*, т. е. сообразно со средствами); онъ оказался въ *нѣтяхъ* (отъ слова нѣтъ).

Это же свойство корней перешло и на основную форму русскаго глагола, которая можетъ употребляться и въ смыслѣ существительнаго, и въ смыслѣ разныхъ временъ и наклоненій, напр. не въ *мочь* мнѣ, нѣтъ ему *мочи*, пришла *напасть*, собралась все *знать*, съ какой *стати*, образовалась *течь* и др. Здѣсь глагольная основная форма употребляется въ смыслѣ имени. Но вотъ примѣры, гдѣ эта же форма употребляется для выраженія будущаго времени: *быть* бѣдѣ, *плакать* тебѣ, *горевать* ему, вмѣсто *будетъ* бѣда, *ты будешь плакать*, *онъ будетъ горевать*; въ Словѣ о полку Игоря: *быти* грому великому, *итти* дождю стрѣлами; ту ся копіемъ *приломати*, ту ся саблемъ *потручати*. Эта форма здѣсь указываетъ на самостоятельность дѣйствія, которое проявится не зависимо отъ дѣйствующаго лица, слѣдовательно она употребляется тогда, когда нужно выразить дѣйствіе безъ прямаго отношенія къ дѣйствующему лицу, какъ къ подлежащему. Для выраженія повелительнаго наклоненія: *сдѣлать* или *сыскать* мнѣ эту вещь и *принести* сюда; въ старинныхъ юридическихъ актахъ повеленіе обыкновенно выражалось основною формою глагола: «и судъ *судити* баяромъ й окольничимъ, а на судѣ *быти* у бояръ и у окольничихъ дьякомъ». Эта форма употребляется для выраженія непремѣннаго требованія, за которымъ ожидается безпрекословное исполненіе, гдѣ воля исполняющаго лица уничтожается. Эта же форма употребляется въ нашемъ языкѣ для выраженія *желанія* въ прошедшемъ или въ настоящемъ съ частицею *бы* или глаголомъ *было*: *идти бы* мнѣ, *ѣхать* бы вамъ, *пойти было, сѣсть было*; или условія съ союзомъ *если*:

если *взять* въ расчетъ ваши слова, то можно подумать.... ее же мы употребляемъ при лицѣ, когда нужно указать на дѣйствіе, не обозначая опредѣленнаго времени: я *гулять*, а онъ *спать*; вы *читать*, а мы *писать*. Здѣсь можетъ разумѣться время прошедшее, настоящее и будущее.

Основная форма глагола употребляется въ предложеніи и какъ подлежащее въ смыслѣ имени дѣйствія: *учиться* полезно, *работать* выгодно. Признакомъ основной формы у насъ служитъ окончаніе *ти* или сокращенное *ть*, которое въ извѣстныхъ случаяхъ переходитъ въ *сти* (сть) и *чь*.

Если глагольный корень оканчивается на чистую гласную, то окончаніе *ть* къ нему присоединяется прямо безъ всякаго посредства другихъ буквъ: *знать* (кор. *зна)*, *дать* (кор. *да*). Въ другихъ же случаяхъ *ть* присоединяется къ корню или посредствомъ *гласной а*, *я*, *ѣ*, *и*, *е*, *о*: *брать* (кор. *бр)*, *колоть* (кор. *кол*), *тереть* (кор. *тр.*); или безъ всякаго ея посредства, но скрывая послѣднюю согласную корня и обращаясь въ *сти* или *чь*.

Отъ чистаго корня нужно отличать *глагольную тему* или *основу*, т. е. соединеніе корня съ гласною или цѣлыми слогами *ов*, *ну*; напр. въ глаголѣ *читать* кор. *чьт*, а глагольная *тема чита*.

Окончаніе *сти* показываетъ, что въ корнѣ скрыта одна изъ буквъ: *б*, *д*, *т*, *с*; она тотчасъ обнаруживается передъ гласною: *грести—гребу*, *цвѣсти—цвѣтетъ—отцвѣтать*, *вести—веду—водить*.

Примѣчаніе. Въ другихъ родственныхъ языкахъ опущеніе коренной согласной буквы выражается удвоеніемъ слѣдующей, какъ напр. въ латин. illuminatio, alligare, occultus вм. inluminatio, adligare, obcultus. Но въ нашемъ языкѣ не терпѣлось удвоеніе звуковъ, поэтому вмѣсто удвоеннаго *т* является зубной *с*, какъ звукъ легче и чаще всѣхъ сочетающійся съ *т*.

Въ словѣ *рости* буквы *ст* принадлежатъ окончанію, а не корню, хотя и въ корнѣ мы находимъ такія же буквы *(рост)*, но коренныя здѣсь выпали по требованію языка, не

любящаго удвоенія. Въ полной формѣ *ростти* коренное *т* по общему правилу обратилось въ *с*, передъ которымъ коренной *с* долженъ былъ скрыться. Передъ гласною обѣ коренныя вновь возстановляются: *росту*. Къ этому же разряду словъ должны бы относиться и глаголы на *зти* (везти), гдѣ *з*, по общему правилу, должно измѣниться въ *с;* но мы пишемъ: *везти*, *лѣзть ползти*, а не *вести*, *лѣсть*, *полсти*, удерживая коренную букву, хотя въ произношеніи и измѣняемъ ее на *с*.

Окончаніе *чь* показываетъ, что въ корнѣ должны быть звуки *г* или *к*. Въ нашемъ языкѣ эти звуки не легко сочетаются съ *т*, но измѣняясь въ *ж* и *ш*, сливаются съ нимъ въ одинъ звукъ—въ ц. сл. *щ*, въ рус. *ч*. Такъ напр. изъ общаго индоевропейскаго корня *нокт* (лат. noctu) составилось старославянское *ноштъ* и *нощь*, и рус. *ночь*. Точно такимъ же образомъ произошло глагольное окончаніе *щи* (ц. сл.) и *чь* (рус.) изъ *гти* и *кти*. Въ малорус. нарѣчіи *гти* и *кти* остались безъ измѣненія: *пекти*, *стрегти*. Передъ гласной коренный *г* и *к* вновь возстановляются.

Если послѣдняя буква корня есть носовая *м* и *н*, то передъ согласнымъ окончаніемъ *ть* она обращается, по общему правилу, въ носовое *я* (т. е. въ *юсъ*: ѧ), которое послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* по требованію выговора обращается въ *а*. Это носовое *я* передъ гласной уступаетъ свое мѣсто кореннымъ звукамъ *м* (ем), *н* (ен), напр. *мять—мну* (кор. *мн*), *распять—распну* (кор. *пн*), *жать—жму* и *жну* (кор. *жм* и *жн*) *взять—возьму* (кор. *ем*).

Въ глаголахъ производныхъ гласныя: *а*, (*я*.) *ѣ*, *и*, равно какъ согласныя *в* (*ов*, *ев*) и *н* между корнемъ и окончаніемъ *ть* имютъ каждая свое значеніе.

Примѣты средняго залога. § 25 Когда изъ имени нужно составить средній залогъ, то употребляемъ букву *ѣ* напр. отъ *пламя*, *глазъ*, *бѣлъ*, *старъ*, *теменъ* производимъ средній залогъ: *пламенѣть*, *глазѣть*, *бѣлѣть*, *старѣть*, *тем-*

нѣть. Такіе глаголы, произведенные изъ именъ прилагательныхъ, выражаютъ *переходъ изъ одного состоянія въ другое*, какъ *бѣлѣть, старѣть* и пр. Всѣ же другіе выражаютъ постоянное или временное пребываніе въ извѣстномъ состояніи.

Послѣ придыхат. буквъ *ж, ч, ш, щ,* буква *ѣ* переходитъ въ *а*: *мелокъ—мельчать, ветхъ—ветшать, тощъ—тощать, умникъ—умничать, сердце—сердчать.* При переводѣ именъ въ глаголы, имена лишаются признаковъ рода и склоненія, и глаголъ обыкновенно производится отъ основной ихъ формы. У прилагательныхъ на *яный* основною формою считается старинное окончаніе *ен*, а не нынѣшнее *ян*. По этому отъ *деревянный, костяной, ледяной* дѣлаются глаголы *деревенѣть, костенѣть, леденѣть.*

Въ глаголахъ отъименныхъ буква *ѣ* (*а*) остается примѣтою во всѣхъ глагольныхъ формахъ: *бѣлѣть—бѣлѣю—бѣлѣлъ—бѣлѣющій*, тогда какъ въ другихъ глаголахъ она исчезаетъ: *хотѣть—хочу, глядѣть—гляжу, терпѣть—терплю.*

Кромѣ буквы *ѣ* для выраженія средняго залога иногда употребляется буква *н* съ гласною *у*. Эта примѣта *ну* образуетъ глаголы всегда отъ чистаго корня и также выражаетъ *переходъ изъ одного состоянія въ другое: зябнуть, дрябнуть, сохнуть, глохнуть, меркнуть, чахнуть* и др. Такіе глаголы въ причастной формѣ выкидываютъ слогъ *ну* (*зябъ, крѣпъ. гибъ*), и тѣмъ отличаются отъ глаголовъ совершенно другой породы съ примѣтою *ну*, которые выражаютъ мгновенность дѣйствія: *кольнуть, двинуть*; эти сохраняютъ во всѣхъ своихъ формахъ отличительную примѣту (кольнуть—кольнувшій, двинулъ—двинувшій).

Примѣта дѣйствительнаго залога; переходъ въ него имени и средняго залога. § 26 Букву *и* мы употребляемъ при производствѣ дѣйствительнаго залога отъ имени, тамъ, гдѣ для средняго употребляемъ *ѣ*; при чемъ гортанныя буквы

переходятъ въ соотвѣтствующія предыхательныя: *пламенить*; *бѣлить*, *темнить*, *сушить* (сухъ), *вручить* (рука).

Съ помощью этой же буквы средніе залоги переходятъ въ дѣйствительные, при чемъ происходитъ и усиленіе или подъемъ гласныхъ въ корнѣ или въ срединѣ слова:

1. Гласныя, *е*, *и* измѣняются въ *о*, *ѣ* въ *а*: *мереть*—*морить*, *звенѣть*—*звонить*, *пить*—*поить*, *сѣсть*—*садить*; *ы* въ *у*: *стынуть*—*студить*, *гибнуть* (кор. *гыб*) —*губить*: Иногда *и* перемѣняется въ *ѣ* и на оборотъ: *липнуть*—*лѣпить*, *висѣть*—*вѣсить*.

2. Коренная буква *ы*, оканчивая собою корень, измѣняется въ родственный слогъ *ов*, *ав*: *слыть*—*славить* и *словить*, *плыть*—*плавить*, *прибыть*—*прибавить*. Изъ глагола *киснуть* произошелъ дѣйствительный *квасить*, потому что корень его не *кис*, а *кыс*, гдѣ *ы* перешло въ *ва*.

Если корень глагола оканчивается на гласную *а*, то между нею и соединительною *и* является придыханіе *в*: *стать*—*ставить*.

Согласная, скрытая въ глагольной темѣ, возстановляется, при чемъ гортан. *г*, *к* измѣняются передъ *и* въ соотвѣтствующія *ж*, *ч*: *лечь*—*ложить*, *течь*—*точить*, *тонуть* (кор. *топ*)—*топить*, *зябнуть*, (я —ѫ)—*знобить*, *рости*—*ростить*.

Значеніе *ся* § 27. Возвратный залогъ составляется изъ дѣйствит. присоединеніемъ къ нему частицы *ся*, которая есть старинный винительн. пад. возвратнаго мѣстоимѣнія. Нынѣ мы говоримъ *себя*, а *ся* употребляемъ только при глаголахъ и послѣ гласной часто сокращаемъ на *сь*: *дѣлалось*...*мылась* Потерявъ свое первоначальное значеніе, частица *ся* останавливаетъ дѣйствіе при самомъ лицѣ, и не позволяетъ переходить на предметы; по этому глаголы возвратные сходны съ среднимъ залогомъ, который также выражаетъ дѣйствіе не переходящее на внѣшніе предметы. Съ другой стороны, какъ скоро появится имя лица, подъ вліяніемъ котораго находится лицо дѣйствующее, то эта форма принимаетъ значе-

ніе страдательное: вмѣсто *онъ всѣми уважаемъ* говорятъ: *онъ всѣми уважается.*

Такъ какъ частица *ся* удерживаетъ дѣйствіе при дѣйствующемъ лицѣ, то мы употребляетъ ее и при среднихъ глаголахъ, показывающихъ переходъ въ извѣстное состояніе, если хотимъ выразить пребываніе въ этомъ состояніи, такъ, изъ *бѣлѣетъ, чернѣетъ* (дѣлается бѣлымъ, чернымъ) составляемъ: *бѣлѣется, чернѣется* (кажется бѣлымъ, чернымъ).

Частица *ся* относится ко всѣмъ тремъ лицамъ и во многихъ случаяхъ не только удерживаетъ дѣйствіе при лицѣ, но и указываетъ на самостоятельность дѣйствія независимо отъ воли лица, напр. *мнѣ хочется*, *вамъ не спится*, *ему зѣвается.*

И *вѣрится*, и *плачется*,
И такъ легко, легко.

Такія выраженія отличаются отъ личныхъ тѣмъ, что здѣсь дѣйствіе представляется независимо отъ воли лица, которое само подчиняется ему. Различіе между *я говорю* и мнѣ *говорится* состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ дѣйствіе вытекаетъ изъ воли лица, а во второмъ оно является независимо. *Ся* иногда употребляется и тамъ, гдѣ въ другихъ языкахъ неопредѣленное мѣстоименіе (es, man, il, on), когда лицо дѣйствующее неизвѣстно: не даромъ *говорится*, что дѣло мастера боится. Здѣсь главная важность въ дѣйствіи, а не въ лицѣ, до котораго собственно нѣтъ и дѣла: все равно кто бы ни говорилъ. Въ другихъ языкахъ мы не встрѣчаемъ такаго широкаго употребленія *ся*. Тамъ возвратное мѣстоименіе, не сливаясь съ глаголами, служитъ только для выраженія возвратнаго дѣйствія. Наши областныя нарѣчія даютъ намъ въ народныхъ пѣсняхъ и пословицахъ много любопытныхъ примѣровъ употребленія этой частицы:

Скажу, скажу тебѣ:
Не *таюсь себя*,
Не боюсь тебя.

Умывалася царица бѣлешенько,
Надѣвалася она хорошохонько.

—

У меня три года какъ *сосватонось*.

—

У меня замаленько да было *боротось*.

—

Только видѣли Илюшеньку *сядучись*,
А не видѣли его *поѣдучись*.

—

Молода Добрынюшку изъ чиста поля *дожидаются*,
Приѣдучись не *начаются*.

т. е. не дождутся, когда онъ пріѣдетъ.

Употребленіе слога *ов*, *ев*. § 28. Въ русскихъ глаголахъ производственный слогъ *ов*, *ев* переходитъ въ родственную гласную *у*, *ю* передъ гласными личныхъ окончаній, *тосковать—тоскую*, *горевать—горюю*.

Примѣч. Ей соотвѣтствуетъ въ гречес. яз. производственная υ (съ предъидущею ε), которая тоже бываетъ то гласною, то согласною. Какъ у грековъ отъ именъ πίστις (вѣра), ἡμέρα (день) составились глаголы πιστεύω; ἡμερεύω, такъ у насъ отъ именъ *вѣра, день—вѣровать, дневать*.

Глаголы съ этою примѣтою производятся большею частію отъ первообразныхъ именъ, а изъ производныхъ преимущественно способны переходить имена, кончащіяся на *тва* и *ство*. Гласною соединительною здѣсь служитъ *а*: *ликъ—ликовать*, *горе—горевать*, *плутъ—плутовать*, *имя* (*я—ѧ*) *именовать*, *мудръ—мудровать*, *жертва—жертвовать*, *чувство—чувствовать*, *царство—царствовать*.

Порода именъ на *ство* такъ сроднилась съ породою глаголовъ на *ов*, что многія первообразныя имена для перехода въ эту породу, нарочно принимаютъ окончаніе *ство*, котораго сами по себѣ имѣть не могутъ: *умъ—умство—умствовать*, *бѣда—бѣдство—бѣдствовать*.

Иностранные глаголы чаще всего переходятъ въ нашъ языкъ съ помощію производственнаго слога *ов*, *ев*: нѣм. mahlen—*малевать*, reissen—*рисовать*, werben—*вербовать*, tan-

zen—*танцовать;* фран. adresser—*адрессовать*, risquer—*рисковать*, arrêter—*арестовать*, critiquer—*критиковать* и мн. др. Замѣтимъ, что здѣсь оставляются безъ вниманія чужестранные производственные слоги iz и ier: они не отбрасываются, а принимаются какъ коренные; такъ въ нѣмец. глаголѣ anatomieren уже есть производственный слогъ ier, равный нашему *ов*, однакожъ мы прибавляемъ къ нему и свой слогъ, произнося *анатомировать.* Слово *магнитизировать* заключаетъ въ себѣ три производственные слога изъ разныхъ языковъ: французскій глаголъ magnétizer, переходя въ нѣм. языкъ, удерживаетъ свой производственный iz и еще принимаетъ другой нѣмец. слогъ ier: magnetizieren. Мы, перенявъ этотъ глаголъ у нѣмцевъ, прибавляемъ еще свой слогъ *ов*: *магнитизировать.*

Отъ этой породы производныхъ глаголовъ надобно отличать: 1, глаголы, имѣющіе въ своемъ *корнѣ* слогъ *ов* или *ев* и передъ гласными личныхъ окончаній измѣняющіе его на *у, ю: ковать—кую, совать—сую, плевать—плюю*; 2, глаголы изъ породы *и*, перешедшіе въ другой видъ: *затмевать* (затмить), при чемъ слогъ *ев* удерживается во всѣхъ лицахъ; 3, глаголы случайно получившіе слогъ *ов и ев*: *здороваться* отъ *здоровъ, отчаеваться* вмѣсто *отчаяваться.*

ВИДЫ ГЛАГОЛА.

Раздѣленіе. § 29. Въ большей части индоевропейскихъ языковъ весьма развились глагольныя времена: тамъ при одномъ настоящемъ встрѣчается нѣсколько прошедшихъ и будущихъ временъ. Возможность такого развитія заключается въ самомъ свойствѣ прошедшаго и будущаго, которымъ принадлежитъ безчисленное множество мгновеній, слѣдственно одно и то же дѣйствіе въ нихъ можетъ выражаться весьма различно: оно можетъ быть или предшествующимъ или современнымъ другому дѣйствію, близкимъ или отдаленнымъ.

Русскій языкъ въ этомъ случаѣ удалился отъ родственныхъ языковъ; у него есть средства выражать три главныя времени—настоящее, прошедшее и будущее, но онъ не развилъ ихъ для выраженія различныхъ обстоятельствъ дѣйствія. Вмѣсто этого въ немъ развился другой способъ различать дѣйствіе, которое можетъ выказаться въ разныхъ степеняхъ продолжительности. Такое проявленіе дѣйствія мы называемъ дѣйствіемъ *по кратамъ*, а кратныя степени глагола называемъ глагольными видами. Способъ выражать дѣйствіе по кратамъ развитъ только въ языкахъ славянскихъ; въ другихъ европейскихъ языкахъ онъ едва проявляется и не можетъ составить въ грамматикѣ особеннаго отдѣла. Этого отдѣла не доставало и въ первыхъ русскихъ грамматикахъ, которыя составлялись по образцу латинской.

Имѣя въ виду всѣ прежнія изслѣдованія нашихъ филологовъ, представляемъ русскіе глагольные виды въ такомъ изображеніи:

1. Основаніемъ видоваго дѣленія служитъ *кратность* дѣйствія т. е. степень его продолжительности, которая нерѣдко выражается въ повтореніи дѣйствія.

2. Изъ этого основанія вытекаютъ три кратныя степени или три вида: *однократный. неопредѣленный и многократный*. Однократный выражаетъ дѣйствіе ограниченное въ своей продолжительности, опредѣленное временемъ, мѣстомъ, или какимъ обстоятельствомъ. Если я говорю *я двинулъ, я шелъ, я велъ, я заперъ, птица летѣла*, то здѣсь я разумѣю одинъ извѣстный случай, въ которомъ выразилось опредѣленное дѣйствіе или на одномъ пунктѣ или въ одномъ извѣстномъ направленіи, или доведенное до конца.

Къ неопредѣленному виду относятся всѣ глаголы, которые могутъ выражать дѣйствіе неопредѣленное въ своей продолжительности: *двигалъ, ходилъ, водилъ, запиралъ, птица летала.*

Примѣч. Представляя дѣйствіе одного раза, эти глаголы не могутъ смѣшиваться съ *однократными*, потому что постоянно сохраняютъ въ себѣ нѣкоторую неопредѣленность. Такъ какъ всякое дѣйствіе совершается въ пространствѣ и во времени, то и глаголы должны указывать на то и другое. Однократные представляютъ намъ опредѣленное пространство, дѣйствіе въ одномъ извѣстномъ направленіи, тогда какъ неопредѣлен., представляя дѣйствіе одного раза, указываютъ на неопредѣленность пространства или же неоконченность во времени. Такъ напр. выраженіемъ *я водилъ*, я могу иногда представить дѣйствіе одного раза, но тогда я представляю, что дѣйствіе совершалось не по одному извѣстному направленію (какъ *я велъ*), а измѣняло его.

Глаголы, выражающіе духовную дѣятельность, всѣ относятся къ виду неопредѣленному: *мыслить, думать, грустить*. Сюда же безъ исключенія относятся всѣ глаголы, выражающіе переходное состояніе, какъ изъ породы *ѣ*, такъ и изъ *ну* (отметаем.) *бѣлѣть, старѣть, зябнуть.*

Многократный видъ выражаетъ всегда дѣйствіе, усиленно продолжительное, растянутое, по большей части повторявшееся въ извѣстный періодъ времени: *хаживалъ*, *сиживалъ.*

Изъ коренныхъ или первообразныхъ глаголовъ нѣтъ ни одного, который былъ бы многократнаго вида. Изъ нихъ одни относятся къ однократному, другіе къ неопредѣленному.

Въ народныхъ діалектахъ употребленіе видовыхъ степеней гораздо свободнѣе, чѣмъ въ языкѣ литературномъ:

Поѣзжаетъ Илья, самъ выговариваетъ,
Кладываетъ то заповѣдь великую....
Какъ *приправливалъ* Ильюшенька добра коня,

— —

Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную!

—

И *сажалися* за убраны столы,
Стали пить, ѣсть, потѣшатися.

—

Не *оставливай* горы золотыя,
Не *оставливай* садовъ-виноградовъ,
Не *оставливай* яблонь кудрявыхъ. [1])

[1]) О значеніи форм. русск. глагола Некрасова.

Изъ мѣстныхъ діалектовъ и Крыловъ въ своихъ басняхъ заимствовалъ нѣкоторыя формы:

Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой де откупщикъ и самый тороватый
Не *давывалъ* секретарямъ (Синица).

Мгновенные однократные. § 30. Между однократными отличается своею формою порода глаголовъ, представляющихъ дѣйствіе *мгновенное*, для выраженія котораго мы употребляемъ букву *н* съ гласною *у*: *кольнуть*, *топнуть*, *тряхнуть*. Почти всѣ глаголы, которыми изображается ощутимое явленіе или физическое дѣйствіе, способны принять *ну* для выраженія мгновенности явленій и дѣйствій. Слогъ *ну* приставляется къ чистому корню и сохраняется во всѣхъ формахъ глагола, какъ слогъ отличительный, имѣющій свое опредѣленное значеніе; по этому онъ можетъ назваться *неотметаемымъ*. Приставляя слогъ *ну* къ корню, мы иногда дѣлаемъ нѣкоторыя опущенія, вставки и измѣненія:

1. Передъ *н* очень часто выпускаются коренныя буквы для легкости выговора, особенно гортанныя и язычныя: *тронуть*, (кор. *трог*), *треснуть* (*треск*), *кинуть* (*кид*), *вянуть* (*вяд*), и мн. др.

2. Если въ корнѣ нѣтъ гласной или при одной гласной много согласныхъ, то вставляется гласная; такъ вмѣсто *рвнуть*, *трнуть*, *кашльнуть* (отъ кор. *рв*, *тр*, *кашл*) говорится: *рвануть*, *тирнуть*, *кашленуть*. Въ просторѣчіи слышится: *толконуть*, *щелконуть* вм. *толкнуть*, *щелкнуть*.

3. Коренныя окончанія *ов*, *ев* сокращаются на гласныя *у*, *ю*: *сунуть клюнуть* отъ кор. *сов*, *клев*.

4. Коренное окончаніе *ем*, *сн*, измѣняется на носовую *я*: *грянуть* (к. *грем*.).

Къ этой породѣ глаголовъ не могутъ относиться такіе

глаголы на *нуть*, въ которыхъ буква *н* есть коренная: наприм. *гнуть*. Къ нимъ примыкаютъ и глаголы: *гнуть*, *тянуть*, въ которыхъ *н* потеряло значеніе мгновенности, и уже принимается за коренную, хотя въ корнѣ и нѣтъ ея (*гб*, *тяг*).

Переходъ видовыхъ степеней изъ низшихъ въ высшія § 31. Въ русскихъ глагольныхъ видахъ важное значеніе имѣютъ гласныя *и* и *а*, послѣдняя въ особенности. Онѣ выражаютъ какъ бы расширеніе или усиленіе дѣйствія въ пространствѣ и во времени, и употребляются при переходѣ однократнаго вида въ неопредѣленный, равно какъ и неопредѣленнаго въ многократный. Буква *а* при этомъ сохраняется во всѣхъ формахъ глагола, какъ буква отличительная и этимъ различается отъ простой соединительной гласной. Переходъ коренныхъ глаголовъ на *сти* совершается съ помощію *и;* причемъ возстановляется скрытый въ нихъ коренной согласный звукъ, а гласная коренная *е* расширяется въ *о*: *нести* — *носить*, *везти* — *возить*, *вести* — *водить*, *брести* — *бродить*. Неопредѣленный глаголъ *ходить*, соотвѣтствуя однократ. *идти* (*ити*—ire) образовался изъ другаго корня, именно изъ того, изъ котораго составились причастныя формы глагола *идти* — *шелъ*, *шедшій*; здѣсь *ш* есть смягченное *х* передъ *е*, которое при переходѣ въ неопредѣл. видъ, какъ и во многихъ глаголахъ, обратилось въ *о* — *ходить*.

Если же въ глаголѣ однократ. вида уже есть соединительная гласная *и* или *ѣ*, то при переходѣ въ высшую степень, онѣ измѣняются на *а*, которая иногда смягчается въ *я* особенно послѣ плавныхъ и язычныхъ: *бросить* — *бросать*, *кончить* — *кончать*, *ронить* — *ронять*, *валить* — *валять*, *простить* — *прощать*, (*просчять*), *ѣздить* — *ѣзжать* (*ѣзжять*), *садить* — *сажать* (*сажять*), *видѣть* — *видать*.

Въ глаголахъ мгновенныхъ слогъ *ну*, выражающій мгно-

венность, не можетъ удержаться въ неопредѣл. видѣ и замѣняется видовымъ *а*, при чемъ возстановляется сжатая коренная согласная: *кинуть* — *кидать*, *свиснуть* — *свистать*, *двинуть* — *двигать*. Сходно съ ними глаголъ *пасть* принимаетъ въ неопредѣл. в. форму *падать*.

Глаголы, корень которыхъ оканчивается на гласную, при переходѣ въ высшую степень принимаютъ видовую *а*, которая и отдаляется отъ коренной гласной по общимъ законамъ языка придыхательнымъ звукомъ *в*, а иногда смягчается въ *я*: *быть* — *бы-ва-ть*, *дать* — *да-в-ать* или *да-я-ти*, *знать*—*зна-в-ать*, *плыть*—*плы-в-ать*, *пить*—*пи-в-ать*, *мыть*—*мы-в-ать*, *брить*—*бри-в-ать*, *дѣть*—*дѣвать* или *дѣ-я ть* (одѣяніе), *пѣть*—*пѣ-в-ать*, *грѣть*—*грѣ-в-ать*.

Если въ корнѣ нѣтъ совсѣмъ гласной или только бѣглая *е*, то при переходѣ въ высшій видъ при *л*, *р* и ѧ является *и*, иногда же *ы*: *брать*—*бирать*, *врать*—*вирать*: *драть*—*дирать*, *рвать*—*рывать*, *лгать*—*лыгать*, *мять* (*я* носов.) *минать*, *жать* (*а* изъ *я* носов.) *жинать*, *тереть* (кор. тр.) *тирать*, *мереть* (кор. мр.)—*мирать*, *переть*. (кор. пр.)—*пирать*. (См. § 10 подъемъ *л*, и *р*).

Неопредѣл. глаголы изъ породы *и* удерживаютъ эту гласную и при переходѣ въ многократный видъ, но въ тоже время принимаютъ и видовую *а*, раздѣляя обѣ гласныя придыхательнымъ звукамъ *в*; при чемъ звукъ *о* въ корнѣ слова, какъ бы для однозвучія съ видовымъ *а* измѣняется также въ *а*, принимая на себя и самое удареніе: *доить*—*дàивать*, *поить*—*пàивать*, *ходить*—*хàживать*, *носить*—*нàшивать*, *молотить* — *молàчивать*, *просить*—*прàшивать*. Здѣсь передъ *и* умягчаемые звуки умягчаются, хотя въ первоначальномъ видѣ передъ тѣмъ же *и* они оставались безъ всякаго измѣненія. Но въ рус. яз. замѣтно стремленіе при всякомъ производствѣ смягчать звуки, если только къ тому представится какой либо случай.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ переходъ простаго глагола неопредѣл. вида въ многократный совершается черезъ удво-

еніе *а* съ придыханіемъ *в*, причемъ первое *а* переходитъ въ *ы*, отчего образуется окончаніе *ывать*: *играть—игрывать* (игравать), *писать — писывать*, *таскать — таскивать* (таскывать), *мотать — мáтывать*, *давать — давывать*. Удареніе здѣсь переносится на слогъ, предшествующій оконч. *ывать*.

Предложные глаголы § 32. Предлогъ въ русскомъ глаголѣ имѣетъ весьма важное значеніе. Сливаясь съ простымъ глаголомъ, онъ всегда ограничиваетъ дѣйствіе или выводитъ его изъ общей сферы въ частную, опредѣляетъ ему границы въ пространствѣ или во времени, напр. *писать* выражаетъ дѣйствіе общее, *вписать*, *выписать*, *дописать*, *записать*, *написать*, *исписать*, *надписать*, *описать*, *отписать*, *переписать*, *пописать*, *подписать*, *предписать*, *приписать*, *прописать*, *росписать*, представляютъ уже дѣйствіе опредѣленное, сжатое въ извѣстныхъ границахъ или обусловленное цѣлью или какимъ либо обстоятельствомъ. *Искать*—дѣйствіе общее, неопредѣленное, а *выискать*— дѣйствіе, направленное по разнымъ мѣстамъ и закоулкамъ, чтобы достигнуть извѣстной цѣли. Отсюда предложные глаголы представляютъ намъ дѣйствіе реальное, съ большею *картинностью* и *изобразительностью*; они менѣе отвлеченны, чѣмъ простые глаголы. [1])

Въ каждомъ отдѣльномъ предлогѣ заключается свое опредѣленное значеніе, потому сливаясь съ глаголомъ; онъ вноситъ въ дѣйствіе и это значеніе, которымъ оно и опредѣляется, какъ извѣстнымъ обстоятельствомъ. Такъ какъ нѣкоторые предлоги указываютъ на отношеніе къ поверхности, границѣ или къ послѣднимъ предѣламъ, также къ причинѣ и къ цѣли, то отсюда они получаютъ возможность выражать начальные или конечные моменты дѣйствія. Возьмемъ напр. предлогъ *за*; онъ выражаетъ отношеніе предмета или дѣй-

[1]) О значеніи формъ рус. глаг. Некрасова.

ствія къ извѣстной границѣ: *за лѣсомъ*, *за лѣсъ*, *за меня*, *за мною*, *залетѣть*, *зайти*. Отсюда онъ же получаетъ возможность указывать и на крайній предѣлъ дѣйствія или на совершенный конецъ его, напр. *заносить платье* (т. е. носить больше чѣмъ бы слѣдовало) *зачитать чужую книгу* (читать такъ много или такъ долго, что отъ книги какъ бы ничего не осталось для возвращенія), *замерзнуть*, *засохнуть*, *заглохнуть*, *заплесневѣть*; иногда же этимъ предлогомъ указывается и на начало дѣйствія, такъ какъ исходная точка вмѣстѣ съ цѣлью дѣйствія составляютъ его предѣлы: *забѣлѣть*, *заходить* (начать ходить), *закатать*, (начать катать) *заплакать* (начать плакать). Такимъ образомъ глаголъ съ однимъ и тѣмъ предлогомъ получаетъ нѣсколько значеній, которыя опредѣляются уже въ рѣчи общимъ ея смысломъ: *заносилъ ко мнѣ письмо*, *заносилъ свое платье*, *заносилъ вещи за уголъ*, *взялъ стулъ и заносилъ его*.

Въ народныхъ діалектахъ нерѣдко употребляется предлогъ *воз* для выраженія начала дѣйствія тамъ, гдѣ въ литературномъ языкѣ является *за*: *возговоритъ* т. е. заговоритъ, *вскричалъ*—закричалъ.

Подобное же разнообразное значеніе сообщаетъ глаголу и предлогъ *по*. Онъ указываетъ на отношеніе къ мѣсту и времени—постепенность и послѣдовательность въ движеніе, а съ съ этимъ вмѣстѣ даетъ и представленіе о количествѣ, напр. *ходить по дому* (постепенно по всѣмъ частямъ дома), *ѣхать по дорогѣ* (послѣдовательно въ извѣстномъ направленіи), *ходить по грибы* (сбирать послѣдовательно одинъ за другимъ), *плакать по отцѣ* (послѣдовательно за смертью отца). *деревья посажены по дорогѣ* (послѣдовательно одни за другими); здѣсь уже представляется и количественность, потому что нельзя сказать одно дерево посажено *по дорогѣ*. Сообразно съ этимъ *по* ограничиваетъ дѣйствіе количественно т. е. выражаетъ *немного*: *поиграть* (немного играть), *поскакать* (немного скакать), *покатать*, *побыть*, *пописать*,

поскучать, подвинуть. Иногда же этотъ предлогъ (при многократномъ видѣ) выражаетъ дѣйствіе съ послѣдовательными перерывами *похаживать, посматривать, поигрывать.* Этотъ же предлогъ сокращаетъ дѣйствіе до выраженія одного начала или одного конца; при однократномъ видѣ, онъ представляетъ дѣйствіе въ началѣ: *покатить, поплыть, полетѣть*; при многихъ глаголахъ неопредѣл. вида изъ породы *и* и при всѣхъ изъ породы *ѣ*, выражающихъ переходное состояніе, онъ представляетъ дѣйствіе оконченное: *помирить, похоронить, побѣлѣть, помолодѣть, поумнѣть.*

Такимъ же образомъ и многіе другіе предлоги, сообразно съ своимъ значеніемъ ограничиваютъ дѣйствіе до конца его. Напр. предлогъ *со*, выражая соединеніе (съ твор. пад.) и мѣру (съ винит.), при слитіи съ нѣкоторыми глаголами представляютъ дѣйствіе оконченное, сообразно съ количествомъ матерьяла для дѣйствія или иными словами прямое достиженіе цѣли и окончаніе дѣйствія по причинѣ уничтоженія матерьяла: *сгорѣть, съѣсть, смять, сжечь, согрѣть, схоронить, слазить, сходить, сдѣлать.*

Предлогъ *на*, выражая отношеніе къ поверхности *(наступить на ногу, найти на камень)*, сливаясь съ глаголомъ, указываетъ на окончаніе дѣйствія, если оно отразилось на поверхности чего нибудь: *написать, начертить, нарисовать, нацарапать, намазать.*

Предлогъ *о* сообщаетъ дѣйствію оконченность, если оно прошло все существо предмета, весь его объемъ или окружность: *окоченѣть, озябнуть, окрѣпнуть.*

Предлогъ, всегда ограничивая дѣйствіе извѣстнымъ обстоятельствомъ, получаетъ через это возможность переводить высшій видъ въ низшій. Такъ всѣ глаголы многократнаго вида слившись съ предлогомъ, переходятъ на степень неопредѣленнаго: *хаживать-расхаживать, пѣвать-распѣвать, мывать-промывать.* Изъ этого ясно, что предложныхъ многократныхъ глаголовъ не существуетъ.

Не всѣ и изъ простыхъ глаголовъ употребительны въ

многократ. видѣ; часто они переходятъ на эту степень только для того, чтобы соединиться съ предлогомъ и черезъ него вновь перейти на степень неопред. съ новымъ значеніемъ: *дуть-раздувать* (*дувать* неупотр.) *рыть-отрывать* (*рывать* неупотр.) *здать-созидать* (*зидать* неупотр.) *ждать-ожидать* (*жидать* неупотр.) *клясть-проклинать* (*клинать* неупотр.).

Глаголы по своему роду неопредѣленные (т. е. не произведенные отъ однократныхъ), слившись съ предлогами, переходятъ на степень однократныхъ; *играть-проиграть*, *дѣлать-придѣлать*, *красить-выкрасить*, *живить-оживить*, *колоть-уколоть*. Глаголы неопредѣленные, происшедшіе отъ однократныхъ и съ предлогами удерживаются на своей степени: *водить-разводить*, *носить-приносить*, *уносить*. Но если предлогъ выражаетъ при этомъ оконченность дѣйствія, то глаголъ переходитъ въ однократный видъ: *доносить что либо по службѣ* (неопредѣл.); *доносить платье* (однократный).

Примѣч. Глаголы *вытащить и вытаскать, выломить и выломать, обѣжать и обѣгать* и подоб. вида однократнаго; но нужно видѣть различіе въ ихъ значеніи: происшедшіе отъ простыхъ однократныхъ (вытащить, выломить) выражаютъ окончаніе дѣйствія съ одного пріема; другіе же съ нѣсколькихъ пріемовъ (вытаскать, выломать).

Хотя весьма многіе неопредѣленные глаголы, слившись съ предлогомъ, и переходятъ на степень однократнаго вида; но черезъ это число ихъ уменьшиться не можетъ, потому что они имѣютъ возможность сказанными способами вновь возвратиться на свою степень: *печь-упечь упекать*, *мочь-помочь-помогать*, *вянуть-увянуть-увядать*, *хладѣть-охладѣть-охладѣвать*, *срамить-посрамить-посрамлять*. Здѣсь всѣ звуки, скрытые въ неопредѣленномъ наклоненіи, вновь возстановляются.

Вотъ еще примѣры: *звать-призвать-призывать*, *восвать-завосвать-завосвывать*, *драть-выдрать-выдирать*, *знать-*

узнать-узнавать, красить-окрасить-окрашивать, ловить-выловить-вылавливать; глядѣть-переглядѣть-переглядывать, сидѣть-просидѣть-просиживать, пороть-спороть-спарывать, мереть-умереть-умирать, тереть-оттерѣть-оттирать.

Впрочемъ есть нѣсколько предложныхъ однократныхъ глаголовъ изъ породы *а*, которые могутъ переходить въ неопр. видъ, довольствуясь только перестановкой ударенія на видовую *а: кликать-наклѝкать-накликàть, сыпать-засы̀пать-засыпàть, двигать-раздвѝгать-раздвигàть, бѣгать-обѣгать-обѣгàть.*

Примѣч. Удареніемъ также отличается значеніе глаголовъ съ предлог. *вы:* предлогъ безъ ударенія съ неопредѣленнымъ видомъ глагола представляетъ стремленіе *откуда*: *выходѝть, вылетать*, а съ удареніемъ—пріобрѣтеніе черезъ постоянное дѣйствіе *вы̀плакать, вы̀просить.*

Въ нашемъ литературномъ языкѣ встрѣчается нѣсколько предложныхъ глаголовъ изъ ц. сл. яз., которые при переходѣ въ неопредѣл. видъ, выказываютъ нѣкоторыя особенности: *отмстить-отмщевать, затмить-затмевать*; они какъ глаголы пришлые не подойдутъ подъ наши правила.

Иногда предлогъ, соединяясь съ глаголомъ, заставляетъ его принять окончаніе *ся*, безъ котораго эта предложная форма неупотребительна въ языкѣ: *сѣсть-усѣсться, лечь-разлечься, глядѣть-вглядѣться.*

Иногда глаголъ соединяется съ двумя и съ тремя предлогами заразъ, причемъ конечно дѣйствіе ограничивается уже разными обстоятельствами, слѣдственно должно отличаться и особенною изобразительностью: *попризадуматься, поприутихнуть, обезпечить, опрокинуть, разукрасить* [1]).

Личныя окончанія и спряженіе. § 33. Чтобы объяснить значеніе личныхъ окончаній возьмемъ первообразный

[1]) О знач. формъ рус. глаг. Некрасова.

глаголъ *есмь*; онъ образовался еще въ языкѣ первобытномъ, откуда захватили его всѣ народы, отдѣляясь для своей особенной жизни. Приводя ихъ въ сравненіе, мы вездѣ видимъ одинъ и тотъ же корень *ас*, *ес* [1]), одно и то же окончаніе *ми* (санскр. *асми*, греч. ἐσμί, обратившееся въ εἰμί, латин. esum, обратив. въ sum). Что же выражаетъ то и другое? корень выражаетъ *бытіе*, окончаніе — первое лице: *я*. Это *ми* есть корень нашихъ мѣстоименій: *меня*, *мнѣ*, *мы*, *мой* нѣмец. mir, mich, mein, латин. mei, mihi, meus, греч. μου, μοι, и пр., словъ, которыя указываютъ только на первое лицо. Въ старорус. языкѣ *ми* обратилось въ *мь* по стремленію сокращать окончанія.

Примѣч. 1 Впрочемъ въ старыхъ русскихъ рукописяхъ встрѣчается и окончаніе *ми*, напр. въ рук. 1489 г. «далъ *есми* Юрію на тѣ подводы деньги, а велѣлъ *есми* имъ изъ Ругодива подводы наняти до Колывани (грам. къ новогородскому намѣстнику).

Окончаніе втораго лица вездѣ является *си*: *е-си* (санс. *а-си*, лат. es, греч. дорич. ἐσσι). Въ большей части изъ нихъ *с* коренное выпало передъ оканчаніемъ *с*, что въ славянск. языкѣ объясняется нелюбовью его удваивать звуки. Это окончаніе выражаетъ не что иное, какъ *ты* — 2-ое лицо; оно явственно выказывается въ греческомъ языкѣ, представляя 2-ое лицо личнаго мѣстоименія (συ).

Въ окончаніи 3-го лица вездѣ замѣчается буква *т*: *есть* (санс. *асти*, лат. est, греч. ἐστι). Это *т* есть корень старославянск. мѣстоим. *тъ* и нашихъ *та*, *то* (греч. τὸ, τοῦ); всѣ они употреблялись въ качествѣ указательныхъ и вмѣсто 3-го лица личнаго. Слѣд. глагольное окончаніе *т* есть указаніе на третье лицо.

---

[1]) Глаголъ *быть*, *буду* очевидно происходитъ отъ другаго корня; въ санскрит. языкѣ онъ выразился въ bhû, персид. *буденъ*, нѣм. bin, греч. φύω, лат. fui.

Во множественномъ числѣ употребляются тѣ же буквы. Въ первомъ лицѣ *есмы* (санс. *смас* вм. *асмас*, латин. sumus вм. esumus, греч. ἐσμεν) прямо представляется мѣстоим. лич. 1 лица множ. числа.

Примѣч. 2. Кромѣ *есми* во многихъ старыхъ рукописяхъ встрѣчается есмѧ: «мы съ тобою любви, братства и единства хотимъ, и грамоту *есмѧ* свою утвержденную на то записали, какъ намъ съ тобою быти за одинъ на своихъ недруговъ, и печать *есмѧ* свою къ той грамотѣ приложили и твоему послу Юрью ту *есмѧ* грамоту явили и послали *есмѧ* къ тебѣ ту грамоту съ нашими послы». (Наказъ послу Юрью Греку отъ Іоанна III къ римск. импер. 1490 г.). Въ словѣ *есмя* юсовое *я* одного происхожденія съ *ы* (есмы), которое не рѣдко замѣняло носовой звукъ, выражающій здѣсь множественное число подобно греческому ἐσμεν.

Для выраженія 2-го лица множ. числа: *есте* (санск. *ста* вм. *аста*, лат. estis, греч. ἐστε) употребляется корень отъ славян. *ты* (санскр. твам, лат. и персид. tu).

Въ третьемъ лицѣ слав. *суть* (санск. санти, лат. sunt) утрачена коренная *е*. Здѣсь то же самое *т* употребляется для указанія на 3-іе лицо, а множественное число выражается носовымъ звукомъ *н* (an, un), который въ нашемъ языкѣ обращается въ юсовое *у*; во всѣхъ древнихъ русскихъ рукописяхъ *суть* встрѣчается съ *юсомъ*: *сѫть*.

Примч. Изъ всѣхъ этихъ формъ (*есмь, еси* и пр.) въ современномъ языкѣ употребляется только одна *есть*; она весьма часто слышится и вмѣсто множеств. *суть*; у меня *есть* деньги и книги; выраженіе *у меня есть* вмѣсто *я имѣю* гораздо употребительнѣе въ русскомъ говорѣ.

Разобравъ такимъ образомъ всѣ лица первообразнаго глагола, мы видимъ ихъ ближайшее родство съ личными мѣстоимѣніями; отсюда ясно какъ образовалось спряженіе.

Первообразный знакъ 1 лица един. чис. *м* у насъ выказывается еще въ трехъ глаголахъ: *ѣмъ*, *дамъ*, *создамъ*; присоединимъ сюда и два ц. сл. *вѣмъ* и *имамъ*; но во всѣхъ

ихъ мягкое окончаніе *мь* (ми) отвердѣло, обратившись въ *мъ* (подобно, какъ въ латин. яз. sum'inquam). Въ старославянскомъ языкѣ всѣ эти глаголы (кромѣ 2 л.; ед. ч. *имамь*) и въ прочихъ лицахъ принимали первообразныя окончанія: *си*, *ть*: *даси*, *вѣси*, *вѣсть*.

Такъ какъ въ буквѣ *м* заключается носовой звукъ, то очень естественно, что она не могла удержаться въ нашихъ глаголахъ и по закону нашего языка обратилась въ *у*, которое въ извѣстныхъ случаяхъ смягчается въ *ю* (точно такъ же, какъ въ греч. яз. явилось ω, и въ лат. *о*). Вотъ отъ чего въ нашихъ старыхъ рукописяхъ мы постоянно встрѣчаемъ въ окончаніи 1 л. наст. вр. *юсъ* (ѫ, ѭ). И такъ будемъ знать, что здѣсь *у* и *ю* буквы *юсовыя*. Во второмъ лицѣ первообразное окончаніе *си* смягчилось въ *ши*, въ слѣдствіи постояннаго стремленія нашего языка смягчать извѣстные звуки. Наконецъ *ши* обратилось въ *шь*, точно такъ же, какъ неопредѣл. нак. *ти* въ *ть*.

Въ рукописяхъ XI, XII и XIII ст. мы встрѣчаемъ при всѣхъ глаголахъ въ 3 лицѣ какъ един. такъ и множ. ч. первообразное окончаніе *ть*; въ послѣд. въ литератур. языкѣ оно стало измѣняться въ твердое *тъ*, которое существуетъ у насъ и теперь. Въ 1 лицѣ множ, ч. у насъ во всѣхъ глаголахъ уцѣлѣлъ *м*, но при немъ скрылся гласный звукъ *ы*, уступивъ свое мѣсто въ письмѣ твердому знаку *ъ*. Въ нѣкоторыхъ славян. нарѣчіяхъ здѣсь является вмѣсто нашего *мъ* окончаніе *мо*. Во второмъ лицѣ множ. ч. и нынѣ сохранилось первообразное окончаніе. Въ третьемъ же окончанія *утъ* и *ятъ* произошли изъ ѫтъ и ѧтъ, соотвѣтствующихъ латин. unt, ent, int (видѧтъ — vident). Буква *я*, будучи здѣсь носовою, не можетъ измѣнять предъидущихъ коренныхъ согласныхъ буквъ: *куплю* — *купятъ*, (а не куплятъ) *хочѣтъ хотятъ*.

Въ старинномъ языкѣ было еще двойственное число съ оконч. *вѣ* (1 лиц.), *та* (м. р.) *тѣ* (ж. р. 2 и 3 лица), ко-

торое теперь у насъ забылось: *есвѣ*, *естѣ*, *есто*, *любивѣ*, *любита*, *любитѣ*.

Глаголы спрягаются неоднообразно, здѣсь замѣчается различіе: 1. въ гласной передъ личнымъ окончаніемъ, 2, въ удареніи.

Кромѣ 1 лица един. ч. и 3 множ., всѣ другія лица передъ окончаніемъ имѣютъ гласную *е* или *и*: терп*и*шь, люб*и*тъ, ид*е*мъ, пост*е* (исключ. глаголы первообразнаго спряженія на *мь*). Здѣсь нужно обратить вниманіе на соотвѣтствіе этихъ двухъ гласныхъ съ носовыми 3-го л. мн. ч. *я* — *а* (ѧ), *у* — *ю* (ѫ, ѭ). *И* употребляется въ тѣхъ глаголахъ, которые принимаютъ *я* въ 3-мъ лицѣ мн. ч. хран*и*шь — хран*я*тъ, терп*и*шь — терп*я*тъ, сто*и*мъ — сто*я*тъ. Точно такое же соотвѣтствіе замѣчается между *е* и *у*, *ю*; дѣла*е*шь — дѣла*ю*тъ, умр*е*тъ — умр*у*тъ, зябн*е*мъ — зябн*у*тъ, кол*е*те — кол*ю*тъ. Такимъ образомъ съ перваго же взгляда спряженіе русскихъ глаголовъ распадается на два отдѣла: въ одномъ употребляются гласныя *е* — *у*, *ю*; въ другомъ *и* — *я*, *а*; первый отдѣлъ мы называемъ первымъ спряженіемъ, другой—вторымъ спряженіемъ.

Что касается до удареній, то во многихъ глаголахъ нѣтъ соотвѣтствія въ удареніяхъ между неопредѣл. наклоненіемъ, 1-мъ лицомъ един. чис. и остальными лицами: *плы̀ть* — *плыву̀* — *плывѐшь*, *держа̀ть* — *держу̀* — *дѐржишь*, *иска̀ть*—*ищу̀*—*ѝщутъ*, Здѣсь удареніе переходитъ съ одного слога на другой. Есть впрочемъ и весьма много глаголовъ съ постояннымъ удареніемъ: *говорѝть*—*говорю̀*—*говорѝшь*—*говорѝмъ* — *говоря̀тъ*; *та̀ить* — *та̀итъ* — *та̀ятъ*. Удареніе въ 2 и 3 лицѣ един. ч. и во всѣхъ лицахъ мн. ч. всегда держится на одномъ слогѣ, слѣд. удареніе постоянное, но оно часто отличается отъ того, какое находимъ въ 1 лицѣ един. ч. При этомъ всегда повторяется одно явленіе: удареніе можетъ переходить только съ послѣдняго слога 1 лица на предпослѣдній въ прочихъ лицахъ. *рублю̀*—*ру̀бишь*, *держу̀*—*дѐржишь*, *могу̀* — *мо̀жешь* и проч. Обратной же пе-

ремѣны, т. е. такой, чтобы удареніе съ предпослѣдняго слога въ 1-мъ лицѣ переходило въ слѣдующихъ на послѣдній, никогда не бываетъ.

Примѣч. 1. Всѣ глаголы изъ породы *и* (любить, хранить, бѣлить и проч.) принадлежатъ 2 спряженію.

2. Буква *ѣ*, выражающая происхожденіе средняго залога изъ имени, видовая *а* и слоги *ну*, *ыва*, *ива* постоянно сохраняются и въ лицахъ, какъ буквы и слоги отличительные. Всѣ такіе глаголы принадлежатъ 1 спряженію: *бѣлѣть — бѣлѣютъ*, *пламенѣть — пламенѣютъ*, — *бросать — бросаютъ*, *кольнуть — кольнутъ* и проч. Большая часть другихъ глаголовъ изъ породы *ѣ* теряетъ свою гласную и принадлежитъ 2 спряж: *терпѣть — терпятъ*, *смотрѣть—смотрятъ*; но тутъ еще трудно вывести общія правила. Къ этому же спряженію относятся глаголы, выражающіе звукъ, въ которыхъ буква *а* заступила мѣсто *я* послѣ *ж, ч, ш, щ*: *кричать—кричатъ*, *трещать—трещатъ*, *стучать—стучатъ*, *пищать—пищатъ*.

3. Глаголы, кончащіеся въ корнѣ на *и*, въ личной формѣ сокращаютъ *и* въ *ь*: *бить—бью*, *лить—льешь*, *шить—шьютъ*. Всѣ они перваго спряж. Въ старославянск. яз. *и* оставалось безъ всякаго измѣненія; у насъ только два глагола удержали ее по причинѣ стеченія согласныхъ: *гнить—гнію*, *почить—почіютъ*. Глаголъ *жить* принимаетъ придыхательную *в*: *живу*; глаголъ *брить* измѣняетъ *и* на *ѣ*: *брѣю*.

4. Глаголы, кончащіеся въ корнѣ на *ы*, измѣняютъ *ы* въ *о* и относятся къ 1 спряж. *выть—вою*, *рыть—рою*, *крыть—крою*, *мыть—мою*. Глаголы *слыть* и *плыть* принимаютъ придыхательную *в*, силясь удержать коренной гласный звукъ: *слыву*, *плыву*.

5. Глаголы, имѣющіе передъ окончаніемъ слогъ *ов*, *ев*, измѣняютъ его на гласную *у*, *ю*, при чемъ соединительная *а* исчезаетъ: *ковать—кую*, *сновать—сную*, *воевать—воюю*, *горевать—горюю*, *пировать—пирую*. Здѣсь замѣчается различіе въ удареніи: въ глаголахъ, имѣющихъ слогъ *ов* коренной, удареніе постоянно падаетъ на окончаніе: *кую*, *сую*; въ производныхъ же глаголахъ оно падаетъ на другіе слоги.

Слѣдующіе глаголы не сокращаютъ слога *ов*, *ев*: *уповать—уповаю*, *здороваться—здороваюся*, *затмевать—затмеваю*, *намѣреваться—намѣреваюся*, *сомнѣваться—сомнѣваюся*, *обуревать—обуреваю*, *растлевать—растлеваю*. Въ глаголѣ *здороваться* слогъ *ов* принадлежитъ имени прилагательному и потому не имѣетъ права сокращаться. Прочіе глаголы перешли въ неопредѣл. видъ изъ породы *и* однокр. вида по способу старослав. языка,

употребляя слогъ *ев*, какъ придыхательный передъ видовою *а*, потому слѣдуютъ всѣмъ глаголамъ, удерживающимъ свою видовую примѣту.

6. Согласные, скрытые въ неопредѣл. наклон., всегда обнаруживаются въ личной формѣ *печь—пеку*, *пекутъ*, *стричь—стригу стригутъ*. *цвѣсти—цвѣтутъ*, *ѣсть—ѣдятъ*.

7. Въ слѣдующихъ глаголахъ замѣчается отклоненіе: *лечь—лягу*, *сѣсть—сяду*, *ѣхать—ѣду*, *бѣжать—бѣгу*, *пѣть—пою*. Коренные глаголы *стать* и *дѣть* передъ личными приращеніями становятся въ производную породу *ну*: *стану*, *дѣну*. Въ глаголѣ *дать—дадутъ* замѣчается удвоеніе коренной согласной, точно такъ какъ и въ другихъ языкахъ, напр. въ греч. δω—δίδωμι, въ лат. do—dedi; въ санскр. *да—дадами*. Къ глаголу дать примыкаетъ и гл. *создать — создадутъ*.

8. Звуки *т* и *к* передъ *ю* измѣняются въ *ч*, при чемъ и самое *ю* переходитъ въ *у*; *хохотать — хохочутъ*, *искать—ищу*, *скакать — скачутъ*. Въ нѣкоторыхъ же глаголахъ вмѣсто *ч* является старославянское *щ*: *клеветать—клевещутъ*, *роптать—ропщутъ* и *ропчутъ*. Въ глаголѣ *слать* *с* смягчается въ *ш*: *шлютъ*, *мыслить—мышлю*.

Въ 1 спряженіи *е* связываетъ личныя окончанія съ корнемъ, при чемъ происходятъ обыкновенныя измѣненія *г* въ *ж*, *к* въ *ч*: *читаю-читаешь*, *пеку—печетъ*, *стригу-стрижемъ*, *бью-бьете*, и пр. Во 2 спряж. мѣсто *е* замѣняетъ *и*, не производя никакихъ смягченій: *люблю-любишь*, *кричу-кричитъ*, *лечу-летитъ*, *умерщвлю-умертвишь*.

Примѣч. Глаголовъ, отступившихъ въ спряженіи отъ общихъ законовъ, у насъ весьма не много:

1) брить-бреютъ, 2) бѣжать-бѣгутъ-бѣжишь-бѣжитъ, 3) итти-иду-*шелъ*, 4) клясть-кляну-*клялъ*, 5) *лечь-лягутъ*, 6) пѣть-пою, 7) *сѣсть сяду*, 8) хотѣть-хотятъ-хочу-хочешь-хочетъ-хотимъ-хотите, 9) *ѣхать-ѣду*, 10) *молоть мелю*. Отнесемъ сюда же и глаголы первообразные, *дать-дамъ-дадутъ*, *ѣсть-ѣмъ-ѣдятъ*, *создать-создамъ-создадутъ*.

Выраженіе времени. § 34. Въ личныхъ формахъ глагола у насъ обыкновенно выражается время: настоящее и будущее. Значеніе времени опредѣляется здѣсь не формою а смысломъ всей рѣчи, такъ какъ одна и та же форма часто выражаетъ

и то и другое время, напр. *образую*, *велю*, *казню*, *женю*, *ночую*.

Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не *дрогнетъ* пистолетъ (Лерм.).

Глаголы предложные однократные въ этой формѣ въ отдѣльномъ употребленіи имѣютъ, повидимому, смыслъ будущаго времени, напр. *взойдетъ*, *встрепенется*, *пройдетъ*, *помчится*, *остановится*, *поведетъ*, *наклонится* и мн. др.; но въ связи съ другими словами они могутъ выражать и настоящее время:

Солнце красное *взойдетъ*,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы
Лѣто знойное *пройдетъ*,
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ. (Пушкинъ).

—

То вдругъ *помчится* легче птицы,
То *остановится* — глядитъ,...
То черной бровью *поведетъ*,
То вдругъ *наклонится* немножко. (Лерм.).

—

Или въ народныхъ пѣсняхъ:
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную,
Беретъ погонялку, *пощупаетъ* сумочку, она *не скрянется*,
Двинетъ перстомъ ее — не *ворохнется*,
Хватитъ съ коня рукою — *не подымется*.

—

Махнетъ Илейка ручкой правою,
Поскользнетъ у Илейки ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру землю.

Въ этомъ послѣднемъ примѣрѣ личная форма *махнетъ*, *поскользитъ* имѣетъ значеніе даже прошедшаго времени согласно съ *палъ*. Подобное же видимъ и въ другомъ примѣрѣ:

А и *будетъ* столъ во полустолѣ,
А и *будетъ* пиръ во полупирѣ.

Будетъ имѣетъ смыслъ *былъ*.

Въ повѣствовательной рѣчи эта форма часто употребляется въ смыслѣ прошедшаго времени, какъ въ другихъ языкахъ форма настоящаго времени.

Въ глаголахъ неопредѣленнаго вида будущее время выражается неопредѣленнымъ наклоненіемъ съ глаг. *буду*, *будешь* и пр. или *стану*, *станешь* и пр. Этотъ послѣдній глаголъ указываетъ на начало дѣйствія, и такъ какъ въ будущемъ чаще всего нужно бываетъ указать только на начало, а не на самый процессъ дѣйствія, то въ однократныхъ глаголахъ, для выраженія будущаго, мы охотнѣе употребляемъ такіе предложные глаголы, которые указываютъ на начало, какъ напр. *покачу*, *поплыву*, *пойду*, вм. *буду катить*, *буду плыть*, *буду идти*.

Кромѣ тѣхъ личныхъ формъ глагола, о которыхъ мы уже говорили, въ русскомъ языкѣ есть еще одна форма, въ которой могутъ выражаться всѣ лица, почему и слѣдуетъ ее назвать *неопредѣленною* или *общею личною формою*; отличительный ея звукъ есть *и*, соединенный съ корнемъ глагола; но по стремленію русскаго языка сокращать конечную гласную *и*, она и здѣсь, не будучи подъ удареніемъ, переходитъ въ *ь* послѣ согласной, если только позволяетъ выговоръ, и въ *й* послѣ гласной: *колоть — коли*, *жалѣть — жалѣй*, *бросить — брось*, *сохнуть — сохни*. Въ послѣднемъ примѣрѣ *и* безъ ударенія не измѣнилось на *ь*, потому что *ь* послѣ двухъ согласныхъ сдѣлало бы труднымъ выговоръ. Эта общая личная форма имѣетъ отношеніе къ волѣ говорящаго и потому выражаетъ или его желаніе, или усло-

віе, или повелѣніе: *сдѣлай это я, сдѣлай мы, приди нь, сохрани Богъ, дай Богъ.*

Постой же, думаетъ мужикъ: дадутъ мнѣ вдвое.

—

Не такъ, какъ здѣсь, *ходи* съ оглядкой днемъ,
И не *засни* спокойно на ночлегѣ (Крыл.).

—

Случись тутъ мухѣ быть.

—

Отколѣ *ни возьмись* навстрѣчу моська имъ [1]).

Такъ какъ повелѣніе по большей части относится ко 2 лицу, то очень понятно, что и общая личная форма всего чаще у насъ выражаетъ 2-е лицо: *ходи* (ты), *сядь* (ты), *возьми* (ты). Къ ней же прибавляется и окончаніе 2-го лица множ. ч. *те*, для выраженія отношенія ко многимъ или для условной учтивости: *подите, бросьте, дѣлайте.*

Когда же, выражая повелѣніе, мы хотимъ непремѣнно ясно опредѣлить прочія лица, тогда употребляемъ опредѣленныя личныя формы: *пойдемъ*, пусть *пойдетъ*, пусть *пойдутъ*. Иногда же къ 1 лиц. мн. ч. *мъ* прикладываемъ знакъ 2 лиц. мн. ч. *те: пойдемте, посмотримте, ляжемте.*

Въ старославянскомъ языкѣ для выраженія повелѣнія и желанія соединялся съ знаками лицъ во множеств. и двойствен. числѣ знакъ *и* или *ѣ*: не *бываимъ, имѣимъ, вѣруимъ, глаголѣте, идѣте, возьмѣте.*

Неправильно составились у насъ *лягъ* отъ *лечь* и *ѣшь* отъ *ѣсть*. Эту послѣднюю нельзя здѣсь принимать за опредѣленную личную форму 2 лиц. ед. чис. *ты ѣшь*. Сходство ихъ случайное. Здѣсь *ш* перешло изъ *ж*; слѣдовало бы писать *ѣжь*, гдѣ *ж* есть не что иное, какъ смягченное коренное *д*—(*ѣд*ятъ); въ ц. слав. яз. *яждь*.

---

[1]) Сочинен. Некрасова о глаголѣ.

Прилагательныя или причастныя формы глагола.

§ 35. Глаголъ можетъ переходить въ прилагательныя, сохраняя свои свойства и теряя ихъ т. е. обращаясь въ выраженіе качества, напр. *видѣть* переходитъ въ *видимый*, *видимый*, *видный*; *колоть* — *колющій*, *колючій*, *колотый*. Какъ прилагательныя, причастныя формы въ современномъ языкѣ бываютъ краткія (или первообразныя): *я* (*а* послѣ ж, ч. ш, щ), *чи*, *въ* (вши), *лъ*, *мъ*, *нъ*, *тъ* и *полныя* (или производныя) *щій*, *чій*, *шій*, *лый*, *мый*, *ный*, *тый* (*той*). Оконч. *я* (*а*), *чи въ* (вши) могутъ назваться *неродовыми*, такъ какъ они не выражаютъ рода; но въ ц. славян. яз. оконч. *я* (происшедшее изъ ѧ) и *въ* принадлежали только мужеск. роду и могли склоняться какъ прилагательныя:

м. р.	дѣлаѧ	ж. р.	дѣлающи
р. п.	дѣлающа		дѣлающія
мн. ч.	дѣлающе		дѣлающи и пр.
м. р.	дѣлавъ		дѣлавши
р. п.	дѣлавша		дѣлавшія
мн. ч.	дѣлавше		дѣлавши и пр.

У насъ же эти причастныя формы потеряли способность склоняться и выражать числа; поэтому онѣ стали уже опредѣлять не имя, а дѣйствіе и слѣдственно получили значеніе обстоятельственное. Такія формы въ нашихъ грамматикахъ стали называть *дѣепричастіями*, приравнивая ихъ къ нарѣчіямъ. Форма *учи*, *ючи* есть чисто-русская народная: *будучи*, *дѣлаючи*, отъ которой произошли отглагольныя прилагат. на *чій*: *колючій*, *трескучій*. Значеніе *я* и *учи* (ючи) совершенно одинакое; они выражаютъ неопредѣленность продолжительности дѣйствія; тогда какъ напротивъ *въ* означаетъ ея опредѣленность. Поэтому первымъ окончаніемъ чаще всего приходится обозначать настоящее время, такъ какъ въ его продолжительности всего болѣе неопредѣленности, а вторымъ т. е. *въ*—прошедшее, въ которомъ уже вполнѣ опредѣлилось дѣйствіе концомъ его. Поэтому и глаголы, продолжи-

тельность которыхъ уже опредѣлилась или однократнымъ видомъ или предлогомъ (см. § 32) могутъ одновременно принимать и ту и другую форму: *увидя*, *увидѣвъ*, *придя*, *пришедъ*, *бросся*, *бросивъ*. У Ломоносова:

Земныхъ *оставя* низость мѣстъ.
Злыхъ совѣты *раззоря* (ода II).

У Фонвизина: *завязя* жену домой, ѣздилъ я въ университетъ. Фейерверкъ *будучи повторенъ*, кончилъ свое торжество свѣтлой недѣли. У Карамзина: почтенный старецъ сидѣлъ, *приставя* къ уху мѣдную трубку... Гулялъ, *будучи углубленъ* въ пріятную задумчивость. У Крылова: волкъ *ѣвши* никогда костей не разбираетъ. Да чѣмъ же ты Жужу въ случай попалъ, безсиленъ *бывши* такъ и малъ. У Дмитріева: И прибылъ наконецъ калѣкою домой, *таща* свое крыло и волочивши ноги. У Жуковскаго: *будучи призванъ* на престолъ отцовскій. У Пушкина: *будучи отрѣзанъ* отвсюду. Въ народныхъ пѣсняхъ: къ чему ты рано садъ разцвѣтаешь, *разцвѣтавши* садъ засыхаешь. Не хвались-ко ты въ городъ *ѣхавши*, а похвастай-ка *выѣхавши* (Грам. Буслаева).

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ не имѣется въ виду указаніе времени, а только опредѣленная продолжительность дѣйствія. Оконч. *я* присоединяется прямо къ корню глагола во 2 спряженіи: любить — *любя*, *терпѣть* — *терпя*, *смотрѣть* — *смотря*; въ 1-мъ же спряженіи къ гласной, соединяющей корень съ оконч. *ть*: *дѣлать* — *дѣлая*, *имѣть* — *имѣя*. Тамъ же, гдѣ нѣтъ гласной, *я* соединяется прямо съ корнемъ: *нести*—*неся*, *цвѣсти*—*цвѣтя*. Нѣкоторые глаголы неохотно переходятъ въ эту форму, какъ напр. колоть, мять, жать, мочь, сѣчь, течь и другіе, большею частію первообразные.

Окончаніе *въ* присоединяется также къ гласной, соединяющей корень съ окончаніемъ основной формы, если она не *е*: *сдѣлать*—*сдѣлавъ*, *бросить*—*бросивъ*; если же въ основной формѣ гласная *е* или совсѣмъ нѣтъ гласной, то къ корню присоединяется вмѣсто *въ* одно *ъ*, а иногда окончаніе *ши*:

нести—несши, *умереть—умерши*, *шедъ—шедши*, *мочь—могши*.

Впрочемъ коренные звуки *д* и *т* не постоянны, иногда они остаются, иногда выпадаютъ, уступая свое мѣсто *в*: *сѣсть—сѣвши*, *ѣсть—ѣвши*, *весть—ведши*, *цвѣсти—цвѣтши*, *плести—плетши*.

Это послѣднее окончаніе *ши*, употребляется и при *въ*: *сдѣлавши*, *ѣхавши*. Въ глаголахъ съ признакомъ *ну*, выражающимъ переходное состояніе, обыкновенно отбрасывается этотъ признакъ, чѣмъ эти глаголы отличаются отъ мгновенныхъ: *дрябнуть—дрябши*, *мокнуть—мокши*, *мерзнуть—мерзши*, *увянуть—увядши*.

Въ современной рѣчи обыкновенно наблюдаютъ, чтобы дѣепричастіе имѣло тоже самое подлежащее, какое въ главномъ предложеніи; но въ старину было его и другое употребленіе: «бояре и боярыни царя и царицу поздравляютъ, *обручася*; потомъ протопопъ и свадебный чинъ царя и царицу поздравляютъ, *вѣнчався*.» (Кошихинъ). Такое *независимое* дѣепричастіе слышится и въ народномъ языкѣ: *неучась*, въ попы не ставятъ; бобы не грибы: не посѣявъ, не взойдутъ; *осѣдлавши онъ*, Екимъ, добрыхъ коней, наряжаются *они* ѣхать ко городу ко Кіеву». Подобное употребленіе попадается иногда и у новѣйшихъ писателей: у Крылова: *увидя* то, на мысли волку вспало; *видя* мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется, *пророчество почти* всегда мнѣ удается. У Пушкина: велѣно было идти въ Оренбургъ, *зарывая* и *потопляя* тяжести; имѣя право выбирать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ.

Въ ц. славян. языкѣ изъ краткихъ формъ при помощи мѣстоименнаго оконч. *и* образовались полныя формы *яй*, *ый*, *вый*: *піяй*, *ядый*, *сый*, *сотворивый*; у насъ же для полныхъ формъ являются окончанія *ущій*, *ющій*, *ящій*, *ащій*, *вшій*, *шій*.. Въ старыхъ рукописяхъ вмѣсто *у* и *я* находимъ *юсы* ѫ, ѧ, слѣд. въ окончаніяхъ *ящ*, *ущ* былъ слышенъ носовой звукъ. Отсюда видно, что признакъ нашего

причастія одинаковъ съ признаками причастія настоящаго другихъ родственныхъ языковъ; нѣм. end, лат. ans, ens, (ants, ents), греч. ων (ωντ). Коренной звукъ *т* въ славян. яз. измѣнился въ *щ* по вліянію слѣдующаго гласнаго придыхательнаго звука. Въ народномъ говорѣ рѣдко слышится эта отглагольная форма; она есть принадлежность нашего литературнаго языка и зашла сюда изъ языка ц. слав. Ломоносовъ, составляя свою грамматику, также отнесъ эту форму причастія къ ц. слав. языку. Звукъ *щ*, такъ часто употребляемый въ этомъ послѣднемъ, очень неохотно является въ русскомъ языкѣ, который вмѣсто него любитъ звукъ *ч*, что мы уже видѣли прежде изъ многихъ примѣровъ. Такимъ образомъ вмѣсто окончанія *щій* рус. языку свойственнѣе *чій* и надо полагать, что въ древнемъ языкѣ это окончаніе въ самомъ дѣлѣ принадлежало причастной формѣ, но что потомъ, утративъ обыкновенное причастное выраженіе, оно стало принадлежать простымъ отглагольнымъ прилагательнымъ, такъ ц. слав. причастію *ходящій*, соотвѣтствовало наше *ходячій*, *горящій—горячій* и *горючій*, *могущій—могучій*, *жгущій—жгучій*, *стоящій — стоячій*, *сидящій — сидячій*. Это же подтверждается и нашими краткими причастными оконч. *учи* и *ючи*. Окончанія *учій*, *ючій*, *ячій* прибавляются прямо къ корню глагола: *летучій, сыпучій*, *носячій*, *тягучій*, *пловучій*, *трескучій*, *толкучій*. Всѣ эти слова, уже какъ прилагательныя, приняли выраженіе качества, какъ свойства предмета, точно также какъ и нѣкоторыя слова на *щій*: *свѣдущій, всемогущій*.

Если въ народныхъ пѣсняхъ и попадаются формы на *щій*, то онѣ зашли сюда изъ ц. слав, языка.

— Соловей птица *свистущая*

—

— Увидѣлъ матушку *сидящую*,
Подъ окошечкомъ слезно плачучись.

—

— Что корова *заблудящая*,
Что ворона *залетящая*.

Оконч. *ущій, ющій* принадлежатъ 1 спряж, а *ящій, ащій*— второму: *вести—ведутъ—ведущій, дѣлать—дѣлаютъ—дѣлающій, летѣть—летятъ—летящій, кричать—кричатъ—кричащій.*

Различіе въ значеніи формъ *щій* и *вшій* (*шій*) такое же, какое мы видѣли и въ краткихъ формахъ. Первая означаетъ неопредѣленную продолжительность, но съ отношеніемъ къ лицу и его роду, (краткая съ отношеніемъ къ обстоятельству главнаго дѣйствія), вторая же продолжительность опредѣленную съ такимъ же отношеніемъ къ лицу. Отсюда въ первой формѣ лучше всего выражается настоящее время, а во второй прошедшее. Впрочемъ форма на *щій* способна выражать и будущее время, что видно въ самомъ словѣ *будущій* или изъ слѣдующихъ примѣровъ: у Жуков.: братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбѣжно *падущихъ*;—руки *загребущи*, кости *распадущи*. Эту же форму употребляютъ и для выраженія прошедшаго времени, современнаго другому дѣйствію: у Пушкина: презирая опасности, ему *угрожающія*, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію; у Дмитріева: увидя старика, *входящаго* съ сумою, собака лаять начала.

Одинакое значеніе съ короткою причастною формою на *въ* имѣетъ и другая на *лъ*; разница въ томъ, что первая не выражаетъ рода, вторая же способна выражать родъ: *лъ, ла, ло* и потому можетъ назваться *родовою*; она также можетъ выражать окончаніемъ *ли* множест. число всѣхъ родовъ, но подобно первой не имѣетъ нужды въ падежахъ. Образуется она точно такъ же, какъ и первая; въ ней также послѣ согласныхъ въ мужескомъ родѣ ед. чис. *л* пропадаетъ: *скребъ* (скреблъ) *несъ* (неслъ), *могъ* (моглъ), *влекъ* (влеклъ); впрочемъ, иногда выпадаютъ и язычные *д, т*, вм. *л*: *велъ* (ведлъ), *плелъ* (плетлъ), и тогда уже вновь не появляются въ женскомъ и сред, род. и во множ. ч, какъ *л*. Въ современномъ языкѣ нѣкоторые глаголы съ признакомъ *ну*, выражающимъ переходное состояніе, стали удерживать свой признакъ, подражая разряду мгновенныхъ глаголовъ:

утонуть—утонулъ (*утонувшій* и *утопшій*), *сгинуть—сгибъ* и *сгинулъ*, *окрѣпнуть—окрѣпнулъ* и *окрѣпъ*. Глаголъ *рости* выбрасываетъ и коренное *т* и оконч, *л*, *в*.: *росъ—росшій*.

Въ старинномъ языкѣ употреблялись всѣ краткія причастныя формы съ вспомогательнымъ глаголомъ *быть* для составленія описательныхъ формъ спряженія. У Нестора: *бѣша* бо Угри *ходяще*, аки Половци. И пріѣха на мѣсто, идѣже *бяху лежаше* кости его. Въ друг. лѣтописяхъ: Ростиславъ *сошелъ есть* на Литву. Татарове *вышли суть* изъ земли Угорьской. Въ Слов. о пол. Иг.: а *быхъ не слала* къ нему слезъ на море рано. Кромѣ этихъ описательныхъ формъ, для выраженія прошедшаго времени, существовала древнѣйшая простая форма; она характеризовалась буквою *х*, которая въ нѣкоторыхъ лицахъ измѣнялась въ *с* и *ш* или совсѣмъ отбрасывалась (хранихъ, храни, хранихова, хранистa, хранихомъ, хранисте храниша). Изъ всѣхъ этихъ формъ съ XIV стол. форма на *лъ* стала брать явный перевѣсъ надъ прочими и наконецъ совершенно ихъ вытѣснила. Глаголъ есмь стали выпускать какъ обыкновенно дѣлается въ нашемъ языкѣ и такимъ образомъ причастною формою стали выражать прошедшее время для всѣхъ лицъ: *я*, *ты*, *онъ видѣлъ*, *мы*, *вы*, *они видѣли*. Изъ другой формы (для выраженія условія или желанія) вспомогательный глаголъ *быхъ* (видѣлъ *быхъ*, видѣли *быша*) у насъ обратился въ *бы* для всѣхъ лицъ одинако: *я*, *ты*, *онъ видѣлъ бы*, *мы*, *вы*, *они видѣли бы*.

Въ новѣйшее время стали въ языкѣ составляться другія описательныя формы для выраженія разныхъ оттѣнковъ прошедшаго времени съ причастной формой вспомогательнаго глагола и притомъ въ среднемъ родѣ, которымъ у насъ выражается нѣкоторая самостоятельность дѣйствія: *ходилъ было*, *всталъ было*, *ходилъ бывало*, *вставалъ бывало*, *хожу бывало*, *хаживалъ бывало*, *встаю бывало*, *встану бывало*.

Самостоятельность дѣйствія, какъ бы не зависимо отъ ли-

ца, у насъ можетъ выражать каждый глаголъ въ формѣ средняго рода *ло*, чаще соединяясь при этомъ съ *сь* (*ся*): *его стошнило*, *чтобъ тебя розорвало*, *мнѣ хотѣлось*, *не ѣлось*, *не пилось*; *жилось—заломилось*, худобою въ міръ *пустилось*.

Примѣч. Въ областномъ говорѣ мы слышимъ описательную форму, не принятую въ нашемъ литературномъ языкѣ, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ plusquamperfectum другихъ языковъ: она составляется изъ причастной формы на *вши* съ глаголомъ *былъ*: *былъ вставши*, *былъ пришедши*. Впрочемъ употребляется и безъ *былъ* для выраженія настоящаго времени: *онъ вставши*, *она пришедши*. Подобное же встрѣчаемъ и въ старыхъ рукописяхъ: вѣдяше яко жьню, удуже не *сѣявъ*, и сбираю, удуже *не расточивъ* (изъ рук. XIII ст.).

Изъ краткой формы *лъ* произошла полная *лый*, которая перешла въ разрядъ прилагательныхъ, выражая постоянное свойство предмета: *служилый*, *смѣлый*, *лежалый*, *сидѣлый*, *прѣлый*, *бывалый*.

Причастныя формы на *мъ—мый*, *нъ—ный*, *тъ—тый* имѣютъ значеніе *самостоятельнаго качества*, въ которое перешло дѣйствіе: *знаемый*, *читаемый*, *любимый*, *родимый*, *бываемый*, выражаютъ такія качества, которыя явились въ предметѣ вслѣдствіе дѣйствія и остались въ немъ постоянными. Съ этимъ вмѣстѣ соединяется и значеніе *возможности*, напр. *съѣдомое*-то, что можно ѣсть, *видимый*—тотъ, кого можно видѣть, *уязвимый*,—кого можно уязвить, *поправимый*—что можно поправить *терпимый*, что можно терпѣть. Смыслъ рѣчи часто придаетъ этой формѣ значеніе страдательнаго залога настоящаго времени; но самая форма не имѣетъ исключительно этого значенія, такъ какъ въ нее могутъ переходить и средніе глаголы: *бываемый*, *входимый*, *неизсякаемый*, тьма *несвѣтимая*; она же можетъ выражать и будущее время: *сокрушимый*, *удержимый*, *уловимый*, *сгораемый*. Оконч. *емый*, *омый* принадлежатъ 1 спряженію; *имый* второму. Исключается: *ѣсть—ѣдомый*.

Формы *ный*, *тый* заимствовали свои суффиксы *н*, *т* изъ

мѣстоимѣній 3 лица (онъ, тъ), указывающихъ на предметъ отдаленный отъ говорящаго лица; слѣд. съ ними связывается представленіе объ отдаленности, отвлеченности. Отсюда имъ приписывается значеніе прошедшаго времени, такъ какъ въ немъ конченное дѣйствіе уже перешло въ качество, или иначе качество отвлечено отъ дѣйствія. Страдательное значеніе этихъ формъ зависитъ также отъ смысла рѣчи, напр. *почтенный* человѣкъ, *битая посуда*, *воспитанное* дитя не имѣютъ значенія страдательнаго; а человѣкъ *почтенный всѣми* за свои заслуги, посуда, *битая въ теченіе года*, дитя *воспитанное въ хорошемъ домѣ*, принимаютъ смыслъ страдательный. Глаголы, имѣющіе смыслъ средняго залога, также могутъ принимать эти формы: *сиженый*, *хоженый*, *ѣзженый*, *плытый*, *житый*.

Въ старинномъ языкѣ глаголы свободнѣе принимали обѣ формы *ный* и *тый: зватый* и *званый*, *знатый—узнанный*, *одѣнъ—одѣтъ*, *обогрѣны—обогрѣты*. Разница между ними въ томъ, что *ный* выражаетъ болѣе отвлеченности, тогда какъ *тый* нагляднѣе представляетъ качество: *омытый*—омовенный, *открытый*, *откровенный*, *убитый—убіенный*. Въ современномъ языкѣ форма *тый* употребляется: 1, въ простыхъ (коренныхъ) глаголахъ съ гласнымъ окончаніемъ корня, (исключая *а* съ которой соединяется форма ный): *дуть—дутый*, *мыть — мытый*, *брить — бритый*, *грѣть—грѣтый*; изъ глагола *жать—жатый*, а не *жаный*, потому что здѣсь *а* произошло изъ юсоваго *я* послѣ *ж*. 2. Въ глаголахъ съ соединительн. гласной *о*, *е* послѣ *л*, *р*, причемъ *е* выпадаетъ, а *о* остается: *тереть—тертый*, *колоть—колотый*, *молоть—молотый*, 3. Въ глаголахъ съ примѣтою *ну*: *двинуть—двинутый*, *гнуть — гнутый*. Въ прочихъ случаяхъ употребляется суффиксъ *н*, который въ современномъ языкѣ часто удваивается; въ глаголахъ на *ать н* прямо присоединяется къ *а*: *дать—данный*, *узнать—узнанный*; въ глаголахъ на *ить*, *сти*, *чь* онъ присоединяется къ корню съ помощію *е*, которое имѣетъ вліяніе на

измѣненіе предъидущихъ гортанныхъ *г*, *к*, а иногда и язычныхъ *д*, *т*: *варить — вареный*, *родить — роженый* (ц. сл. рожденный), *ѣздить*,—*ѣзженный*, *мостить — мощеный*, *вразумить—вразумленный* (*л*. посл. губн. *м*) *вести—веденный*, жечь—(жг.) *жженный*, *сѣчь—сѣченный* *толочь—толченный*. Въ глаголахъ съ гласною *ѣ*, одни удерживаютъ ее въ письмѣ, другіе замѣняютъ буквою *е*: *видѣть — видѣнный*, *обидѣть—обиженный*, *высидѣть—высиженный*.

Примѣч. «Общее правило то, что эта форма причастія образуется исключительно отъ темы неопред. накл. и непремѣнно при помощи соединительной гласной т. е. *е*. Все различіе, впрочемъ кажущееся, заключается лишь въ томъ, что при темахъ на согласный звукъ *е* остается чистымъ, какъ несенъ, *веденъ* и т. д.; при темахъ на гласные звуки, кромѣ *и*, совершается обычная ассимиляція (уподобленіе звука) и поглощеніе одного изъ одинаковыхъ звуковъ: *читати—читаенъ—читаанъ—читанъ*, *умѣти—умѣенъ—умѣѣнъ—умѣнъ* (недоумѣніе); что же касается до тематическаго звука *и*, то извѣстно свойство его превращаться передъ гласнымъ въ j (ь): отсюда: *род-ити* съ соединительнымъ *е* должно образовать форму *родиенъ—родјенъ—рожденъ*. Вотъ почему и всѣ глаголы съ темою на *и* въ причастіи на *нъ* неизбѣжно требуютъ смягченія всѣхъ смягчаемыхъ согласныхъ». («Лавровскаго» Объ истор. грам. Буслаева Записки имп. акад. н. т. VIII кн. I 1865).

Если оконч. *ный* прямо присоединяется къ корню глагола, а не къ глагольной темѣ, какъ въ предъидущихъ примѣрахъ, то и самая форма будетъ заключать въ себѣ меньше глагольнаго значенія и переходитъ въ разрядъ прилагательныхъ именъ напр. *вид-ный*, *слыш-ный*, *род-ной*, *год-ный*, *вред-ный*.

Примѣч. Въ народныхъ пѣсняхъ всѣ причастныя формы, переходя въ прилагательныя и слѣд. выражая одно качество, смѣшиваются между собою и употребляются одна вмѣсто другой: молва *неутѣшная* (*неутихающая*), вдова *неутѣшная* (которую нельзя утѣшить), милостыня *спасеная* (спасающая), мать *порожденная* (родившая), конь *неѣзжалый* (неѣзженный), *ѣзжалыи* добрый молодецъ (ѣздившій); огонь, *теплимый* (теплящійся).

Переходъ въ существительное имя. § 35. Посредствомъ причастій на *ный* русскіе глаголы переходятъ въ имена существительныя для выраженія отвлеченнаго дѣйствія. Конечно, здѣсь теряется представленіе времени и залога, какъ несовмѣстное съ именемъ. Переходъ происходитъ замѣною окончанія *ъ* или *ый* окончаніемъ *іе* и сокращ. *ье*: *ученый—ученіе*, *толченый—толченіе*, *мытый—мытье*, *шитый—шитье* и пр. Глаголы, которые по извѣстному закону должны дать отъ себя причастіе съ примѣтою *т*, даютъ и имена съ окончан. *тіе*. Глаголы средніе не всегда могутъ имѣть форму на *нъ* но при переходѣ ихъ въ существит. они вполнѣ подражаютъ дѣйств. залогу: отъ глаг. *быть*, *жить* существ. *бытіе*, *житье*; отъ глаг. *лежать*, *стараться*, существ. *лежаніе*, *стараніе*.

У насъ есть много существительныхъ, происшедшихъ не отъ русскихъ, а отъ ц. слав. причастій. Въ ц. сл. яз. примѣта *т* для причастія не сохранилась; вмѣсто нея постоянно употребляется *н*: *біенъ* (битый), *віенъ* (витый). При производствѣ конечная коренная гласная *ы* перемѣнялась на *в*, *ов*: *омыти—омовенъ* (омытъ), *открыти—откровенъ* (открытъ), *забыти—забвенъ* (забытъ). Въ глаголахъ изъ породы *ну* (мгновен.) буква *у* также измѣнялась на *ов*: *вдохнути—вдохновенъ*, *обыкнути—обыкновенъ*, *помянути—помяновенъ*, *мгнути—мгновенъ*. Въ глаголахъ изъ другой породы *ну* слогъ *ну* отбрасывался: *уснути—успенъ*, *согнути—согбенъ*, *отторгнути—отторженъ*, *отвергнути—отверженъ*. Такимъ образомъ существит. *убіеніе*, *омовеніе*, *откровеніе*, *забвеніе*, *отчиновеніе*, *мгновеніе*, *вдохновеніе*, *обыкновеніе*, *помяновеніе*, *успеніе*, *отторженіе*, *отверженіе* и проч. т. п. перешли въ нашъ языкъ изъ ц. слав.

Прилагательныя въ смыслѣ глагола. § 36. Какъ глаголы переходятъ въ прилагательныя, такъ эти послѣднія въ свою очередь способны принимать смыслъ глагола, особенно когда нужно выразить самостоятельность дѣйствія безъ пря-

маго отношенія къ дѣйствующему лицу; тогда краткая форма прилагат., принимая средній родъ, заступаетъ мѣсто глагола: *полно. можно, надобно, прилично, замѣтно, довольно, видно, слышно.* Послѣднія два слова даже соединяются подобно глаголу съ винительн. падеж., а при отрицаніи съ родител. *видно лѣсъ, не видно лѣса; слышно музыку, не слышно музыки.*

Народныя пѣсни въ особенности любятъ такое самостоятельное выраженіе дѣйствія, посредствомъ прилагательной формы въ среднемъ родѣ:

У дороднаго добра молодца
Много *было* на службѣ *послужено*;
На печи было *полежано*,
Съ кнутомъ за свиньями *похожено*,
Много цвѣтнаго платья *поношено*;
По подоконью онучей было *попрошено*;
И сахарнаго куска *поѣдено*;
У ребятъ корокъ *поотъимано*;
На добрыхъ коняхъ *поѣзжено*.

Подобная же самостоятельность дѣйствія выказывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: никого *не было* дома, вамъ *приказано*.

Примѣч. Самостоятельность дѣйствія представляется и въ личныхъ формахъ глагола: *говорятъ*, *убудетъ васъ*, *кому будетъ тѣми хоромами владѣти* (Древ. рус. стих.), мнѣ *снится* или *снилось*; гдѣ *куснетъ* тамъ и *зудитъ*; *тише ѣдешь*, *дальше будешь*; *куда ни посмотришь*, *все море*; или въ безличной формѣ: сколько ни *вертѣться*, не куда *дѣться*, знать по всему, что не *быть* талану и др.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

Опредѣленіе и раздѣленіе. § 37. Въ природѣ существуютъ предметы; въ нашемъ умственномъ мірѣ—представленія предметовъ; изъ представленій мы составляемъ понятія: выраженныя въ словѣ представленія и понятія называются именами существительными. Чтобы не потеряться въ безчисленномъ множествѣ предметовъ, которые на каждомъ шагу встрѣчаетъ нашъ глазъ, умъ нашъ ищетъ въ нихъ сходства, подводитъ ихъ подъ общіе классы, которые мы называемъ *понятіями видовыми* и *родовыми*; кромѣ того, для отличія каждаго изъ представленій, опредѣляетъ его какою нибудь особенностію. Въ языкѣ понятія видовыя и родовыя составляютъ существительныя *общія* или *нарицательныя*: недѣлимыя, отличенныя чѣмъ нибудь, — существительныя *частныя* или *собственныя*. Недѣлимыя одного вида могутъ составить изъ себя одно цѣлое; выраженное въ одномъ словѣ, оно представитъ существительное *собирательное*. Кромѣ того нашъ умъ создаетъ множество понятій, которыя не имѣютъ ни вида, ни рода, потому что не вытекаютъ изъ представленій внѣшняго міра (надежда, любовь), они принадлежатъ исключительно нашему внутреннему міру, невидимому, и выражаясь въ словѣ, называются существительными *умственными* или *отвлеченными*.

Родъ именъ существительныхъ. § 38. Въ природѣ большая часть одушевленныхъ предметовъ принадлежитъ одному изъ двухъ родовъ—мужескому или женскому, глядя по

своему назначенію. Это родъ естественный; отъ него должно отличать родъ грамматическій: въ русскомъ языкѣ каждый предметъ, хотя бы и неодушевленный, непремѣнно долженъ принадлежать которому нибудь изъ трехъ родовъ—мужескому, женскому, или среднему. Нѣкоторые языки въ историческомъ развитіи не сохранили родовъ; въ языкахъ же коренныхъ родъ составляетъ необходимую принадлежность имени. Какимъ же образомъ распредѣляется грамматически родъ между предметами? Въ названіяхъ предметовъ одушевленныхъ онъ опредѣляется естественнымъ родомъ (мужъ, слуга, жена), если самое названіе не представляетъ неопредѣленности, какъ напр. *дитя*; въ этомъ послѣднемъ случаѣ слово относится къ среднему роду. Въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ часто участвовала народная фантазія для опредѣленія рода. Понятіе дѣйствующее, производящее, мощное, самостоятельное, великое, твердое, грубое, по большей части, означается родомъ мужескимъ; понятіе, подлежащее дѣйствію, слабѣйшее и зависимое, страдательное и воспріемлющее, нѣжное и тихое—женскимъ; неразвившееся, веществообразное, собирательное — среднимъ. Здѣсь также имѣло вліяніе и *олицетвореніе:* народъ олицетворялъ силы и разныя явленія природы, давая имъ образъ божества — бога или богини, мужчины или женщины, отъ чего и самое названіе предмета принимало тотъ или другой родъ: такъ, мѣсяцъ, солнце, день, ночь, огонь, земля и проч. въ миѳологіи почти всѣхъ народовъ играютъ важную роль, какъ существа поэтическія или фантастическія. У поэтовъ, живописцевъ и ваятелей съ древнѣйшихъ временъ ведется представлять въ образѣ женъ всѣ способности душевныя, добродѣтели и пороки, искусства и знанія и т. п. Впрочемъ, въ настоящее время весьма трудно дать отчетъ во многихъ словахъ, почему они приняли тотъ или другой родъ.

Окончанія. § 39. Въ русскомъ языкѣ большая часть именъ существительныхъ имѣетъ для рода опредѣленныя окончанія, которыя называются *родовыми*; они суть: мужескія: ъ

или смягченный *ъ* и *й*; женск. *а* смягчен. *я*; средн. *о* смягч. *е*.

Примѣч. Они соотвѣтствуютъ родовому члену въ другихъ языкахъ, также греческ. и латинск. родовымъ окончаніямъ: ος, η, ον, us, a, um.

Но не всѣ существительныя могли опредѣлиться въ этихъ окончаніяхъ: попадаются слова мужескаго рода съ окончаніемъ *а*, *я*, *о*, *е* (слуга, дядя), слова женск. съ окончан. *ъ* и др. Такія окончанія называются *неродовыми*; они суть: 1, *а* или я (мужес. р.) 2, *о* или *е* (муж. р.), 3, *ь* (женск. р.) 4, *я* юсовое.

Неродовыя окончанія для мужеск. рода. § 62. Въ разрядѣ именъ, ходящихъ съ неродовымъ окончаніемъ *а* и *я*, есть нѣсколько породъ:

1. Въ названіи личностей: *слуга*, *воевода*, *вельможа*, *юноша*, *дядя*, *карла*, *турка*, *чухна*, *Кузьма*, *Лука*, *Ѳома*. Сюда же народный говоръ переноситъ и другія собственныя мужескія имена: *Михайла*, *Кирила*, *Данила*:

Примѣч. Въ латин. языкѣ есть также нѣсколько подобныхъ именъ: scriba, poeta, athleta, cytharista, parricida, transfuga и др.

У насъ есть весьма много словъ съ неродовымъ окончаніемъ *а* и *я*, выражающихъ личности вмѣстѣ муж. и женскія, напр. *скряга*, *калѣка*, *сутяга*, *горемыка*, *заика*, *повѣса*, *бродяга*, *бѣдняга*, *убійца*, *пьяница*, *неряха*, *писака*, *лѣвша* и др.

2. Въ именахъ уменьшительныхъ на *ка*: *батька*, *дядька*, *Ванька*, *Васька*, *Мишка*, *старикашка*, *дѣдушка*, *батюшка*, *дядюшка*, *Ванюшка*, *Мишутка*, *Гришутка*, *малютка*, *воришка*, *плутишка* и др.

3. Въ именахъ увеличительныхъ съ окончаніемъ *ина*: *дѣтина*, *мужичина*, *домина*.

Мужеское окончаніе *о* и *е* теперь у насъ появляется при

немногихъ именахъ лицъ и въ нѣкоторыхъ породахъ уменьшительн. и увеличит. именъ: *подмастерье*, *Марко*, *полудурье*, *объѣдало*, *огнивало*, *мѣняло*, *обирало*, *гнѣдко*, *воронко*, *сивко*, *д мище*. Здѣсь нужно замѣтить, что неродовыя окончанія *о* и *а* часто смѣшиваются: *бурко* и *бурка*, *мѣняло* и *мѣняла*, *Михайло* и *Михайла*.

Неродовое окончаніе для женскаго рода. § 40. Область женскихъ именъ, кончащихся на *ь*, очень обширна; ими иногда означаются женскія личности, какъ напр. *мать*, *дочь*, *свекровь*, или вещи: *кость*, *кисть*, *трость*; но по большей части отвлеченность—качества. *чернь*, *горечь*, *мелочь*, *кось*, *даль*, *глубь*. *тишь*, или количества: *треть*, *четверть*, или дѣйствія: *кладь*, *опись*, *копоть*, *запись*, *рѣзь*, *скорбь*, *плавь*, *ложь* и др. или совокупность лицъ и вещей: *Русь*, *Чудь*, *Весь*, *чернь*, *знать*, *челядь*, *молодежь*. Это окончаніе любятъ особенно областныя нарѣчія: *пособь* (пособіе), *рань* (раннее время), на́зовь (названье) *колѣчь* (колѣки).

Женское оконч. *ь* произошло изъ окончанія *и*, которое въ древнихъ родственныхъ языкахъ принадлежало женскому роду. Въ старославянскомъ языкѣ многія слова появляются съ оконч. *и* и *ы*, которыя въ русск. языкѣ измѣнялись на *ь* и *овь*: *мати-мать*, *дщи-дочь*, *любы-любовь*, *церкы церковь*, *свекры-свекровь*.

Въ современномъ русскомъ языкѣ замѣтно стремленіе измѣнять неродовое окончаніе *ь* на *я*; такъ старое окончаніе *ыни* обратилось у насъ въ *ыня* вмѣсто *ынь*; *рабыни—рабыня*, *княгыни—княгиня*, *пустыни—пустыня*, и *пустынь*, *благостыни—благостыня*, иногда *благостынь*; или вмѣсто словъ: *земь*, *гребь*, *капь*, *ловь* употребляемъ: *земля*, *гребля*, *капля*, *ловля*; также говоримъ: *постеля*, *басня*, *пѣсня*, *яблоня*, вм. *постель*, *баснь*, *пѣснь*, *яблонь*, или изъ первообразныхъ *смокы*, *букы* сдѣлали: *смоква*, *буква* вм. *смоквь*, *буквь*; въ областномъ говорѣ *церква* вм. *церковь*.

Нѣкоторыя же слова, изъ одного рода переходятъ въ другой напр. въ народ. пѣснѣ: при той *путь*, при дороженькѣ.

Народное окончаніе. ѧ (юсъ). § 41. Въ рязрядъ именъ, кончащихся на юсовое *я*, входятъ двѣ породы:

1. Имена уменьшительныя и ласкательныя: сюда относятся:

а) Имена собственныя лицъ муж. и женск. рода: *Петя*, *Вася*, *Саша*, *Дуня*.

б) Имена ласкательныя, выражающія родство: *тятя*, *дядя*, *тетя;* здѣсь иногда *я* измѣняется въ *а*: *папа*, *мама*. Что во всѣхъ этихъ словахъ *я* дѣйствительно юсовое, мы можемъ видѣть въ производныхъ словахъ, гдѣ оно обнаруживаетъ свой носовой звукъ *ен*: *Петенька*, *Сашенька*, *дяденька*, *тетенька*, *маменька*. Такъ какъ въ этомъ окончаніи *я* нѣтъ родоваго признака, то родъ ихъ опредѣляется значеніемъ.

в) Названія малолѣтнихъ животныхъ: *жеребя*, *теля*, *порося*. Впрочемъ открыто у насъ ходитъ съ этимъ оконч. одно слово *дитя*: всѣ же другія мы переводимъ на вторую степень уменьшенія, съ оконч. *окъ*, при чемъ носовой звукъ, скрытый въ *я*, снова появляется: *жеребенокъ*, *теленокъ*.

Первоначальное окончаніе всѣхъ словъ этой породы было *ентъ*: изъ него звукъ *т* выпалъ весьма рано; впрочемъ въ косвенныхъ падежахъ онъ сохранялся долѣе, такъ у Нестора мы еще встрѣчаемъ *родит. пад.* отъ *Юря* (уменьш.—Юрій)—*Юряти*; въ ц. слав. и старорус. языкѣ *жеребяти*, *осляти*; во множеств. числѣ названія малолѣтнихъ животныхъ мы и теперь сохраняемъ *т*: *жеребята*, *ослята*. Этотъ же звукъ *т* перешелъ и въ производныя прилагательныя, измѣнившись на *ч* передъ *і* (*ь*): *жеребячій*, *телячій*, *ребячій*. Имена *жиденята*, *чертенята*, *турченята*, *внучата*, *дѣвченята*, составлены неправильно, вмѣсто *жидята*, *чертята*, *турчата* и пр.

Въ современномъ языкѣ мы всячески стараемся избѣгать

этой породы съ оконч. *юсъ*, и потому имена ласкательныя сблизили съ именами женскаго рода на *а* и *я*, и подражаемъ имъ даже въ склоненіи, а имена малолѣтнихъ животныхъ перевели въ родъ мужескій (*снокъ*), удержавъ только старое множественное число (*ята*). Осталось лишь слово *дитя*, но и его въ косвенныхъ падежахъ не рѣдко мы силимся подвести подъ общія правила именъ съ родовыми окончаніями, такъ говорятъ въ винит. пад. *дитю* вм. *дитя*, въ твор. *дитею*, *дитятею* вм. *дитятемъ;* множ. число передѣлалось въ *дѣти*.

2. Другая порода именъ, кончащихся на юсовое *я*, заключаетъ въ себѣ десять, нынѣ употребительныхъ словъ на *мя*: *бремя* (беремя), *время*, *вымя*, *знамя*, *имя*, *пламя* (поломя), *племя*, *темя*, *стремя*, *сѣмя*. Носовой звукъ въ окончаніи этихъ словъ обнаруживается въ косвенныхъ падежахъ: *времени*, *знамени* и проч. Уменьшител. слова *времячко*, *темячко*, *сѣмячко* показываютъ, что и здѣсь первоначальное окончаніе было также *енть* (ять), но въ послѣдствіи *т* выпало изъ всѣхъ падежей, оставивъ свой слѣдъ только въ уменьшительныхъ, обратясь въ *ч* передъ скрытымъ *ь* (*ъко*).

Примѣч. Въ латин. и греч. языкахъ слова изъ той же породы на men и μα въ косвенныхъ падеждахъ и въ производныхъ словахъ обнаруживаютъ свое коренное t, τ, которое у нихъ выпало въ именит. падежѣ: cognomen—cognomentum, ἄρωμα—ἀρώματος

Въ древнѣйшемъ русскомъ языкѣ къ этой породѣ относилось большее число именъ, но время размѣстило ихъ по другимъ отдѣламъ, придавъ имъ родовыя окончанія, такъ: *письмо* вм. *письмя* (письмена), *рамо* вм. *рамя* (рамена), *камень*, вм. *камя* (камы), *пламень* и *пламя* (пламы), *ячмень*—ячьмы, *корень*—коря. Сюда же должно отнести *день*, отъ чего и въ род. пад. иногда употребляютъ *дни*, *денъ*

Другія части рѣчи употребляемыя вмѣсто именъ, принимаются въ средн. родѣ, напр. у Жуков. *громозвучное продолжительное ура*, *соединенное* съ залпами пятисотъ пушекъ.

Всемогущее Божіе Буди раздалось посреди небытія (грам. Бусл. II § 218.)

Нѣкоторыя имена употребляются только во множ. ч. Опредѣленіе ихъ рода нужно для орфографіи прилагательныхъ. Въ этомъ случаѣ родъ узнается по род. пад. Его оконч. *овъ*, *евъ* опредѣляютъ мужескій родъ, *помои—помоевъ*, *квасцы—квасцевъ*, *порты—портовъ*. Окон. *ъ* и *ей* при именит. на *ы* и *и* означаютъ женск. родъ: *сани—саней*, *ножницы—ножницъ*. Окон. *ъ* при именит. на *а* указываетъ на средній родъ: *уста—устъ*, *чернила—чернилъ*, *пяльца—пялецъ*.

ОБРАЗОВАНІЕ ИМЕНЪ.

Имена коренныя и производныя. § 42. Имена, при которыхъ находятся только окончанія *ъ*, *а*, *о* безъ другихъ наращеній, называются коренными или первообразными, напр. *волкъ*, *рука*, *серебро*. Здѣсь многія названія женскихъ лицъ происходятъ отъ мужескихъ: окончанія *ъ*, *ь* уступаютъ свое мѣсто *а*, *ья*, *ица*: *кумъ—кума*, *сватъ—сватья*, *гость—гостья*, *царь—царица*, *мастеръ—мастерица*. Окончаніе *ица* принимаетъ большая часть самокъ животныхъ: *левъ—львица*, *волкъ—волчица*, *медвѣдь—медвѣдица*, *орелъ—орлица*. Женск. *попадья* произошло изъ греческ. *пападья* (παππάδις), точно такъ, какъ *попъ* отъ *паппасъ* (πάππας).

Если между корнемъ и родовыми окончаніями будутъ другія буквы или слоги — производственные (*суффиксы*), служащіе отличіемъ различныхъ породъ именъ, то такія слова называются *производными*, напр. *волченокъ*, *серебряникъ*, *пепелище*, *естество*.

Производныя имена происходятъ или отъ коренныхъ или отъ другихъ частей рѣчи. Они могутъ раздѣлиться на слѣдующіе отдѣлы: *имя лица*, *имя дѣйствія*, *имя орудія*, *имя мѣста*, *имя отвлеченнаго понятія*. Не возможно здѣсь разсмотрѣть всѣ эти отдѣлы въ подробности, потому

что каждый изъ нихъ имѣетъ по нѣскольку окончаній; мы обратимъ вниманіе только на главные.

Главные производственные звуки, употребляемые чаще другихъ въ существительныхъ—гортанные *г*, *к*, *х*. Особенно звукъ *к* господствуетъ передъ прочими въ дѣлѣ образованія именъ; онъ, смягчаясь, производитъ и другіе звуки: *ц*, *ч*, весьма употребительные въ окончаніи существительныхъ.

ИМЯ ЛИЦЪ.

Названіе лицъ по качеству и занятію. § 43. Окончаніями *акъ* и *якъ* изображаются:

1. Названіе лица по его хорошему или дурному качеству. Въ этомъ случаѣ имена существительныя производятся отъ прилагательныхъ: *острякъ*, *толстякъ*, *бѣднякъ*, *добрякъ*.

2. Названія лицъ по ихъ промыслу, занятію, иногда и по происхожденію изъ извѣстнаго мѣста. Эти имена происходятъ отъ именъ существительныхъ коренныхъ: *бурсакъ*, *морякъ*, *рыбакъ*, *скорнякъ*, *землякъ*, *прусакъ*, *полякъ*, *тулякъ*, *сибирякъ*. Эти же слова для выраженія женскихъ именъ къ слогу *ик*, *ак* принимаютъ оконч. *ька*, въ которомъ *ь*, измѣнивъ предшествующее *к* на *ч*, выпадаетъ: *рыбачка*, *землячка*, *прусачка*, *сибирячка*, *козачка* и др.

Производственный слогъ *икъ* переводитъ въ существ. только имена прилагат.; онъ представляетъ лица, обращающіяся около извѣстныхъ вещей и занятій: *мѣдникъ* (мѣдный), *печникъ* (печной), *булочникъ* (булочный), *картежникъ* (картежный), *книжникъ* (книжный). Сюда же относятся *старикъ*, *носикъ* и немн. др., которыя выражаютъ преобладаніе въ лицѣ извѣстнаго качества.

Имена существ. и глаголы не иначе могутъ переходить въ породу *икъ*, какъ прежде принявъ прилагательное окончаніе *скій*, хотя, можетъ быть, отдѣльно съ нимъ и не употребляются. Это *скій*, соединившись съ оконч. *икъ*, образовало

оконч. *щикъ* и *чикъ*: *ямщикъ* (ямь-ямской), *зеленщикъ* (зелень-зеленской), *конторщикъ*, *заводчикъ*, *монетчикъ*, *наборщикъ*, *переводчикъ* и *перевощикъ*. Буквы *з*, *с*, *ст*, *ск* передъ оконч. *щикъ* трудно выговариваются, а потому отбрасываются: отъ *рѣзать*, *доносить* *сыскать* составились: *рѣщикъ*, *донощикъ*, *сыщикъ*.

Нѣкоторые глаголы переходятъ прежде въ причастную форму на *лъ* и потомъ уже принимаютъ окончаніе *щикъ*: *молотильщикъ* (молотить-молотилъ), *платильщикъ* (платить-платилъ), *плавильщикъ*, и др.

Окончаніе *щикъ* иногда прибавляется къ прилагательнымъ, происшедшимъ отъ сущест. съ помощію слога *ов*; въ такомъ случаѣ произойдетъ окончаніе *овщикъ*: *медовщикъ* (медъ-медовой), *гробовщикъ* (гробъ-гробовой).

Окончанію *икъ* въ женскомъ родѣ соотвѣтствуетъ оконч. *ица*: *булочница*, *картежница*, *конторщица*, *заводчица*, *переводчица*, *донощица*.

Впрочемъ нѣкоторыя слова принимаютъ въ женск. родѣ другія окончанія: *ямщикъ—ямщичка*, *старикъ—старуха*, *дворникъ—дворничиха*.

Примѣч. Окончаніе *ица* родственно съ французскимъ esse и греческ. *ισσα*: princesse, baronesse, tigresse, *βασίλισσα*.

Окончаніе *ачъ* употребляется для названія лицъ по обилію въ нихъ какого нибудь качества: *богачъ*, *силачъ*, *усачъ*, *хохлачъ*, *бородачъ*, *лихачъ*. Эта порода именъ сходна съ прилагательною породою на *атый*, изъ которой, какъ видно, она и произошла: *богатый*, *хохлатый*, *усатый*.

Окончаніе *ачъ* иногда соотвѣтствуетъ окончанію *ецъ*, выражая имена лицъ, обращающихся въ извѣстномъ дѣйствіи: *ткачъ*, *ковачъ*, *скрыпачъ*, *трубачъ*.

Названіе лицъ по дѣйствію. § 44. Для названія лицъ по ихъ дѣйствію употребляется окончаніе *ецъ*; оно прибавляется къ корню глагола и причастію на *лъ*: *творецъ*, *ку*

пецъ, *босецъ*, *пѣвецъ*, *лжецъ*, *лѣстецъ*, *жилецъ*, *постоялецъ*, *сидѣлецъ*, *кормилецъ*, *владѣлецъ*. Слогъ *ецъ*, прибавляясь къ прилагательнымъ, выражаетъ названіе лицъ, выказывающихъ чѣмъ нибудь свое качество, преимущественно въ какомъ либо дѣйствіи: *храбрецъ*, *мудрецъ*, *упрямецъ*, *лѣнивецъ*, *знакомецъ*, *молодецъ*.

Наконецъ имена земель и городовъ съ окончаніемъ *ецъ* выражаютъ ихъ уроженцевъ: *европеецъ* (отъ старин. Европія), *азіятецъ*, *новгородецъ*.

Окончанію *ецъ* въ женскомъ родѣ соотвѣтствуютъ *ица* и *ька*; первое употребительнѣе для именъ отглагольныхъ и прилагательныхъ, второе для выраженія уроженокъ извѣстной земли: *пѣвица*, *жилица*, *постоялица*, *кормилица*, *владѣлица*, *упрямица*; *европейка*, *азіятка*, *новгородка*; *знакомецъ* — *знакомка*, *молодецъ*—*молодка*, *купецъ* — *купчиха*. Нѣкоторыя имена совсѣмъ не могутъ переходить въ женскій родъ, какъ *творецъ*, *храбрецъ*, *мудрецъ*, *хитрецъ*.

Сходно съ окончаніемъ *ецъ* представляетъ имя дѣйствователя также оконч. *тель*: *создатель*, *предатель*, *учитель*, *толкователь*, *блюститель*.

Всѣ эти имена для выраженія женскихъ лицъ обращаются въ прилагательныя на *ный* и потомъ соединяются съ окончаніемъ *ица*: *предательница* (предательный), *учительница* (учительный) и пр.

Примѣч. Окончаніе *тель* вполнѣ сходно съ латин. tor и съ греч. τωρ, τηρ: creator (создатель), proditor (предатель), σωτήρ (спаситель).

Имена лицъ по отчеству. § 45 Окончаніе *ичъ* употребляется для названія лицъ по отчеству. Здѣсь существуетъ слѣдующій законъ: имя отца съ родовымъ окончаніемъ переходитъ въ прилаг., принимая оконч., *овъ*, *евъ*, къ которому и прибавляется *ичъ*: *Петръ-Петровъ-Петровичъ*, *Василій-Васильевъ-Васильевичъ*. Имена же съ неродовымъ оконч. *а*, *я*, прямо принимаютъ *ичъ*: *Кузьма-Кузьмичъ*, *Илья-*

Ильичъ. Сюда же относятся слова: *царевичъ*, *княжичъ*, *баричъ*, *отчичъ*, *дѣдичъ*, *родичъ*, *родовичъ*; также названіе лицъ по происхожденію изъ нѣкоторыхъ русскихъ городовъ: *москвичъ*, *псковичъ*, *костромичъ*.

Примѣч. Оконч. *ичъ* совершенно сходно съ греч. ιτης, ιδης: Πελίδης Ατρίδης.

Мужескому оконч. *овичъ*, *евичъ* соотвѣтствуетъ женское *овна*, *евна*: *Петровна Васильевна*, а простому *ичъ* — женск. *инична*; *Лукинична*, *Ильинична*. Здѣсь слогу *ин* соотвѣтствуетъ слогъ *ов* (см. въ главѣ о прилат.).

Но отъ *Никита* происходитъ *Никитична*. Для названія по происхожденію изъ городовъ эти женскія окончанія не употребляются.

Имена лицъ по родинѣ, состоянію и религіи. § 46. Для названія лицъ по происхожденію изъ извѣстной области, по извѣстному сословію, а иногда и религіи употребляется слогъ *ан*, *ян*, къ которому прибавляется оконч. *инъ* или *ецъ* *римлянинъ*, *кіевлянинъ*, *ладожанинъ*, *итальянецъ*, *африканецъ*, *дворянинъ*, *мѣщанинъ*, *крестьянинъ*, *гражданинъ*. *мірянинъ*, *клирошанинъ*, *христіанинъ*, *магометанинъ*, *лютеранинъ*. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ именахъ оконч. *инъ*, *ецъ* прибавляется прямо къ корню безъ посредства *ан*, *ян*: *татаринъ*, *русинъ*, *испанецъ*, а въ нѣкоторыхъ при оконч. *анинъ*, *янинъ* является еще новый слогъ *ит*: *москвитянинъ*, *тверитянинъ*.

Окончаніе *инъ* здѣсь имѣетъ значеніе единства, отъ того во множеств. числѣ оно выпадаетъ: *римляне*, *христіане*, *крестьяне*.

Примѣч. Наше производственное окончаніе *анинъ*, *янинъ* совершенно сходно съ греческ. ιανος и латин. anus: χριστιανός, africanus.

Въ названіи женскихъ лицъ окончанія *инъ*, и *ецъ* замѣняются оконч. *ка*: *римлянка*, *москвитянка*, *итальянка*,

дворянка, *лютеранка*, *хозяйка*. Исключаются: *госпожа*, *барыня*, *боярыня*.

Имена женъ по званію мужей. § 47. Женскія окончанія *ыня*, *ица*, *ша*, *иха*, употребляются по большей части для выраженія званія или занятія мужа: *государыня*, *княгиня*, (изъ стар. княгыни), *полковница*, *совѣтница*, *поручица*, *воеводша*. Впрочемъ окончаніе *ша* преимущественно употребляется съ иностранными словами: *генеральша*, *ассесорша*, *профессорша*, *офицерша*, *слесарша*, *аптекарша*.

Примѣч. Въ древнемъ русскомъ языкѣ оконч. *ыни*, *ыня* изображали происхожденіе женщинъ изъ извѣстнаго народа *грекыня*, *ясыня* *самарянына*: теперь же для этого мы употребляемъ *ка*, *янка*.

Окончаніе *иха* употребляется при именахъ русскихъ женъ низшаго состоянія: *дьячиха*, *старостиха*, *повариха*, *ткачиха*; употребляется также при именахъ собственныхъ: *Иваниха* — жена Ивана или Иванова. Иногда *иха* производитъ имена женъ отъ глагола: *шумиха*, *шутиха*, *трусиха*.

Менѣе употребительныя окончанія. § 48. Производственное окончаніе *истъ* перенято нами изъ другихъ языковъ и потому встрѣчается только при чужеземныхъ именахъ: *академистъ*, *семинаристъ*, *латинистъ*, *хористъ*. Изъ русскихъ именъ приняло его одно *гуслистъ*.

Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ окончаній есть еще нѣсколько другихъ для выраженія имени лицъ, какъ напр. *ай*, *яй*, *уй*, *ей*, *аха*, *уха*, но они встрѣчаются гораздо рѣже.

ИМЯ ДѢЙСТВІЯ.

§ 49. Имена, означающія внѣшнее дѣйствіе, ощутимое для чувствъ, чаще всего появляются со звуками *г*, *к*, *х*, *т*: *визгъ*, *трескъ*, *стукъ*, *блескъ*, *шорохъ*, *страхъ*, *трепетъ*, *хохотъ*.

Самое обыкновенное окончаніе для выраженія имени дѣйствія есть *ка*, которое прибавляется къ корню глагола: *носить—носка*, *плясать—пляска*, *скакать—скачка*, *гонять—гонка*.

Другое окончаніе есть *ніе* и *тіе*, происшедшее изъ причастной формы на *нъ*, *тъ*, о чемъ мы уже говорили: *рожденіе*, *воспоминаніе*, *страданіе*, *мытье*, *шитье*. Съ этими окончаніями имена дѣйствія приближаются къ именамъ отвлеченнымъ. Основная форма глагола также служитъ для имени дѣйствія: *течь*, *стать*, *знать*.

ИМЯ ОРУДІЯ.

§ 50. Многія орудія изображаются первообразными именами какъ напр. *ножъ*, *мечъ*, *коса*, *пила*; весьма многія являются и какъ имена производныя. Изъ производственныхъ слоговъ для изображенія орудій употребляются тѣ же, которыми означаются дѣйствующія лица и дѣйствія: *окъ*, *икъ*, *никъ*, *ецъ*, *ица*, *акъ*, *ка*: *катокъ*, *рукомойникъ*, *курильница*, *рѣзецъ*, *тесакъ*, *сѣчка*, *пряжка*, *рукоятка*. Здѣсь орудія разсматриваются наравнѣ съ дѣйствующимъ лицомъ и потому принимаютъ тѣ же окончанія лицъ. Имя дѣйствія также весьма часто переносится на орудіе или на вещь, употребляемую для дѣйствія: *сѣчка*, *краска*, *терка*, *соска*.

Многія имена орудія и вещей происходятъ изъ причастія на *лъ* съ окончаніемъ средняго рода: *мыть—мыло*, *покрывать—покрывало*, *кадить—кадило*, *кропить—кропило*. Однакожъ средніе глаголы, отличенные примѣтами *ѣ* и *ну* не могутъ принять знакъ орудія *ло*. Иногда къ этому же окончанію прибавляется еще окончаніе имени дѣйствія *ка*: *вѣшалка*, *курилка*, *будилка*, *прялка*.

Имена сосудовъ, назначенныхъ для вмѣщенія извѣстнаго вещества, являются съ окончаніемъ *икъ* и *ица*, происходя отъ имени вещества чрезъ прилагательныя на *ный*: *чай*—

чайный—чайникъ, *чернила—чернильный—чернильница*, *кофейникъ*, *молочникъ*, *сахарница* и пр.

ИМЯ МѢСТА.

§ 51. Для указанія мѣста, гдѣ находятся вещи или совершается дѣйствіе, обыкновенно употребляются окончанія *ня* и *ище*: *ружейня*, *бойня*, *харчевня*, *курятня*, *овчарня*, *спальня*, *мыльня*, *сушильня*, *купальня*; *игрище*, *гульбище*, *пепелище*, *пожарище*, *жилище*, *святилище*, *училище*. При производствѣ имени мѣста отъ существительнаго, окончанія *ня* (*н* суффиксъ прилагат.) и *ище* присоединяются прямо къ корню; отъ глагола же—къ причаст. *лъ*: *игрище* отъ *игра*, *жилище* отъ *жилъ*.

Окончаніе *ище* въ старорусскомъ языкѣ употреблялось для опредѣленія пространства и разстоянія, такъ у Нестора: *стрѣлище* — пространство, сколько пролетитъ стрѣла; *днище* — пространство, которое можно пройти въ продолженіе дня.

ИМЕНА ОТВЛЕЧЕННЫХЪ ПОНЯТІЙ.

§ 52. Для выраженія отвлеченности качества, количества или дѣйствія, болѣе другихъ употребителенъ производственный слогъ *ство*; онъ прибавляется къ корнямъ глаголовъ: *лукавство*, *воровство*, *бытство*; къ существительн. *дѣвство*, *дружество*, *дѣтство*, *монашество*; къ прилагат. *богатство*, *величество*; къ числит.: *единство*, *первенство*; къ мѣстоим.: *качество*, *количество*, *ничтожество*; къ причастіямъ: *существо*.

Здѣсь нужно замѣтить, что предъ окончаніемъ *ство* скрывается придыханіе *ъ*; оно обнаруживается послѣ *л*: *нахальство* (нахалъ), *удальство* (удалъ), послѣ гласной, измѣняясь въ *й*: *убійство* (убить); по этому случаю и гортанные *г*, *к*, *х* измѣняются въ *ж*, *ч*, *ш*, при чемъ отъ стеченія согласныхъ *ъ* обращается въ *е*: *дружество* (другъ),

одиночество (одинокъ), *монашество* (монахъ); отсюда исключается только слово *бѣгство*.

Иногда къ производственному слогу *ство* прибавляется окончаніе *іе: царствіе*, *путешествіе*, *слѣдствіе*, *благоденствіе*, *дѣйствіе*, *бѣдствіе*...

Другое употребительное окончаніе *ость*, *есть* соединяется преимущественно съ прилагат. и причастіями: *старость*, *строгость*, *бодрость*, *крѣпость*, *усталость*, *терпимость*, *горесть*, *тяжесть*, *свѣжесть*.

Весьма употребительны также окончанія *ніе*, *тіе*, происшедшія изъ причастій: *чтеніе*, *опредѣленіе*, *искушеніе*, *бытіе*, *житье*, *мытье*.

Кромѣ упомянутыхъ окончаній есть еще нѣсколько употребительныхъ, какъ напр. *ота*: *доброта*, *пустота*, *чернота*; *ьба*: *дружба*, *служба*, *пальба*, *ходьба*, *оба*: *худоба*, *злоба*, и др.

ИМЕНА СОБИРАТЕЛЬНЫЯ.

§ 53. Выраженіе нѣсколькихъ однородныхъ предметовъ, какъ одного цѣлаго, у насъ весьма обыкновенно, и особенно было въ старорусскомъ языкѣ. У Нестора и у другихъ лѣтописцевъ мы встрѣчаемъ употребительныя окончанія *ь* и *а*: *Русь*, *Чудь*, *Весь*, *Сербь*, *Черемисъ*, *Ямь*, *чадь* (слуги), *погань* (поганые), *таль* (заложники) *ярь* (яровой хлѣбъ), *Сѣвера*, *Мурома*, *Печера*, *Литва* (говоря о народахъ). Эти же окончанія иногда употребляются и у насъ для выраженія совокупности: *знать*, *чернь*, *дичь*, *гниль*. Употребленіе имени собирательнаго въ женскомъ родѣ ед. ч. есть принадлежность глубокой древности.

Въ старослав. языкѣ для выраженія совокупности было употребительно также окончаніе *іе: братіе*, *княжіе*, *людіе*; это же окончаніе иногда слышно и у насъ въ народномъ говорѣ, обращенное въ *ье* съ удареніемъ: *бабьѐ*, *мужичьѐ*, *дурачьѐ*, *кульѐ*, *гнильѐ*, *старьѐ*. Но оно теперь чаще упо-

требляется въ видѣ *ья*, сдѣлавшись выраженіемъ множест. числа: *князья*, *друзья*, *крючья*, *брусья*, *стулья*, *деревья*, *прутья*. Впрочемъ попадается это же окончаніе, какъ въ древности, такъ и теперь, въ женскомъ родѣ единств. числа съ тѣмъ же значеніемъ совокупности, напр. *нищая братья*, *нищей братьи*, *нищую братью*.

Иногда для выраженія совокупности берутъ имена отвлеченныя: *дворянство*, *офицерство*, *купечество*, *духовенство*.

Сказуемое съ такими собирательными согласуется и грамматически, и логически т. е. ставится и въ единственномъ и во множественномъ числѣ; но въ литературномъ языкѣ первое преобладаетъ надъ послѣднимъ. (См. Грам. Бусл. § 216).

ИМЕНА УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЯ.

Цѣль и степени уменьшенія. § 54. Цѣль представленія предметовъ въ уменьшенномъ видѣ бываетъ различна: иногда представляется просто малость предмета или его маловажность, иногда только ласка и вѣжливость, иногда презрѣніе. Сообразно съ этимъ и производственные слоги для выраженія уменьшенія бываютъ разные.

Наши имена могутъ имѣть три степени уменьшенія. Здѣсь въ производствѣ также занимаютъ важное мѣсто звуки *к* и *ц*.

Первая степень уменьшенія. § 55. Для первой степени уменьшенія употребляются по большей части слѣдующіе производственные слоги: *я* (ѫ), *окъ*, *екъ*, *икъ*, *ка*, *ко*, *ецъ*, *ица*, *це*.

Мы уже говорили объ юсовомъ *я* въ отдѣлѣ неродовыхъ окончаній; оно употребляется въ именахъ или собственныхъ или выражающихъ родство: *Вася*, *Таня*, *тятя*, *тетя*. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ для выраженія уменьшенія мы давно перестали употреблять его.

Слоги *окъ*, *екъ*, *икъ* (для муж. р.), *ка* (для женск.), *ко* (для ср.) прикладываются къ корню именъ существительныхъ: *глазокъ*, *локотокъ*, *денекъ*, *дружокъ*, *крючокъ*, *листокъ*, *ломтикъ*, *кончикъ*, *рубчикъ*, *головка*, *шляпка*, *ручка*, *ведерко*, *ушко*, *времячко*.

Оконч. *окъ*, *екъ* и *икъ* ничѣмъ не разнятся одно отъ другаго, и многія имена переходятъ въ уменьшительныя посредствомъ тѣхъ и другихъ слоговъ: *листокъ* и *листикъ*, *цвѣтокъ* и *цвѣтикъ*, *часокъ* и *часикъ*, *разокъ* и *разикъ*; причемъ окончаніе *окъ* всегда притягиваетъ къ себѣ удареніе. Впрочемъ кончащіяся на *г*, *к*, *х* всегда принимаютъ окончаніе *окъ*: *дружокъ*, *старичокъ*, а на *ж*, *ч*, и *ц* — окончаніе *икъ*: *кончикъ*, *рубчикъ*, *ножикъ*, *мячикъ*. Здѣсь *ц* смягчается въ *ч*.

Передъ окончаніемъ *ка* и *ко* скрытъ придыхательный звукъ *ъ*, который часто обнаруживается послѣ *л* и гласной: *недѣлька*, *воробейко* (*ь* измѣн. въ *й*); въ слѣдствіе же этого гортанные звуки *г*, *к*, *х* измѣняются въ соотвѣтственные придыхательные: *ножка* (нога), *ручка* (рука), *ушко* (ухо).

Имена на *мя* при уменьшеніи возстановляютъ выпавшее окончаніе *т* (см. § 41), которое передъ *ко* (ько) измѣняется въ *ч*: *времячко*, *сѣмячко*.

Многія имена, принявъ уменьшительные слоги, потеряли значеніе уменьшенія и ходятъ какъ имена простыя: *кусокъ*, *возокъ*, *мужикъ*, *вѣникъ*, *книжка*, *елка*. Для выраженія уменьшенія они вновь принимаютъ тѣ же уменьшительные слоги: *кусочекъ*, *возочекъ*, *мужичокъ*, *книжечка* и пр.

Слогъ *ецъ* очень рѣдко появляется при простыхъ именахъ (братецъ, изъянецъ); онъ преимущественно уменьшаетъ имена предложныя: *уродецъ*, *доходецъ*, *запасецъ*, *насосецъ*, *окладецъ*.

Уменьшительное оконч. *це* весьма употребительно въ именахъ средняго рода: *дѣльце*, *письмецо* [1]), *шильце*, *мыльце*,

[1]) *Е* здѣсь обращается въ *о* подъ удареніемъ.

имньнсце, ипеньеце. Здѣсь передъ *ц* скрывается *ь* и обнаруживается послѣ *л*. Оканч. *це* не можетъ уменьшать только имена, кончащіяся на гортан. *г*, *к*, *х*, ихъ придых. *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и зуб. *ц*. Причина заключается въ неблагозвучіи, которое бы произошло отъ стеченія придыхательныхъ съ зубнымъ *ц*. Въ этомъ случаѣ обыкновенно употребляется окончаніе *ко*: *ухо—ушко*, *яйцо—яичко*.

И здѣсь многія имена съ уменьшительнымъ *це* потеряли значеніе уменьшенія: *солнце* (солонь), *сердце, яйцо*, *кольцо*.

Въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ мы замѣчаемъ окончаніе *ута*, *юта*, какъ напр. *Машута*, *Васюта*, *Гришута*. Здѣсь только возстановляется *т*, отпавшее отъ носоваго окончанія *я*, при чемъ тонкій *юсъ* (я) измѣняется на широкій (*у*, ю).

Для выраженія уменьшенія иногда входитъ звукъ *ш*, что видно въ словахъ *Маша*, *Даша*, *Саша*, и пр. или слогъ *ыш*, часто выражающій малолѣтнихъ животныхъ и ихъ качества: *дитенышъ*, *гусенышъ*, *малышъ*, *глупышъ*, *заморышъ*, *подкидышъ*.

Народъ, желая выразить любовь къ предмету, представляетъ его въ уменьшенномъ видѣ; такъ французы за скудостью уменьшительныхъ окончаній употребляютъ слово petit; у насъ многія уменьшительныя имена первой степени выражаютъ въ то же время и ласку. Впрочемъ для этого болѣе служатъ вторая и третья степень.

Вторая степень уменьшенія. § 56. Вторая степень уменьшенія представляетъ намъ выраженіе любви, ласки или брани и презрѣнія. Здѣсь употребляются слоги *окъ*, *екъ*, *ка* и *ко*, которые прибавляются къ окончанію первой степени уменьшенія.

Соединеніе *окъ* съ юсовымъ *я* произвело окончан. *енокъ*, которое представляетъ имена малолѣтнихъ животныхъ: *ребенокъ*, *жеребенокъ*, *гусенокъ*. Такъ какъ первая степень уменьшенія на юсовое *я* (осля, теля) вышла изъ употребленія,

то вмѣсто нея мы употребляемъ вторую, и потому здѣсь окончаніе *енокъ* потеряло значеніе *ласки*. Но другія слова, какъ напр. *глазенки*, *мужененекъ*, *куманекъ* представляются, какъ имена ласкательныя.

Соединеніе оконч. *ка* съ юсовымъ *я* произвело ласкательное окончаніе *енька*: *Васенька*, *Машенька*, *ноженька*, *сашенька*. Отъ него должно отличить подобное окончаніе *ѐнка*, которымъ означается пренебреженіе или униженіе; оно всегда носитъ удареніе на слогѣ *ѐн*, тогда какъ окончаніе *енька* остается безъ ударенія: *ножѐнка*, *ручѐнка*, *лошадѐнка*, *душѐнка*, *деньжѐнки*. Здѣсь послѣ придыхательныхъ согласныхъ звукъ *е* переходитъ въ *о*.

Отъ соединенія уменьшительн. окончаній *окъ*, *екъ*, *ка*, *ко* съ тѣми же окончаніями первой степени произошли оконч. *очекъ*, *ечекъ*, *чка*, *чко*: *дружочекъ*, *глазочекъ*, *елочка*, *сердечко*. Впрочемъ оконч. *чка* и *чко* употребляются не во многихъ словахъ; вмѣсто нихъ употребительнѣе *ушка*, *ышко*, которыя составились черезъ соединеніе уменьшительн. окон. *ух*, *ыш* съ другими уменьшительн. *ка* и *ко*: *матушка*, *лебедушка*, *голубушка*, *кумушка*, *Танюшка*, *солнышко*, *ведрышко*, *зернышко*, *перышко*, *гнѣздышко*, *стеклышко*.

Отъ нихъ должно отличать окончанія съ удареніемъ *ѝшка*, *ю̀шка*, *ѝшко*, которыя выражаютъ пренебреженіе: *болтѝшка*, *вертѝшка*, *Ванюшка*, *Тенюшка*, *дѣлишко*, *мѣстишко*, *суконишко*. Сюда относятся мужскія имена: *воришка*, *мужичишка*, *мальчишка*.

Имена женск. рода принимаютъ унизительное окончаніе *ишка* безъ ударенія: *побѣдишка*, *наградишка*.

Въ именахъ собственныхъ, чтобы выразить пренебреженіе, обыкновенно *юсовое я* и *а* первой степени измѣняется на *ька*: *Васька*, *Машька*, *Дунька*, иногда употребляется оконч. *утка*, *ютка*: *Васютка* (Васюта), *Машутка* (Машута), *Гришутка*, (Гришута).

Третья степень уменьшенія § 57. Третья степень умень-

шенія мало употребительна; она составляется изъ второй черезъ прибавленіе тѣхъ же окончаній *екъ, ка, ко*: ее принимаютъ имена малолѣтнихъ животныхъ для выраженія ласки: *ребеночекъ*, *гусеночекъ*, *телепочекъ*; также другія имена: *мужечекъ*, *куманечекъ*, *малюточка*.

Имена унизительныя второй степени дѣлаются въ третьей степени ласкательными: *старушоночка* (старушонка), *ручоночка*, *душоночка*, *бабеночка*, *Машуточка*, *Гришуточка*.

Уменьшительныя формы у насъ особенно распространены въ областныхъ говорахъ, тамъ даже слышатся онѣ въ мѣстоимен. *мпьшеньки* и въ глаголахъ *кушеньки*, *питеньки*, *спатеньки*.

Примеч. Изъ другихъ индоевроп. языковъ замѣчателенъ итальянскій, въ которомъ уменьшительныя окончанія развиты едвали не болѣе, чѣмъ въ русскомъ. Тамъ тоже есть степени уменьшенія или уменьшительныя отъ уменьшительныхъ, есть уменьшительныя ласкательныя и унизительныя; звуки, служащіе для уменьшенія имени, суть: ch (k), l, n, t, и самыя обыкновенныя окончанія: ino, ina, lino, lina, ello, etta, и 2-й степ. ellino, icella, ettino: fiore (цвѣтокъ) — fiorello, (уменьш. 1 степ.), fiorellino (умен. 2 степ.), uccello (птица)—uccelletto (1 ст-)—uccellettino (2 ст.). Вообще для выраженія уменьшенія, ласки и презрѣнія здѣсь развилось весьма много окончаній, которыя впрочемъ въ основныхъ звукахъ имѣютъ много общаго съ нашими.

Въ языкахъ латин. и греч. уменьшительныя окончанія весьма мало употребительны. Въ латин. языкѣ для этого ходитъ звукъ l: filiola, vetula въ греч. ιχ, ισ, ας, равные нашимъ *их, иш, аш*, πόλις—πολίχνη (городишко) κύλιξ—κυλίχνη (чашечка), νίκη—νικίσκη (побѣдишка). Во французъ. языкѣ также весьма мало употребительны уменьшит. окончанія; обыкновенные здѣсь звуки t и носовое n. Въ нѣмец. яз. въ большомъ употребленіи уменьшеніе именъ собственныхъ; въ оконч. chen являются тѣ же звуки, какъ и у насъ.

ИМЕНА УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫЯ.

§ 58. Увеличительныя имена у насъ составляются не для того, чтобы возвысить достоинство предмета, а чтобы пока-

зать его массивность и величину, доходящую иногда до безобразія; отъ этого многія имена увеличительныя въ то же время заключаютъ въ себѣ и выраженіе униженія, презрѣнія.

У насъ самыя употребительныя окончанія *ище*, *ища*. Замѣчательно, что всѣ имена мужескаго рода при увеличеніи переходятъ въ неродовыя: *домище*, *дворище*, *мужичище*, *комодище*, *огородище*. Имена женскія принимаютъ оконч. *ища*: *ручища*, *книжища*.

Имена муж. рода лицъ и вещей могутъ принимать и другое неродовое окончаніе *ина* съ удареніемъ: *дѣтина*, *старичина*, *мужичина*, *молодчина*, *домина*. Съ этимъ окончаніемъ не всегда соединяется выраженіе презрѣнія. Иногдв оба окончанія соединяются и составляютъ *инище*: *мужичинище*, *старичинище*. Впрочемъ такія слова можно назвать простонародными.

Окончан. *аха*, *яха*, *еха*, *уха*, *юха*, прилагаясь къ именамъ, приносятъ съ собою нѣчто унизительное: *Васюха*, *Ѳеклуха*, *лепеха*. Впрочемъ эти окончанія отдѣльно рѣдко употребляются.

ИМЕНА СОСТАВНЫЯ ИЛИ СЛОЖНЫЯ.

§ 59. Имена составныя представляютъ совокупленіе двухъ словъ. Всякое составное имя можетъ выразиться въ цѣломъ предложеніи, напр. *сребролюбіе* — любитъ серебро, *пароходъ*—ходящій паромъ, *зимородокъ*—родится зимой. Слагаться могутъ: имена съ именами, съ глаголами, съ частицами, частицы съ глаголами, но глаголы съ глаголами никогда не слагаются. Изъ новѣйшихъ языковъ самый богатый сложными именами нѣмецкій; отъ того въ нѣмецкой поэзіи и даже въ прозѣ мы встрѣчаемъ множество живыхъ, образныхъ выраженій, не переводимыхъ на другіе языки. Второе мѣсто по обилію сложныхъ словъ занимаютъ славянскія нарѣчія. Въ исторіи образованія славянскихъ сложныхъ словъ представляются намъ два главные періода: языческій и христіанскій.

Въ первомъ сложеніе чисто славянское по народному воззрѣнію; во второмъ сложеніе, перенесенное къ намъ отъ грековъ черезъ переводъ Библіи.

1. Почти всѣ славянскія языческія божества называются уже сложными именами: *Стрибогъ* (стри-повѣтріе) — богъ вѣтра, *Дажъ-богъ*—солнце, *Свѣтовидъ*, *Бѣлъ-богъ*, *Чернобогъ*. Подобно именамъ боговъ и имена людей являются сложныя: *Святославъ*, *Ярополкъ*, *Владиміръ*, *Вечеславъ*; также названія древнѣйшихъ городовъ: *Вышь-градъ*, *Новгородъ*, *Царь-градъ*, *Переяславль* (*зане перея славу*, у Нест.). Въ этотъ же періодъ, вѣроятно, составилось много и русскихъ словъ, какъ напр.: *лукоморье*, *листопадъ*.

2. Къ христіанскому періоду относятся слова, переведенныя буквально съ греческихъ сложныхъ словъ: *Богоносецъ* (θεοφόρος), *Богородица* (θεοτόκος), *свѣтодавецъ* (φωτοδότης), *сребролюбіе* (φιλαργυρια), *вѣнценосецъ* (στεφανοφόρος), *единоборецъ* (μονομάχος), *всесильный* (παντοδυναμος), *всеблагой* (παναγαθος) и др.

Въ русскомъ языкѣ является двоякое сложеніе словъ: *собственное* и *несобственное*. Въ первомъ соединеніе словъ происходитъ съ помощію гласной *о*, *е*: *самолюбіе*, *земледѣліе*. Слово главное, которое въ предложеніи обратилось бы въ подлежащее или сказуемое, ставится въ концѣ со своимъ удареніемъ. Синтаксическое отношеніе между частями сложнаго слова бываетъ весьма различно; иногда одна часть бываетъ опредѣленіемъ другой: *самовидецъ* (самъ видитъ), *долготерпѣніе* (долгое терпѣніе), иногда дополненіемъ: *сребролюбіе* (любитъ серебро), *винодѣліе* (дѣлаетъ вино); причемъ замѣняются разные падежи: *Богомилъ* (милъ Богу), *Богданъ* (данный Богомъ) *паровозъ* — (возящій паромъ), *рукопись* (писано рукою), *водолазъ* (лазитъ въ воду), *мореходъ* (ходитъ по морю) и проч.

Примѣч. Въ древнегреч. языкѣ соединительною гласною также служила буква *о*: ἀλλόφυλος (иноплеменникъ), въ лат. буква i: homicida, parricida. Въ древненѣмец. нарѣчіяхъ употреб-

лялись *а, о, е*; но въ новонѣмец. происходитъ сложеніе не собственное: Tageslicht, Donnerstag.

Къ несобственному сложенію относятся слова, сложившіяся безъ соединенія гласной: *Царь-городъ, жаръ-птица, хлѣбъ-соль.* Сюда же относятся многія прозвища въ цѣломъ предложеніи, составляющія какъ бы одно слово, напр. въ псковск. лѣтоп.: *Θедоръ Умойсягрязью*, *Умылбородинъ*, *Терпигоревъ* и др.

Въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ попадается несобственное сложеніе, происшедшее изъ собственнаго; *кровипролитіе*, вм. *кровопролитіе*, *богумерзкое* вм. *богомерзкое* и др.

ИМЕНА ПРЕДЛОЖНЫЯ.

§ 60. Большая часть нашихъ предложныхъ именъ произошла изъ предложныхъ глаголовъ черезъ посредство разныхъ именныхъ окончаній: *западъ*, *приходъ*, *заводъ*, *подносъ* *осада*, *переправа*, *зараза*, *пришлецъ*, *продавецъ*, *прозорливецъ*.

Сложеніе предлога съ именемъ бываетъ двоякое: 1) безъ измѣненія окончанія имени: *собратъ*, *прадѣдъ*, *престолъ*, *подруга*, *правнука*; 2) предлогъ измѣняетъ или растягиваетъ окончаніе имени: *простѣнокъ*, *подворотня*, *прихвостень*, *задворокъ*, *подмастерье*, *поморье*, *подгорье*, *безлюдье*, *задвинье*, *побережье.* Этотъ послѣдній способъ употребительнѣе; первый по большой части встрѣчается тамъ, гдѣ нужно сохранить родовое окончаніе: *сотоварищъ*, *пращуръ*, *праматерь*.

Примѣч. Иногда имена сложныя съ числительными принимаютъ оконч. *ье*, напр. *первосонье, первопутье, полусотье, полудурье, многолѣтье.*

ИЗМѢНЕНІЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНАГО.

Склоненіе, падежъ, число. § 61. Въ природѣ всѣ предметы имѣютъ между собою связь и соотношеніе; такъ мы

видимъ, что одинъ предметъ или происходитъ отъ другаго, или принадлежитъ другому, или дѣйствуетъ на другой и проч. Это же отношеніе предметовъ должна выражать и наша мысль. Языкъ, какъ вѣрное отраженіе мысли, непремѣнно долженъ владѣть средствами представлять намъ тѣ же самыя отношенія. Дѣйствительно, у него есть два средства, онъ можетъ: 1) измѣнять окончанія одного и того же имени (по флексіямъ), 2) употреблять передъ именемъ отдѣльныя частицы, называемыя предлогами. Но не всѣ языки сохранили оба средства: языки новѣйшіе, происшедшіе отъ смѣшенія двухъ или болѣе языковъ (какъ напр. французъ. англійскій) уже не могутъ измѣнять именныхъ окончаній и для выраженія отношенія между предметами пользуются только предлогами. Языки же коренные одинако употребляютъ оба средства. Къ нимъ относится и языкъ русскій. Измѣненіе одного и того же имени по окончаніямъ или флексіямъ у насъ называется *склоненіемъ*. Принадлежности склоненія—*падежи* и *числа*. Для опредѣленія извѣстнаго отношенія предмета къ другимъ предметамъ служитъ *падежъ*, представляющій самое окончаніе (флексію). Каждый падежъ можетъ выразить и одинъ предметъ, и множество, слѣд. съ нимъ тѣсно соединяется *число*, служащее для опредѣленія количества. Современный русскій языкъ сохранилъ семь падежей, хотя и измѣнилъ нѣкоторыя старыя окончанія на новыя; но онъ потерялъ старинное *двойственное число*, удержавъ его только въ нѣкоторыхъ словахъ.

Значеніе падежей. § 62. Такъ какъ падежи означаютъ разнообразныя отношенія между предметами, то слѣд. съ каждымъ падежомъ должно соединяться особое значеніе.

Прямые падежи: 1. *Именительный* есть имя въ его начальномъ видѣ; оно выражаетъ главный предметъ, дѣйствіе или состояніе котораго опредѣляется въ предложеніи, и есть отвѣтъ на вопросъ *кто* или *что*.

2. *Звательный* выражаетъ обращеніе лица говорящаго къ предмету, какъ ко второму лицу.

Косвенные падежи:

Родительный имѣетъ въ виду опредѣлить предметъ или какъ бы выдѣлить его изъ круга однородныхъ съ нимъ предметовъ, показавъ такое особое его отношеніе къ другому извѣстному предмету, какого прочіе однородные съ нимъ не имѣютъ; такъ родительнымъ—*моего брата садъ* я опредѣляю *садъ*, выводя его такимъ образомъ изъ ряда другихъ садовъ особенностью, ему принадлежащею. Слѣдовательно съ родит. падеж. соединяется понятіе объ исключеніи, отдѣленіи, и отсюда отрицаніи и превосходствѣ. Поэтому родит. пад. употребляется: 1) когда нужно опредѣлить предметъ *по принадлежности* на вопросъ *чей: деньги вашего отца*; 2) когда нужно обозначить его *особымъ качествомъ*, на вопросъ *какой: сестра милосердія, мужъ битвы и совѣта* (Пушк.), *человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, свѣча воску яраго* (нар. пѣсн.), *потолокъ черныхъ соболей*, (нар. пѣс.), *женихи средней руки, зло не такъ большой руки* (Крыл.); 3) когда нужно выразить *количество*, какъ исключеніе части изъ всего числа на вопросъ *сколько* и *чего, кого: нагнало воды, много заботъ, добрыя вѣсти прибавятъ чести, наѣхало гостей, напились вина, подали воды, заняли денегъ, достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки* (Крыл.), *дѣтей всего одинъ сынъ, что городовъ!* или 4) *сравненіе* какъ превосходство въ какомъ либо качествѣ, на вопросъ *кого, чего: яснѣе дня, темнѣе ночи, брови черна соболя, глаза ясна сокола*, или 5) опредѣленное время на вопросъ *когда: третьяго дня, сегодня, пятаго числа, прошлаго года, того же лѣта*, наконецъ 6) *отрицаніе, лишеніе*, на вопросъ *кого, чего: не пилъ воды, не шло дождя, никого не видно, нечего искать, лишить наслѣдства*.

Примѣч. Въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ для выраженія исключенія или отдѣленія нерѣдко употребляется предлогъ *изъ* тамъ, гдѣ прежде ставили одинъ родит. пад. напр. *ты какихъ родовъ, я города Кіева, старица Өедосья Давыдовыхъ, князь Иванъ Ивановичъ Дебрянскихъ князей, по отцѣ Скотининыхъ, который ихъ, кто люди.*

Родительный падежъ иногда замѣняется *дательнымъ*, что видно изъ слѣдующихъ выраженій: онъ Отецъ *Петру*, дядя *Ивану* и другъ *Андрею*; онъ построилъ *Иванову* домъ (вмѣсто онъ отецъ Петра, дядя Ивана и другъ Андрея; онъ построилъ домъ Иванова); или въ Остром. Еванг. начатъ умывати позѣ *ученикомъ*; нѣси другъ *кесареви*; Господи *небеси* и *земли* (вм. небесе и земли). Отсюда ясно и различіе между обоими падежами; дательный здѣсь зависитъ отъ глагола и показываетъ отношеніе предмета къ дѣйствію или состоянію другаго, или даже своему собственному, тогда какъ родительный прямо опредѣляетъ предметъ, выводя его изъ общей родовой сферы въ сферу отдѣльныхъ представленій. Онъ братъ *Петру* т. е. онъ *приходится* Петру братъ. Вопросъ *кому*, *чему* выражаетъ *цѣль*, отсюда въ дательномъ падежѣ ставятся названія всѣхъ предметовъ, которые могутъ быть приняты за цѣль: дайте *мнѣ* хлѣба, помогайте другъ *другу*, поразилъ *ему* сердце; великое свѣтило *міру* (Лом.); ина слава *солнцу*, ина слава *лунѣ*, ина слава *звѣздамъ* (Свящ. пис.); *мнѣ* нужно, *вамъ* прилично; сіяетъ подобно *солнцу*, быть *бѣдѣ*, быть *увѣренну*, быть *горду*. Изъ этихъ примѣровъ видно, что съ цѣлью нерѣдко соединяется *необходимость*, *приличіе*, *уподобленіе*, *проявленіе извѣстнаго качества*.

Примѣч. Въ старинномъ языкѣ на вопросъ *куда*, *для чего*, *съ какою цѣлью*, имя, какъ выраженіе цѣли, ставилось въ дательн. пад.: Приведе Володиміръ съ Мстиславомъ вся бояры Новгородскыя *Кыеву*, (въ Кіевъ) (Новгор. лѣт.); избивая гуси и лебеди *завтраку*, *и обѣду*, *и ужинѣ*, (для завтрака... Слов. о пол. Иг.); *чему* (для чего), господине насильно вѣеши (тамъ же).—Въ старинномъ же языкѣ употреблялся дательный *независимыи* или самостоятельный т. е. придаточное предложеніе, въ которомъ подлежащее и сказуемое ставились въ дательныхъ падежахъ, подобно какъ въ латинскомъ творительный, а въ греческомъ родительный самостоятельный. Въ лѣтоп.: и придоша (Половцы) въ монастырь Печерскій, *намъ сущимъ* по кельямъ *почивающимъ*. Ломоносовъ полагалъ, что въ *высокихъ стихахъ* поэты могутъ употреблять такіе обороты, а въ послѣдствіи Жуковскій дѣйствительно иногда прибѣгалъ къ нимъ, напр. *кругомъ взгроможденному морю*, видитъ (судно), какъ будто изъ адскія бездны далекое небо (грам. Бусл. II. стр. 291—2.).

Винительный падежъ, на вопросъ *кого*, *что* выражаетъ *мѣру* или *предѣлъ*, въ которомъ выражается дѣйствіе. Онъ переводитъ дѣйствіе изъ общей сферы въ сферу опредѣленную, ограниченную какимъ либо предметомъ: *пить* (общ.) *воду* (огранич.). Отсюда всѣ дѣйствительные глаголы (не отрицательные и не имѣющіе въ виду части, какъ исключеніе изъ цѣлаго), сочетаются съ винительнымъ падежомъ, равнымъ образомъ и для выраженія времени и мѣста на вопросъ: *какъ долго*, *какъ далеко*, *сколько*, имя ставится въ винительн. пад.: *день* ѣхалъ, *ночь* спалъ, шелъ *десять верстъ*.

Творительнымъ падежомъ выражается какое либо особенное обстоятельство при проявленіи дѣйствія или иначе дѣйствіе изъ болѣе общей сферы переводится въ частную какимъ либо особымъ обстоятельствомъ, которое можетъ заключаться въ качествѣ, въ причинѣ, во времени, въ мѣстѣ, въ орудіи и пр. на вопросы *кѣмъ*, *чѣмъ*, *какъ*, *какимъ образомъ*, *когда*, *сколько:* привелъ ихъ *военноплѣнными*, *младенцомъ* былъ уже изгнанникъ (Батюш.), вступила *дѣвою* на землю Трояню, всплескала *лебедиными крылы* (Сл. о полк. Иг.), сдѣлано его *вельнѣіемъ*, родился *рыбакомъ*, вернулся *алеутомъ* (Гриб.), прибылъ *ночью*, шелъ *берегомъ*, ѣлъ *руками*, писалъ *перомъ*, читано *мною*. Чтобы низвести какое либо состояніе изъ общей неопредѣленной или постоянной сферы въ частную или временную также употребляется творит. пад.: онъ былъ *богатъ* (неопред.), онъ былъ *богатымъ* (опредѣл. времен.); онъ *великій человѣкъ*, онъ будетъ *великимъ человѣкомъ;* честь имѣю быть *вашимъ покорнымъ слугою (въ настоящее время)*. Равнымъ образомъ этотъ же падежъ употребляется и для опредѣленія общаго качества какимъ либо предметомъ: высокъ *ростомъ*, чистъ *лицомъ*, хорошъ *собою*, или для усиленія качества: грязь *грязью*, дуракъ *дуракомъ*.

Примѣч При такомъ значеніи творит. падежа, онъ долженъ часто переходить въ нарѣчіе или замѣнить собою цѣлое придаточное предложеніе: идти *пѣшкомъ*; говорить *смѣхомъ*; *солдатомъ* (будучи) дѣлалъ походы и пр.

Предложный или *мѣстный* падежъ означаетъ пребываніе въ какомъ либо *мѣстѣ* и переносно въ какомъ либо *времени*.

Въ современномъ языкѣ онъ употребляется не иначе, какъ съ предлогами, тогда какъ въ старинномъ языкѣ употреблялся и безъ предлоговъ: брата своего столъ поручи правити близоку своему Остромиру *Новѣгородѣ* (въ спискѣ Остром. Еванг.); сѣде Святополкъ *Кыевѣ* (Пов. 1 лѣт.); исцѣлѣ отрокъ *томчасѣ* (Остром. Еванг.), погасоша вечеру зари (Сл. о пол. Иг.). Въ нынѣшнемъ языкѣ остались слова *внѣ*, *нынѣ*, *соборнѣ*, обратившіяся въ нарѣчія.

Историческій взглядъ на падежи. § 63. Окончанія нашихъ падежей образовались въ глубокой древности, и при внимательномъ разсмотрѣніи нельзя не замѣтить ихъ сходства съ окончаніями падежей въ другихъ индоевроп. языкахъ: всѣ они развились изъ одного начала. Впрочемъ въ нашемъ современномъ языкѣ нѣкоторыя изъ первобытныхъ окончаній утрачены, а вмѣсто нихъ заимствованы окончанія у другихъ падежей. Такъ винит. пад. мужеск. рода заимствуетъ окончанія у именит. (для неодушевл. пред.) и у родит. (для одушевл.). Напротивъ женскій родъ съ родовыми окончан. сохранилъ свой винит. пад. на *у* и *ю*, которыя въ древнихъ рукописяхъ писались *юсами: рукѫ*, *душѫ*, *землѭ*, *милостынѭ* (Остр. Еван.). Отсюда мы заключаемъ, что нашему оконч. винит. падежа принадлежалъ носовой звукъ *н*, *м*, который является также и въ другихъ коренныхъ языкахъ, (напр. отъ лат. servus, lingua, греч. λόγος, χώρα винительн. пад. servum, linguam, λόγον, χώραν). Равнымъ образомъ и творит. пад. жен. рода писался *юсомъ*: силоѭ, вѣроѭ, слѣд. и здѣсь существовалъ носовой звукъ, обратившійся у насъ въ *ю*; онъ сохранился въ мужеск. и средн. родѣ въ окончаніи *мъ*: *мужемъ*, *добромъ*. Въ нѣкоторыхъ славян. нарѣчіяхъ и въ женск. родѣ творит. падежъ удержалъ окончаніе *м* (напр. въ серб. языкѣ: *женомъ*, *пушкомъ*). Отсю-

да мы видимъ, какъ изъ одного начала развѣтвились наши падежныя окончанія мужескаго и женск. рода.

Замѣна одного падежнаго окончанія другимъ у насъ проявляется въ нѣсколькихъ случаяхъ: такъ вмѣсто родит. *а* и *я* во многихъ словахъ употребляемъ дат. *у* и *ю*, напр. *чашка чаю*, *фунтъ сахару*, *куча сору*. Здѣсь род. пад. является съ окончаніемъ дательнаго. Такое употребленіе встрѣчается и въ старыхъ рукописяхъ: *во вѣки вѣкомъ* вм. *вѣковъ*. Равнымъ же образомъ старинное окончаніе род. пад. *е*: *имене*, *камене*, *матере*, *крове* замѣнилось окончаніемъ дательнаго *и*: *имени*, *матери*, *крови*. Или оконч. *ы* имен. пад. множ. числа, вмѣсто стариннаго *и* пришло изъ винительнаго: *дары*, *труды* вмѣсто стар. *дари*, *труди*. Окончаніе звательн. пад. у насъ совершенно утратилось и замѣнено именит. Слѣды его остались въ немногихъ словахъ, о которыхъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ род. пад. множ. ч. у насъ явилось оконч. *овъ*, *евъ*, (отцовъ, домовъ), тогда какъ прежде было оконч. *ъ*; старинное же оконч. дат. пад. ед. ч. *ови*, *еви* у насъ совсѣмъ не употребляется. Оконч. дат., твор., предл. пад. мн. ч. женск. род. сдѣлались общими для всѣхъ родовъ—*амъ*, *ами*, *ахъ* вм. древн. *омъ*, *ы*, *ѣхъ*—*дѣламъ*, *дѣлами*, *о дѣлахъ*, вм. стар. *дѣломъ*, *дѣлы*, *о дѣлѣхъ*.

Раздѣленіе склоненія. § 64. Наблюдая надъ измѣненіемъ русскихъ именъ, каждый легко замѣтитъ, что не всѣ они склоняются одинако, въ слѣдствіе этого является необходимость въ грамматикѣ раздѣлить склоненіе существительныхъ на отдѣлы. Въ современномъ языкѣ мы можемъ представить не болѣе пяти различныхъ образцовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ склоненіи какую нибудь свою особенность; отсюда вытекаетъ въ грамматикѣ пять склоненій для именъ существительныхъ: три для именъ съ родовыми окончаніями (муж., женск. и сред.) и два для именъ съ неродовыми.

Для соединенія падежнаго окончанія съ корнемъ слова ча-

сто бываетъ необходима бѣглая гласная: человѣкомъ, царемъ. Въ старыхъ рукописяхъ вмѣсто бѣглыхъ *о*, *е* встрѣчаются *ъ*, *ь*, которыми обыкновенно обозначались бѣглыя гласныя: человѣкъмъ, рабъмъ. Впрочемъ иногда и совсѣмъ не употреблялись бѣглыя гласныя, гдѣ позволялъ выговоръ, напр. *сынми*, *гвоздми*, *денми*, *костми*; и мы также говоримъ: *людьми*, *дочерьми* вм. *людями*, *дочерями*.

Вставка и выбрасываніе бѣглыхъ гласныхъ безпрестанно встрѣчается въ русскихъ склоненіяхъ, гдѣ только требуетъ или позволяетъ выговоръ, напр. отецъ, стрѣлокъ, род. пад. един. ч. отца, стрѣлка; окно, игра род. пад. мн. числа: оконъ, игоръ и др..

Особенности склоненій. § 65. Къ первому склоненію относятся имена мужескаго рода, кончащіяся на *ъ*, *ь*, *й*.

Въ косвенныхъ падежахъ твердому окончанію *ъ* соотвѣтствуютъ твердыя *а*, *у*, *ы* и проч., мягкимъ *ь*, *й*—мягкія *я*, *ю*, *и* и пр. Гласная *е* послѣ гласной обращается въ придыхательн. *й*: наемъ — найма, заемъ — займа; передъ *и*, передъ уменьш. окончаніемъ *къ* (екъ) и послѣ *л* обращается въ *ь*: воробей — воробья, конекъ — конька, левъ— льва. Въ словѣ Христосъ въ косвенныхъ пад. слогъ *ос* пропадаетъ.

Предложный падежъ здѣсь оканчивается на *ѣ*; нѣкоторыя же имена, означающія время или мѣстность съ предлогами *въ*, *на* принимаютъ *у* съ удареніемъ: *въ лѣсу̀*, *на острову̀*, *въ году̀*. Въ нѣкоторыхъ же словахъ съ каждымъ оконч. соединяется особый смыслъ: *въ виду* чего либо, *въ видѣ* цвѣтка. Оконч. *у* есть древнѣйшее ок. *мѣстнаго* падежа.

По законамъ сочетанія русскихъ звуковъ *ы* уступаетъ свое мѣсто *и* послѣ гортанныхъ *г*, *к*, *х* и придых. *ж*, *ч*, *ш*, *щ*: ножи, слоги вм. ножы, слогы и проч.

Для именит. пад. множ. числа—обыкновенныя окончанія *ы*, *и*, но кромѣ ихъ употребляются еще *е*, а́, я̀, *ья*.

Окончаніе *е* принимаютъ имена лицъ на *анинъ*, *янинъ*,

гдѣ *инъ*, выражая единичность, во множест. числѣ должно выпасть: англича*нинъ*—англичане, дворян*инъ*—дворяне.

Окончанія а̀, я̀, *ья*, выражая прежде имена собирательныя, сдѣлались теперь принадлежностью множеств. числа, такъ что весьма многія слова иначе не употребляются, какъ съ этимъ окончаніемъ, утративъ обыкновенное *ы*, *и*: *бере*га̀, *вечер*а̀, *город*а̀, *повар*а̀, *лекар*я̀, *учител*я̀, *якор*я̀, *братья*, *брусья*, *клинья*, *стулья*, *князья*, *друзья*, *шурья*. Имена *кумъ*, *сынъ*, *сватъ*, принимаютъ слогъ *ов*, *ев*, который встрѣчается и въ старослав. языкѣ (жидове): *кумовья*, *соновья*, *сватья*; сюда же отнесемъ: *хозяинъ-хозяева*.

Какія имена принимаютъ окончаніе а́, я, какія *ья* опредѣлить весьма трудно. Удареніе, постоянно сохраняясь на *а* и *я*, не во многихъ именахъ лицъ удержалось на *ья*; здѣсь оно по большей части появляется на слогѣ предшествующемъ: *ко̀лья*, *камѐнья*, *пру̀тья*.

Старая форма род. пад. множ. числа у насъ вполнѣ удержалась только въ именахъ на *инъ*: *англичанъ*, *дворянъ*, *баръ* и еще не во многихъ словахъ: *солдатъ*, *пудъ*; въ другихъ же случаяхъ для отличія отъ имен. пад. един. ч. передъ *ъ* появляется слогъ *ов*, *ев*: *столовъ*, *домовъ*, *погребовъ*, *братьевъ*, *обычаевъ*, *случаевъ*, *стульевъ*, *пальцевъ*.

Имена на *ь* принимаютъ въ род. пад. множ. числа окончаніе *ей*: *камней*, *коней*, *кораблей*. Сюда же относятся: 1) имена съ конечными придыхательными *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, послѣ которыхъ, по древнему правописанію, вмѣсто нашего *ъ* являлось *ь*: *ножъ* (ножь)—*ножей*, *ключъ* (ключь) *ключей*; 2) имена лицъ, удержавшія удареніе надъ окончаніемъ *ья*: *друзья*—*друзей*, *сыновья*—*сыновей*. Вин. п. ед. и мн. ч. именъ предметовъ одушевленныхъ сходенъ съ род. п., а неодушевл. съ имен.; но въ именахъ собирательныхъ (полкъ, народъ) вин. всегда сход. съ имен. Если же названіе неодушевл. пр. переносится на одушевл., то вин. пад. его сходенъ съ родит.: ударьте этого *бол-*

вана, ведутъ *языка.* Винит. п. слова *идолъ* всегда сходенъ съ род., согласно съ языческ. представленіемъ.

Ко второму склоненію относятся имена съ окончаніемъ *а*, *я*. Здѣсь оконч. *ѣ* дат. и пред. падежа послѣ *і* измѣняется по общему закону, въ *и*: *стихія*—стихіи, *витія*—витіи.

Окончаніе творит. пад. *ою*, *ею* можетъ сокращаться въ *ой*, *ей*: сестрою—*сестрой*, водою—*водой*.

Для имен. пад. мн. ч. нѣтъ собирательныхъ формъ; здѣсь служатъ обыкновенныя окончанія *ы*, *и*, которыя для отличія отъ род. пад. един. чис. передаютъ удареніе на первый слогъ, если первообразное имя имѣетъ его на послѣднемъ: сестра, род. пд. сестры̀, имен. множ. сестры, земля̀—земли̇̀—земли.

Род. пад. мн. ч. сохранилъ первообразное оконч. *ъ* — *ь* (*й* послѣ гласн.) *женъ*, *палокъ*, *земель*, *деревень*, *стихій*. Иногда для легкости выговора передъ *ь* употребляютъ бѣглую гласную *е*, и само *ь*, въ этомъ случаѣ, должно измѣниться на *й*, отчего и происходитъ оконч. *ей*; ноздрей, распрей, вожжей, вм. распрь, ноздрь, вожжь.

Третьему склоненію принадлежатъ имена съ окончаніемъ *о*, *е*. Винительный падежъ здѣсь постоянно сходенъ съ именительнымъ; прочіе же косвенные падежи сходны съ одноименными пад. 1 склон. (муж. род.). Буква *ѣ* предложн. падеж. послѣ *і* измѣняется на *и*: о веселіи, собраніи.

Именит. пад. множ. ч. оканчивается на *а*, *я*, точно такъ, какъ во всѣхъ коренныхъ языкахъ (напр. лат. и греч.) имена средняго рода: *окна*, *моря*. Впрочемъ здѣсь иногда употребляется и собирательная форма на *ья*: деревья, полѣнья. Слово *яблоко* въ народномъ говорѣ слышится съ окончаніемъ мужеск. рода *яблокъ*, и потому во множест. чис. *яблоки* вм. *яблока*. Имена уменьшительн. сред. род. во множ. ч. принимаютъ оконч. *и*, окошко — *окошки*, колечко—*колечки*. Точно такъ же мы говоримъ: солнцы вм. солнца. Удареніе и здѣсь часто отличаетъ именит. пад. мн. ч. отъ род. ед., напр. род. ед. *окна̀*, *ведра̀*. *колеса̀*; имен.

множ. *ồкна*, *вѐдра*, *колѐса*; или род. ед. *пồля, мồря*, *ồблака*, имен. множ. *полѧ̀, морѧ̀*, *облакà*.

Родит. пад. мн. ч. имѣетъ оконч. *ъ* и *й*, образовавшееся изъ *ь* послѣ гласной: *оконъ*, *чувствъ*, *имѣній, веселій.* Слова *поле*, *море* составили *полей*, *морей* съ бѣглою *е* вм. *поль*, *морь.* Окончаніе *евъ* здѣсь принимаютъ только имена собирательныя, точно такъ, какъ въ мужеск. родѣ: деревь*евъ*, полѣнь*евъ*. По ихъ примѣру говорятъ также: *вареньевъ*, *кушаньевъ*, *помѣстьевъ* вм. правильныхъ *вареній*, *кушаній*, *помѣстій*.

Четвертому склоненію принадлежатъ имена женск. рода на *ь*. Здѣсь замѣчательно сходство падежей ед. ч: имен. съ винит. *ь*, родит. съ дат. и предлож. *и*. Окончаніе творит. пад. *ью* образовалось изъ стараго полнаго окончанія *ію*: *тѣнью* (тѣнію). Бѣглая гласная *о* именит. пад., выпускаясь въ другихъ падежахъ, удерживается въ творит.: любо*вь*-люб*ви*-любо*вью*, *рожь-ржи-рожью*.

Слова *мать*, *дочь*, образовавшіяся изъ *матерь*, *дочерь*, въ прочихъ падежахъ сохранили слогъ *ер*: *матери*, *дочери* и проч.

Именит. и винит. множ. ч. кончатся постоянно на *и*, род. на *ей*.

Прочіе падежи множест. числа во всѣхъ склоненіяхъ одинаковы.

Къ пятому склоненію относятся имена, кончащіяся на юсовое *я*: *мя* (мень), *я* (ять).

Въ прочихъ падежахъ юсовое *я* въ именахъ на *мя* обнаруживается слогомъ *ен*: *времени стремени*, и проч. Въ областныхъ говорахъ употребляются уже новѣйшія формы: нѣтъ *время* (вм. времени), знамя за *знамемъ*, (вм. знаменемъ), *вымемъ*. Имъ подражаютъ и нѣкоторые писатели; сынъ *время* (Держ:) ни *время* ни охоты на это нѣтъ (Крыл.). Въ литературномъ языкѣ въ род. пад. множ. ч. употребляется искаженная форма *сѣмянъ* вм. семенъ.

Имена съ однимъ *я* (*жеребя*, *теля*) въ склоненіи возста-

новляють *т*, выпавшее изъ оконч. имен. падежа: *дитяти, жеребяти, теляти.* Впрочемъ въ современномъ языкѣ такое склоненіе употребляется только во множ. числѣ: *жеребята, телята* и пр., а для единственнаго берется оконч. *енокъ*, о которомъ мы уже говорили. Слово *дитя* мы часто стараемся подвести подъ членное или родовое окончаніе, и потому употребляемъ неправильно, говоря: *дитю, дитею, дитятею. Дитей* возили на поклонъ; ты *дитей* съ нимъ часто танцовала (Грибоѣд.); у котораго *дитя* нѣтъ (въ народныхъ пѣс.). Во множ. числѣ постоянно: *дѣти, дѣтей* и проч.

Въ пятомъ склоненіи точно такъ, какъ и въ четвертомъ для единственнаго числа существують въ современномъ языкѣ только три окончанія: именительн. и винит. *я* род., дат. и предл. *и*, твор. *емъ*. По этому образцу склоняется одно слово мужеск. рода: *путь—пути—путемъ*—кажущаяся неправильность, объясняемая историческимъ развитіемъ склоненій существительныхъ.

ОСТАТКИ СТАРЫХЪ ПАДЕЖНЫХЪ ФОРМЪ.

§ 66. *Боже, Господи, Христе, Іисусе* представляють старую форму звательн. пад., который теперь у насъ постоянно сходенъ съ именительнымъ. Обыкновенное оконч. зват. пад. мужеск. рода *е* рано стало замѣняться окончаніями другихъ падежей, напр. родит: *о горькаго времени! о грознаго часа!* (въ Словѣ о Мамаевомъ побоищѣ) или дат. *царю! утѣшителю!* Окончаніе зват. пад. женск. рода *о* слышно теперь только въ словѣ *сладыко.*

Произведенъ въ генералы, постриженъ въ монахи, отданъ въ солдаты, вышелъ въ люди и прочія, имъ подобныя выраженія. Здѣсь *генералы, монахи, солдаты, люди* представляють старую форму винит. пад. мн. ч. вм. нашихъ: *генераловъ, монаховъ, солдатъ, людей.* Точно такъ же и въ народныхъ пѣсняхъ: *былъ пиръ на многи князи, баяра и на русскіе могучіе богатыри.*

Идти за мужъ, *выдать замужъ* вм. *за мужа* — старая форма вин. пад. ед. числа.

Сосѣди, *холопи*, *черти* — старая форма имен. пад. мн. ч. на *и* вмѣсто нашего *ы*: сосѣд*ы*, холоп*ы*, черт*ы*.

Очи, *уши*, *колѣни*, *плечи*—старое двойств. число сред. рода отъ *око*, *ухо*, *колѣно*, *плечо*; здѣсь *к* и *х* передъ *и* измѣнились въ *ч*, *ш*.

Чудеса, *небеса*, отъ *чудо*, *небо* сохранили коренной слогъ *ес*, который у насъ въ единств. числѣ выпалъ. Въ старорусскомъ языкѣ слова: *небо*, *чудо*, *древо*, *тѣло*, *слово*, *коло*, утративъ въ имен. пад. ед. ч. коренной слогъ *ес*, сохранили его во всѣхъ другихъ падежахъ: р. *небесе*, д. *небеси*, т. *небесемъ*, и пр. Въ современномъ языкѣ этотъ слогъ удержался только въ словѣ *колесо* (коло), а въ другихъ сохранился въ производныхъ прилагательныхъ: *древесный*, *словесный*, *тѣлесный*, *чудесный*, *небесный*.

По дѣломъ вору и мука—старин. дат. пад. мн. ч. вмѣсто по дѣламъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

Раздѣленіе § 67. Признаки предметовъ выражаются въ языкѣ именемъ прилагательнымъ, слѣдственно оно можетъ сочетаться только съ существительнымъ, отъ котораго зависитъ его родъ, число и надежъ.

Безъ существительнаго же оно употребляется только въ среднемъ родѣ ед. ч.: видѣлъ *многое*, поетъ все *чувствительное*. Впрочемъ есть нѣсколько выраженій, гдѣ прилаг. безъ существ. употреблено въ женск. р. *за частую*, *на пропалую*, *въ плотную*. Но во многихъ выраженіяхъ существительное не договаривается *бѣдный*, *ближній* (*человѣкъ*).

Между прилагательными одни — коренныя, другія производятся отъ разныхъ частей рѣчи. Русскій языкъ особенно

передъ прочими богатъ прилагат., произведенными отъ существительныхъ; гдѣ въ другихъ языкахъ употребляется родит. пад. существительныхъ (родительный усвоенія), тамъ мы охотнѣе употребляемъ произведенное отъ него прилагательное, вмѣсто *домъ отца* (domus patris) — *отцовъ домъ*. При переводахъ съ иностранныхъ языковъ должно обращать вниманіе на это свойство русскаго языка. [1])

Окончанія первообразныя и производныя. § 68. Всѣ русскія прилагательныя имена имѣютъ три окончанія, по одному для каждаго рода. Первообразныя ихъ окончанія тѣ же самыя, какъ и въ именахъ существительныхъ родовыхъ: *ъ—а—о, ь—я—е* (*добръ—добра—добро, синь—синя—сине*). Слѣд. неправильно ихъ прежде называли усѣченными окончаніями: они старѣе нашихъ полныхъ *ый, ая, ое*. Окончанія *ый, ій* перешли въ нашъ литературный языкъ изъ старославянскаго: въ народномъ же говорѣ постоянно слышатся *ой, ей*; подъ удареніемъ мы и сами произносимъ не *ый* а *ой*: *золотой простой*.

Эти окончанія произошли отъ присоединенія стариннаго мѣстоименія 3-го лица *и* (*ь*)—*я—е*, которое сохранилось въ сложномъ мѣстоименіи *иже, яже, еже*: *добръ—добрый* (доброй—добрый), *добра—добрая, добро—доброе*. Такое происхожденіе нашего полнаго окончанія подтверждается и самымъ склоненіемъ: прилагательныя съ первообразнымъ окончаніемъ склонялись какъ существительныя: *добръ—дòбра—дòбру*; прилагательныя съ производнымъ или мѣстоименнымъ окончаніемъ стали принимать и въ косвенныхъ падежахъ окончанія мѣстоим. 3-го лица *го, му* и пр. Первыя называются также прилагательными съ *короткими* окончаніями, вторыя же прилагательными *съ долгими* окончаніями.

---

[1]) Мы не подраздѣляемъ прилагательное имя на отдѣлы, такъ какъ изъ всего наличнаго числа прилагат. является довольно такихъ, которыя возбуждаютъ недоумѣніе даже между спеціалистами, къ какому отдѣлу отнести ихъ. Эго уже показываетъ несостоятельность стараго раздѣленія прилагательныхъ.

Примѣч. Точно такимъ же образомъ греч. мѣстоименіе ος, η, ον сдѣлалось родовымъ окончаніемъ прилагательныхъ, перейдя и въ членъ, и вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему *ый—ая—ое*, равно какъ и латинское us—a—um. Изъ мѣстоименія же образовались въ новѣйшихъ языкахъ всѣ члены: le, la, il, (ille, illa), der, die, das, и пр.

Въ современномъ языкѣ мы употребляемъ оба окончанія не во всѣхъ прилагательныхъ: *добръ* и *добрый*, *красивъ* и *красивый*, а *разный*, *глазный* безъ короткаго окончанія. Первообразное окончаніе употребляется въ прилагательныхъ сказуемыхъ: *онъ добръ*, *небо сине*; производныя — въ опредѣлительныхъ: *добрый человѣкъ*, *синее небо*. Склоняются изъ нихъ теперь только послѣднія [1]).

Въ старорусскомъ языкѣ ходили оба окончанія безразлично; въ древнихъ рукописяхъ опредѣлительныя слова даже чаще встрѣчаются съ первообразными окончаніями, что̀ до нынѣ сохранилось въ языкѣ нашихъ народныхъ пѣсень: *мать сыра земля*; *бѣлъ, ясенъ соколъ*; *красна дѣвица*, или въ Словѣ о полку Игоря: *черленъ стягъ*, *бѣла хоругвь*, *сребрено стружіе*. Первообразное окончаніе употреблялось даже въ тѣхъ именахъ прилагательныхъ, которыя теперь мы иначе не употребляемъ, какъ съ окончаніемъ производнымъ, такъ у Нестора: *дѣтескъ*, *дѣвоческъ* вм. нашихъ *дѣтскій*, *дѣвическій*; въ Русской Правдѣ: *бояреск*ъ вм. *боярскій*, во многихъ памятникахъ: *отень*, *владычень* вм. *отчій*, *владычній*.

Изъ всего этого можно видѣть, что оконч. *ый—ая—ое* у насъ опредѣлились и утвердились во времена позднѣйшія, и что первоначально употреблялось одно и то же окончаніе, какъ въ существительн., такъ и въ прилагательныхъ.

И такъ въ отношеніи къ окончанію наши имена прилагательныя имѣютъ троякій видъ; 1) одни изъ нихъ прини-

---

[1]) По этому ихъ называютъ также *склоняемыми* окончаніями, а первообразныя *спрягательными*, такъ какъ они употребляются съ глаг. есмь, былъ, буду во всѣхъ личныхъ формахъ.

маютъ оба окончанія *добръ и добрый*, 2) другія могутъ стоять только съ первообразнымъ: *Петровъ*, *Лисицинъ*, 3) третьи только съ производнымъ: *сыновній*, *вчерашній*.

ОБРАЗОВАНІЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ.

§ 69. Прилагательныя, происходя отъ существительныхъ, глаголовъ и нарѣчій употребляютъ разные звуки и слоги (суффиксы), на которые мы теперь и обращаемъ вниманіе.

Звукъ *и* во многихъ языкахъ имѣетъ назначеніе переводить существительныя въ прилагательныя. Онъ исполнялъ эту должность и въ старорусскомъ языкѣ, сократившись въ ь, передъ которымъ всѣ умягчаемые звуки переходили въ соотвѣтственные придыхательные, напр. отъ существит.: *Иванъ*, *Боянъ*, *Володимеръ*, *Ярославъ*, *Всеволодъ*, *Борисъ*, *человѣкъ*, *птица*, *галка* произошли прил. *Ивань*, *Боянь*, *Володимерь*, *Ярославль*, *Всеволожь*, *Боришь*, *человѣчь*, *птичь*, *галичь*. Въ современномъ языкѣ это ь или *и*, принявъ мѣстоименное окончаніе *й*, обратилось въ *ій*, и переводитъ многія существит. въ прилаг., при чемъ измѣняются только звуки *г*, *к*, *х* и *ц*: *бѣлуга — бѣлужій*, *волкъ—волчій*, *пастухъ—пастушій*, *рыба—рыбій*, *лиса—лисій*, *птица — птичій*. Въ словахъ *ребячій*, *телячій*, *гусячій* и пр. т. п. окончаніе *ій* прибавилось къ полному неродовому окончанію *ять*, *ать* (*ребятъ*, *телятъ*), при чемъ *т* передъ *і* измѣнилось въ *ч*. Слова *кошачій* и *кошечій*, одинакія по значенію, различаются производствомъ: первое произведено отъ уменьшит. *коша*, второе же отъ *кошка*.

Замѣчательно, что производственное окончаніе *ій* не употребляется при именахъ неодушевленныхъ существъ. Впрочемъ и при одушевленныхъ вмѣсто *і* у насъ часто является слогъ *ов*, *ев*, означающій принадлежность или усвоеніе. Если усвоеніе относится къ извѣстному лицу или животному, тогда прилагательное принимаетъ первообразное окончаніе: *Петровъ*,

Ивановъ, *отцовъ*, *бобровъ*; если же къ цѣлому роду лицъ и животныхъ, тогда является мѣстоименное окончаніе *ый*: *козловый*, *слоновый*, *горностаевый*, *кузнецовый*, *писцовый*. Здѣсь должно замѣтить, что слоги *овъ* и *овый* переводятъ въ прилагательныя только мужскія имена на *ъ*, *ь*. Усвоительное окончаніе *овый* отъ лицъ и животныхъ перешло и на вещи: *дубовый*, *ольховый*, *еловый*, *домовый*. Равносильно съ окончаніемъ *овъ* употребляется въ прилагательныхъ оконч. *инъ*, которое прикладывается къ именамъ лицъ и животныхъ съ женскимъ окончаніемъ *а*, *я*, *ь*: *батюшка—батюшкинъ*, *Ѳедя—Ѳединъ*, *Васька—Васькинъ*, *Маша—Машинъ*, *птица—птицинъ*, *сова—совинъ*, и пр.

По этому же правилу составляются и наши фамиліи: къ имени съ мужеск. оконч. прибавляется *овъ*, *евъ*: *Ивановъ*, *Петровъ*, *Камышовъ*, *Волковъ*, *Каменевъ*; къ имени съ женскимъ оконч. прибавляется *инъ*: *Ѳоминъ*, *Лукинъ*, *Мышинъ*, *Лисицинъ*, *Кишкинъ*, *Шапкинъ*, *Щепкинъ*, *Неволинъ*.

Какъ оконч. *овъ* можетъ переходить въ *овый* для того, чтобы выразить принадлежность цѣлой породы, такъ точно и оконч. *инъ* переходитъ въ *иный*, которое впрочемъ можетъ прилагаться только къ именамъ животныхъ, не обращая вниманія на ихъ окончанія: *воробьиный*, *голубиный*, *орлиный*, *звѣриный*, *лошадиный*, *львиный*, *муравьиный*.

Производственный звукъ *н* имѣетъ весьма обширную область въ прилагательныхъ: онъ является во многихъ, корни которыхъ у насъ неупотребительны, напр. *блѣдный* (pallidus), *праздный*, *полный* (pleo), *пышный*, *ровный*, *черный*, *ясный*.

Съ помощію оконч. *ный* (*ной*) переходятъ многія имена существительныя въ прилагательныя: *вѣра—вѣрный*, *глава—главный*, *глазъ—глазной*. Замѣчательно, что передъ *ный* звуки *г*, *к*, *х* обращаются въ придых. *ж*, *ч*, *ш*: *влага—влажный*, *сокъ—сочный*, *смѣхъ—смѣшной*, *грѣхъ—грѣшный*. Это заставляетъ подразумѣвать передъ *ный* придыханіе,

которое въ самомъ дѣлѣ появляется въ видѣ *ь* послѣ *л*: *дѣльный*, *цѣльный*; въ польскомъ языкѣ оно выказывается постоянно.

Примѣч. Съ нашимъ окончаніемъ *ный* совершенно сходно греч. ινος и лат. inus, слѣд. *ь* передъ *ный* не что иное, какъ сократившееся первоначальное *і*.

Съ помощію звука *н* переводятся чужеземныя прилагательныя въ число нашихъ: familiaris—*фамильярный*, ideal—*идеальный*, cursive—*курсивный*, progressive—*прогрессивный*, privatus—*приватный*, и пр.

Посредствомъ оконч. *ный* переводятся въ прилагательныя даже цѣлыя выраженія: *Богу молиться* — *богомольный*, *челомъ бить* — *челобитный*, *подъ небесами* — *поднебесный*, и пр.

Звукъ *н* не рѣдко соединяется съ другими усвоительными окончаніями *ов*, *ев*, *ій*: *гречневый* (греча), *коричневый* (корица), *верховный* (верхъ), *дневный* (день), *братній* (стар. братень), *Господній* (Господень). Оконч. *ній* прилагается къ существ., означающимъ время и мѣсто: *лѣтній*, *осенній*, *утренній*, *верхній*, *дальній*, *дольній*.

Въ нѣкоторыхъ словахъ къ окончанію *ній* (нь) присоединяется еще подобное же усвоительное окончаніе *инъ*, напр. *мужній*—*мужнинъ*, *братній*—*братнинъ*, *женній*—*женнинъ*, *зятній*—*зятнинъ*.

Какъ въ причастіяхъ, такъ и въ прилагательныхъ *н* часто удваивается послѣ гласнаго звука.

Равносильно съ производственными *и*, *ов*, *н* образуетъ прилагательныя оконч. *скій*: *царскій*, *женскій*, *конскій*, *сельскій*, *успенскій*, *русскій*, *январскій*. Оно произошло изъ стараго окончанія *скый*, гдѣ *ы* послѣ *к*, по новѣйшему выговору, не могло устоять и обратилось въ *і*. Передъ оконч. *скій* скрыто придыханіе *ь*, сократившееся изъ *и* (нѣм. isch, лат. icus). Оно обнаруживается послѣ *л*: *пріятельскій*, *ангельскій*, *апостольскій*, послѣ гласной, обращаясь въ *й*: *византійскій*, *англійскій*, и послѣ *г*, *к*, *х*, которыя по

этому случаю обращаются въ соотвѣтственныя придыхательныя *ж*, *ч*, *ш*: *человѣческій*, *дружескій*, *монашескій*, гдѣ *ѣ* для облегченія выговора переходитъ въ бѣглое *е*. Въ польскомъ языкѣ это придыханіе *ѣ* передъ оконч. *скій* сохранилось во всей силѣ; поляки говорятъ: *паньскій*, *русьскій*, и пр. Въ новѣйшемъ производствѣ у насъ законъ измѣненія гортанныхъ звуковъ оставленъ безъ вниманія, особенно при именахъ иностранныхъ, наприм. *петербургскій*, *ямбургскій*, *гамбургскій;* по этому при выговорѣ мы выпускаемъ звукъ *г*, который по законамъ нашего языка передъ оконч. *скій* устоять не можетъ. Слова, составленныя въ старину, сохранились у насъ и донынѣ въ правильной формѣ: *рижскій*, *волошскій*, *греческій*, и др.

Примѣч. Наше оконч. *ѣскій* одинако съ древненѣмец. isk и съ новонѣмец. isch: Russisch, Französisch, съ гречес. ικος: βασιλικός (царскій), съ лат. icus, asiaticus (азіатскій), germanicus (германскій). Оконч. isc попадается у Тацита въ названіи народовъ: Avarisci, Narisci.. Родственное съ *искъ* встрѣчаемъ во француз. яз. оконч. esque: gigantesque, arabesque, grotesque.

Для избѣжанія неріятнаго стеченія звуковъ *ц—ск*, звукъ *к* передъ *скій* часто обращается не въ *ч* а въ *т*, которое вмѣстѣ съ слѣдующимъ *с* сливается въ *ц*, напр. *мужикъ—мужитскій—мужицкій*, *дуракъ—дуратскій—дурацкій*. Такое же измѣненіе было въ старомъ склоненіи прилагательныхъ на *скый*: *человѣческый—человѣчестіи—человѣчестый*.

Имена, кончащіяся на *скъ*: *Бѣлозерскъ*, *Архангельскъ*, *Курскъ*, *Полотскъ*, и др. сами произошли отъ прилагательныхъ на *скій*, потому вновь переходя въ прилагат., они принимаютъ только окон. *ій*, а не *скій*: *бѣлозерскій*, *архангельскій*, *курскій*, и пр.

Имена, кончащіяся на единичное *инъ*, при переходѣ въ прилагательное на *скій* теряютъ слогъ *ин*: *господинъ—господскій*, *дворянинъ—дворянскій*.

Оконч. *скій* мы употребляемъ также при латин. прилаг.

на icus и францyз. на ique для того, чтобы перевести ихъ въ русскія; здѣсь латин. слогъ ic и франц. iqu, слившись съ нашимъ *ѣскій*, произвели окончаніе *ическій*: *физическій*, (physicus, physique), *гармоническій*, (harmonicus, harmonique), *химическій*, *паническій*, и пр.

Оконч. *скій* иногда соединяется съ другимъ усвоительнымъ слогомъ *ов*, *ев*, *ин*, отъ чего происходятъ окончанія *овскій*, *евскій*, *инскій*: *воровской*, *отцовскій*, *материнскій*.

Глаголъ, переходя въ существительныя, часто употребляетъ суффиксъ *к* (*гонка*, *носка*, *ломка*); тотъ же звукъ является и при переходѣ глагола въ прилагательное, когда дѣйствіе обращается въ свойство, въ способность; обыкновенное здѣсь окончаніе *ій*: *терпкій*, *вязкій*, *ходкій*, *ломкій*. Иногда это *к* обращается въ *ч*: *гончій*, (гонка) *ловчій*, *стряпчій*, *купчій*, *пѣвчій*.

Но по большей части при переходѣ глагола въ прилагательное употребляются характеристическія окончанія причастій:

1) *ячій*, *учій*, соотвѣтствующія славянскимъ причастнымъ окончаніямъ *ящій*, *ущій*: *висячій*, *сидячій*, *лежачій*, *горячій*, *кипучій*, *трескучій*, *пахучій*, *линючій*. На *щій* оканчиваются: *работящій*, *гулящій*.

2) *Ный*: *таить* — *тайный*, *годиться* — *годный*, *видѣть*—*видный*, *слышить*—*слышный*.

Большая часть причастій на *щій* и *ный*, потерявъ значеніе причастное, сдѣлалась прилагательными: *свѣдущій*, *всемогущій*, *сущій*, *блаженный*, *священный*, *подданный*, *отчаянный*. Нѣкоторыя прилагательныя отличаются отъ причастій только удареніемъ: причаст. *уни̂женный*, *поло̂женный*, *при̂данный*, *пре̂зрѣнный*, прилагат. *униже̂нный*, *положе̂нный*, *прида̂ный*, *презрѣ̂нный*. Можно полагать, что первыя перешли къ намъ изъ ц. слав. языка, тогда какъ вторыя чисто русскія причастныя формы, сдѣлавшіяся прилагательными.

3) *лый* — производное окончаніе отъ старой причастной формы на *лъ*: *сидѣлъ*—*сидѣлый*, *кипѣлъ*—*кипѣлый*, *по-*

желтѣлъ — пожелтѣлый, *отвердѣлъ — отвердѣлый*, *смѣлъ—смѣлый*, *жилъ—жилой*, *гнилъ—гнилой*. Тѣ причастія, въ которыхъ *л* пропадаетъ, при производномъ окончаніи вновь принимаютъ его: *лѣзъ—лѣзлый*, *росъ—рослый*, *сохъ—сохлый*, *чахъ—чахлый*. Впрочемъ, въ эти прилагательныя на *лый* переходятъ не всѣ глаголы. Нѣкоторые переходятъ нѣсколько инымъ путемъ: здѣсь къ причастной формѣ *ло* или *ла* присоединяется оконч. *ный* (*ьный*): *кадило—кадильный*, *будило—будильный*, *родила—родильный*. Нѣкоторые глаголы перешли въ прилагательное черезъ существит. на *тель*: *мучить—мучитель—мучительный*, *спасти—спаситель—спасительный*, *упоить—упоитель—упоительный*.

Нарѣчія времени и мѣста переходятъ въ прилагательныя посредствомъ окончанія *шній*: *внѣшній*, *всегдашній*, *вчерашній*, *здѣшній*, *нынѣшній*, *теперешній*, и пр. Спрашивается, откуда здѣсь явился звукъ *ш*? Онъ могъ произойти только изъ окончанія *сь*, которое иногда появляется при нашихъ нарѣчіяхъ, какъ напр. *здѣсь* составилось изъ стариннаго *сдѣ*, *днесь* изъ *день*, или въ провинціальныхъ говорахъ, *лѣтось*, *ночесь*, *нынѣсь*, *вчерась*, *тутось*, и др.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ ЛАСКАТЕЛЬНЫЯ, УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЯ И УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫЯ.

Ласкательныя. § 70. Какъ въ существительныхъ для выраженія ласки употребляется оконч. *енька*, такъ въ прилагат. оконч. *енькій*: *бѣленькій*, *скоренькій*, *добренькій*, *хорошенькій*, *красивенькій*, *узенькій*. Съ этой формой соединяется и понятіе уменьшенія, какъ со всякими ласкательными названіями. Замѣчательно, что передъ *енькій* звукъ *к* прилагат. на *кій* совершенно пропадаетъ: *гладкій—гладенькій*, *короткій—коротенькій*, *сладкій—сладенькій*, *низкій—низенькій*. Ласкательныя прилагат. могутъ имѣть также и первообразное окончаніе: *енекъ—енька—енько*; здѣсь

удареніе всегда стоитъ на слогѣ ѐнь, тогда какъ въ производной формѣ оно на предъидущемъ слогѣ: *низѐнекъ—нѝзенькій, узѐнекъ—ỳзенькій, худѐнекъ—хỳденькій.*

Уменьшительныя. § 71. Прилагательныя уменьшительныя представляютъ въ предметѣ качества менѣе обыкновеннаго; всѣ они принимаютъ оконч. *оватый*: *бѣловатый, староватый, маловатый*, и пр. Съ этимъ же окончаніемъ *оватый* образуются прилагательныя изъ именъ существительныхъ, выражая извѣстное качество или свойство предмета въ малой степени: *плутоватый, мужиковатый, угловатый, мѣшковатый, ноздреватый.*

Увеличительныя. § 72. Прилагательныя увеличительныя выражаютъ качество предмета въ большей степени. Здѣсь оконч. *енькій* (*онькій*) соединяется со слогомъ *ех, еш* — *ехонькій, ешенькій: бѣлехонькій, близехонькій, скорешенькій.* Имена существ. переходятъ въ эту породу съ оконч. *авый, ивый, астый, истый*, и вносятъ въ прилагательное понятіе о множествѣ, большомъ количествѣ, или преобладаніи извѣстнаго свойства: *дырявый, лукавый, кудрявый, величавый; льстивый, игривый, спѣсивый, носатый; глазастый, губастый, зубастый, волнистый, голосистый, тѣнистый, льдистый, мозолистый, мясистый.* Но производныя прилагательныя на *атый* не выражаютъ увеличенія: *женатый, крылатый, рогатый.* Къ нимъ относятся и прилаг. на *итый, овитый*, означающія не болѣе, какъ имѣющаго извѣстное качество или свойство: *именитый, сановитый, домовитый, ядовитый.*

Глаголы переходятъ въ прилагательныя, выражающія преобладаніе извѣстнаго качества, по большей части, посредствомъ оконч. *ивый*, соединяя его съ звукомъ *ч* или *л* — *чивый, ливый: бранчивый, вспыльчивый, находчивый, заносчивый, сговорчивый; терпѣливый, молчаливый, тоскливый, хвастливый, пискливый, крикливый.*

СТЕПЕНИ СРАВНЕНІЯ.

Раздѣленіе. § 73. Предметы могутъ быть сравниваемы между собою въ одномъ и томъ же качествѣ, отъ чего въ прилагательныхъ произошли степени сравненія:

1) *Положительная*, представляющая нормальное качество въ предметѣ безъ всякаго отношенія его къ другому предмету; это—прилагательное съ своимъ обыкновеннымъ окончаніемъ.

2) *Сравнительная*, представляющая сравненіе между двумя предметами, изъ которыхъ въ одномъ извѣстное качество преобладаетъ.

3) *Превосходная*—для выраженія преобладанія извѣстнаго качества въ предметѣ, сравнительно со всѣми ему подобными.

Само собою разумѣется, что только тѣ прилаг. могутъ имѣть эти степени, въ которыхъ выражаемыя ими качества возможно сравнивать въ предметахъ.

Признаки сравнительной степени. § 74. Отличительнымъ признакомъ для сравнительной степени служитъ слогъ ѣ*йш* (съ удареніемъ): здѣсь послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* буква *ѣ* по общему закону измѣняется въ *а*—*айш*. Это окончаніе прибавляется къ корню прилагательнаго, при чемъ всѣ умягчаемые звуки отъ вліянія *ѣ* переходятъ въ соотвѣтствующіе придыхательные: *добрый*—*добрѣйшій*, *легкій*—*легчайшій*, *дорогой*—*дорожайшій*.

Сокращеніе формы сравнительной степени ѣ*йшь* мы замѣчаемъ уже въ первыхъ нашихъ рукописяхъ. Какъ въ причастіяхъ дѣйствительныхъ въ имен. пад. неслышны были звуки *щ* и *ш* (*дѣлаяй* вм. *дѣлающій*, *хранивый* вм. *хранившій*), такъ и въ сравнительной степени исчезало *ш*, и являлось окончаніе *ѣй* или *ѣе*: *старѣй*—*старѣе*, *честнѣй*—*честнѣе*. Въ ц. славян. яз. употребительнѣе было оконч. *ій*: *болій*, *мній*, *старій*.

Послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, вмѣсто *ѣе* употреблялось оконч. *ае*, какъ вмѣсто *ѣйшій—айшій;* нынѣ оно превратилось въ *е*. Еще наши писатели прошедшаго столѣтія употребляли форму на *ае*, какъ напр. *Кантемиръ*, *Тредьяковскій*, *Сумароковъ*, *импер. Екатерина II.* и др.: *кратчае*, *мельчае*, *строжае*; нынѣ мы говоримъ: *кратче*, *мельче*, *строже*. *Е* употребляется въ нѣкоторыхъ словахъ и вмѣсто *ѣе* послѣ *л*, *р*: *старе*, *боле*, *тяжеле*. Въ старину послѣ *л*, *н*, *р* допускалось также измѣненіе *ѣе* на *яе*: *скоряе*,*свѣтляе*, *смирняе*; нынѣ: *скорѣе*, *свѣтлѣе*, *смирнѣе*.

Въ нѣкоторыхъ словахъ изъ полной формы *ѣйшь* уцѣлѣлъ только звукъ *ш*, отъ чего явилось окончаніе *ше* и *шій*: *старше—старшій*, *меньше—меньшій*, *больше—большій*, *дальше—дальшій*, *лучше—лучшій*, и пр.

Прилагат. на *кій* при переходѣ въ сравнительную степень теряетъ свое *к*: *тонкій—тонше*, *высокій—выше*, *широкій—шире*, *жидкій—жиже*, *гладкій — глаже*, *узкій — уже*. Прилаг. происшедшія отъ существ. и нарѣчій не могутъ имѣть степеней сравненія, тогда какъ отглагольныя, въ которыхъ дѣйствіе превратилось въ постоянное свойство или качество, принимаютъ и сравнительныя формы: *ходкій — ходче*, *звонкій—звонче*, *робкій—робче*. *тряскій—трясче*. Впрочемъ не всѣ изъ нихъ употребительны. Замѣтимъ, что здѣсь *к* никогда не отбрасывается, а измѣняется въ *ч*.

Иногда для нѣкотораго усиленія мы прибавляемъ къ сокращенной или неопредѣленной формѣ сравнительной степени предлогъ *по*: *побольше*, *подальше*, *похуже*, *похитрѣе*. Здѣсь *по* принимаетъ значеніе нарѣчій: *немного*, *нѣсколько*.

Превосходная степень. § 75. Превосходная степень въ русскомъ языкѣ потеряла свою особенную форму. Въ народномъ говорѣ иногда слышится окончаніе *ущій*, соотвѣтствующее окончанію увеличительныхъ существительныхъ на *ище*, напр. *большущій*, *злущій*, *завидущій*, *тмущій*. Но обыкновенно для выраженія превосходства, мы употребляемъ форму

сравнительной степени, и отличаемъ одну отъ другой такимъ образомъ: при сравнительной ставимъ имя того предмета, который беремъ для сравненія: *лучше меня*, *богаче*, *чѣмъ Крезъ*, а превосходная можетъ стоять отдѣльно или съ мѣстоим. *всѣхъ*, иногда съ предлогами *изъ*, *передъ*, *между*, чего не допускается при сравнительной: *добрѣйшій изъ всѣхъ*, *добрѣйшій между людьми*, *лучше всѣхъ*.

Нѣкоторыя изъ нашихъ словъ сравнительной степени сдѣлались исключительнымъ выраженіемъ превосходной, напр. слова, имѣющія двоякую сравнительную форму: *великій* и *большой*—*большій* (сравн.) — *величайшій* (превосх.); *низкій*—*низшій* (сравн.) — *нижайшій* (прев.), *высокій* — *высшій* (сравн.)—*высочайшій* (прев.) и проч. Обыкновенно же сокращенная форма есть собственность сравнительной степени, а полная чаще выражаетъ превосходную.

Для выраженія превосходства употребляются также мѣстоим. *самый*, *все*, нарѣч. *очень*, *весьма* и частицы *пре*, *наи*; нарѣчіе говорится съ положительной степенью, а прочія съ положительной и сравнительной: *самый хорошій*, *самый лучшій*, *пресвѣтлый*, *пресвѣтлѣйшій*, *всемилостивый*, *всемилостивѣйшій*. Также употребляются выраженія *что ни есть лучшій*; *куда* онъ у тебя *завидная* скотина (Крыл.).

Особыя формы. § 76. Замѣчательно, что прилагательныя, выражающія понятіе хорошаго, дурнаго, великаго, малаго, многаго, во всѣхъ сродныхъ языкахъ имѣютъ особыя степени сравненія: *хорошій*—*лучшій*, ц. сл. *добрый*—*уній*—*уншій*; *злый*—*горшій*; *большой*, *великій*—*большій*, *вящшій*; *малый*—*меньшій*—*мній* (ц. сл.).

Примѣч. Для сравненія приводимъ изъ другихъ языковъ: нѣм. gut—besser, фран.—bon—meilleur, латин. bonus—melior—optimus; *ἀγαθός* — *ἀμείνων* — *ἄριστος*, *βελτίων* — *βέλτιστος*, *κρείσσων*—*κράτιστος*, *λῴων*—*λῷστος*; фр. mauvais—pire, лат. malus—pejor—pessimus, греч. *κακός*—*χείρων*, *ἥσσων*—*ἥκιστος*; фр. petit—moindre, лат. parvus—minor—minimus, греч. *μικρός*—*ἐλάσσων*, *ἐλάχιστος*, *μείων* — *μεῖστος*; нѣм. viel—

mehr — meist, фр. plus, лат. multus—plus—plurimus, греческ. *πολύς—πλεῖον—πλεῖστος*.

СКЛОНЕНІЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ.

§ 77. Первобразное окончаніе прилагательныхъ сходно съ окончаніемъ существительныхъ, и потому склоненіе ихъ было одинаково: *Новъ-городъ—Нова города*, *Нову-городу*, *Новомъ-городомъ*, *о Новѣ-городѣ*. Нынѣ такимъ же образомъ склоняются имена, не принявшія производныхъ окончаній: *Лисицинъ*, *Петровъ*, *женнинъ*, и проч., заимствовавъ впрочемъ творит. и предл. пад. един. ч. и всѣ косвенные падежи множ. у склоненія производныхъ *женниными*, *о женниномъ*, *женниныхъ* и проч. Фамиліи же на *инъ* и *овъ* сохранили въ предлож. пад. един. чис. *ѣ*: *о Петровѣ*, *о Лисицинѣ*. Женскій родъ сохранилъ только первообразный винит. надежъ, а во всѣхъ другихъ косвенныхъ пад. подвергся вліянію склоненій мѣстоименныхъ.

Имена, принявшія производное окончаніе, заимствуя его отъ мѣстоименій 3-го лица, приняли и въ косвенныхъ пад. окончанія того же мѣстоименія: *го*, *му*, *имъ* и т. д. Съ первообразнымъ окончаніемъ они ходятъ только съ дательн. пад. муж. рода при глаголѣ *быть: быть кротку*, *добру*, *любиму*. Удержало первообразное склоненіе слово *Божій*: *Божія*, *Божію*, также и *Божіяго*, *Божіему*.

Вотъ въ какомъ видѣ первоначально явилось склоненіе производныхъ окончаній:

	единственное число.			множествен. число.		
	муж.	жен.	сред.	муж.	жен.	сред.
И.	добрый.	добрая.	доброе	добріи	добрыя	добрая.
Р.	добрааго.	добрыя.	добрааго.	—	добрыихъ	—
Д.	добруму.	добрѣй.	добруму.	—	добрыимъ	—
В.	добрый.	добрую.	доброе.	добрыя	добрыя	добрая.
Т.	добрыимь.	доброю.	добрыимь.	—	добрыими	—
П.	добрѣемь.	добрѣй.	добрѣемь.	—	добрыихъ	—

Прилаг. сказуемое и опредѣлит. отличаются между собою

удареніемъ *свѣтёлъ* мѣсяцъ и *свѣтелъ* мѣсяцъ, *синѐ* море и *сӣне* море.

Сходно съ этимъ склоненіемъ, которое можно назвать мѣстоименнымъ, образовалось и наше нынѣшнее. Впрочемъ въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказскахъ и теперь слышатся старыя формы какъ един. такъ и множ. числа *добрыихъ, добрыимъ*. Оконч. женск. рода родит. пад. *ой* вм. *ыя* могло составиться изъ стариннаго же окончанія *оя*: *тоя*, *одноя*.

Именит. пад. множ. чис. муж. рода *іи* сохранился только въ именахъ на *ій*: *рыбьи*, *человѣчьи*, *слоновьи*, и употребляется для всѣхъ трехъ родовъ. Эти же имена во всѣхъ падежахъ сокращаютъ *і* въ *ь*: *рыбьяго*, *рыбьему* и проч. Нынѣшнее окончаніе имен. пад. множ. чис. звучитъ одинаково во всѣхъ родахъ; различіе же между *ые* и *ыя*, и *іе* и *ія* не филологическое, а условное. Въ рукописяхъ XV и XVI стол. оконч. *ыи*, *ые*, *ыя* употреблялись безразлично; въ послѣдствіи чаще другихъ стало встрѣчаться оконч. *ыя*. Передъ Ломоносовымъ въ тридцатыхъ годахъ (XVIII ст.) въ книгахъ, издаваемыхъ Академіею Наукъ, стало появляться окончаніе *ые* для мужескаго рода въ отличіе отъ женск. и средн., которымъ оставлено оконч. *ыя*, не смотря на то, что не всѣ писатели хотѣли слѣдовать этому правилу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.

Происхожденіе количественныхъ. § 78. Имя числительное выражаетъ число или счетъ однородныхъ предметовъ: на вопросъ *сколько* оно есть *количественное*, на вопросъ *который*—*порядковое*.

Коренныя числительныя имена—только первыя десять количественныхъ. Дальнѣйшее счисленіе ведется посредствомъ

различнаго соединенія этихъ десяти. Сличая названія нашихъ единицъ съ названіями въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, мы замѣчаемъ, что всѣ они подобозвучны, изъ чего заключаемъ, что ихъ происхожденіе принадлежитъ глубокой древности [1]).

Счисленіе втораго десятка произошло съ помощію предлога *на*: наши *одинадцать*, *двѣнадцать*, *тринадцать* и т. д, сократились изъ старинныхъ *одинъ на десять*, *два* или *двѣ на десять*, *три на десять* и проч. Слѣдующіе за тѣмъ десятки: *двадцать*, *тридцать*, составились изъ *двадесять*, *тридесять*, въ которыхъ *два*, *три* какъ прилагательныя соединились съ *десять*, какъ съ существительнымъ. Вмѣсто древняго *четыредесять*, въ русскомъ языкѣ употребительно слово *сорокъ*, сокращенное изъ греческаго *тессараконта* (τεσσαράκοντα—сорокъ). Въ словахъ *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ* и пр. слово *десять* прибавляется, какъ существительное къ существительному, принимая окончаніе *родит. пад.* Девяносто сократилось изъ *девятьдесятъ*, равно какъ *сто* изъ *десять*.

Двѣсти произошло отъ старинпаго двойственнаго числа *двѣ стѣ*. Въ числахъ *триста*, *четыреста* имя *сто* является въ формѣ род. пад. един. ч. Подобно какъ *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ* составились числа *пятьсотъ*, *шестьсотъ* и проч.

Склоненіе количественныхъ. § 79. Числительное количественное *одинъ*, переходя въ женскій и средній родъ или въ косвенные падежи, теряетъ *и*: *одна*, *одно*, *одного*, *одни* и проч., хотя *и* здѣсь принадлежитъ корню, что видно въ словѣ *инокъ* (отъ старин. *инъ—одинъ*). Въ ц. сл. языкѣ не замѣтно этого опущенія: *единъ—едина—едино—единаго* и проч. Въ склоненіи употребляются падежныя производныя окончанія прилагательныхъ. Впрочемъ въ родит. пад.

[1]) См. прилож. къ X т. Запис. имп. акад. наук. статью Шлейхера «Темы именъ числительн. въ литво-славянскомъ и нѣмец. языкахъ.»

вмѣсто *аго* у насъ постоянно пишется *ого*. Во множ. числѣ сохраняется во всѣхъ падежахъ различіе между мужеск. и женск. родомъ: *одни* и *однѣ*, *однихъ—однѣхъ*; но въ старыхъ рукописяхъ, равно какъ и въ народномъ говорѣ, мы не замѣчаемъ подобнаго различія: обѣ формы употреблялись безразлично и даже чаще съ оконч. *ѣ* для всѣхъ родовъ.

Два и *двѣ* представляютъ намъ имен. и вин. падежи стариннаго двойственнаго числа, котораго род. и пред. были *дву*, дат. и твор. *двѣма*. Въ современномъ склоненіи для род., дат. и пред. падежей къ прежнему *дву* прибавляются окончанія прилагательныхъ множ. числа: *двухъ*, *двумъ*; но творит. пад. получилъ окончаніе *мя*, которое является и въ числительныхъ три, четыре: *двумя*, *тремя*, *четырьмя* (четыремя). Вѣроятно это есть древнѣйшая форма творит. падежа, которая сохранилась также въ производныхъ нарѣчіяхъ: *ливмя*, *стоймя*.

Три, *четыре* въ склоненіи также принимаютъ окончанія прилагательныхъ множ. числа (исключая твор. пад.), соединяясь съ ними съ помощію гласной *е*: *трехъ—тремъ*, *четырехъ—четыремъ* и проч.

Прочія числит. количественныя на *ть* склоняются какъ существительныя женскаго рода съ неродовымъ окончаніемъ *ь* въ единственномъ числѣ.

Примѣч. Въ Остромировомъ Евангеліи эти числительныя являются дѣйствительно какъ имена женск. рода: *приобрѣте другую пять талантъ*.

Этимъ же числительнымъ въ склоненіи подражаютъ и сложныя имена *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ*, *семьдесятъ*, *осемьдесятъ*, при чемъ и первыя числа *пять*, *шесть* и проч. также склоняются: *пятидесяти*, *пятьюдесятью*. Отдѣльно же склоняются *двѣсти*, *триста* и т. д., принимая окончанія множ. числа существительныхъ: *двухъ сотъ*, *двумъ стамъ*, *двумя стами*.

Сочетаніе количественныхъ съ именами. § 80. Въ

сочетаніи числительныхъ количественныхъ съ именами являются слѣдующія особенности:

1. Имя, при числит. *два*, *три*, *четыре*, въ именит. и винит. пад. принимаетъ форму родит. пад. един. числа: *два человѣка, двѣ жены, три окна*; тогда какъ въ прочихъ падежахъ оно принимаетъ окончанія множ. числа: *двухъ человѣкъ, двумя женами, въ трехъ окнахъ*.

Примѣч. Оконч. муж. рода *а* (человѣка) могло бы навести на мысль, что оно есть остатокъ стараго двойств. числа, но это не оправдывается женскимъ и среднимъ родомъ, которые для двойственнаго числа имѣли окончаніе *ѣ*, а не *а* и не *ы*.

2. При прочихъ числит. количествен. въ имен. и винит. пад. имя принимаетъ форму родит. пад. множ. числа, а въ другихъ косвенныхъ падежахъ склоняется, какъ при прилагательныхъ: *пять человѣкъ, пяти человѣкъ, пятью человѣками*.

3. *Сорокъ*, *девяносто*, *сто*, будучи съ именемъ, въ косвенныхъ падежахъ постоянно остаются въ формѣ родит. пад. *сорока человѣкамъ*, *девяноста женами*, *во ста душахъ*.

4. Числит. количественныя (кромѣ *одинъ*), слагаясь съ именемъ въ одно слово, принимаютъ форму род. пад.: *двухъэтажный*, *четырехъмѣстный*, *пятиаршинный*. Слова *треугольный*, *четыремѣстный* есть уже сокращеніе. Вмѣсто *двухъэтажный* можно употребить другое также правильное слово *двуэтажный*, подобно какъ *двусмысленный*, *двусторонній*, *двугривенный*. Здѣсь слово *дву* есть старинный род. пад. (двойствен. числа) отъ *два*. Подобный же родит. падежъ имѣетъ *полъ-полу*, который всегда употребляется въ сложеніи съ именами: *полубогъ*, *полубаринъ*, *полукафтанье*, *полумѣсяцъ*. Только въ словахъ *полдень* и *полночь* въ имен. пад. не сохранилось *у;* въ косвенныхъ же оно снова является. Въ словѣ *двоюродный*—первая часть *двою* есть также род. пад. двойствен. числа отъ *двое*. Подражая ему, мы составили слова: *троюродный*, *четвероюродный*.

Числительное можетъ согласоваться съ сказуемымъ и грамматически и логически, въ первомъ случаѣ сказуемое ставится въ среднемъ родѣ: *пришло* семь человѣкъ (грам.), *пришли* семь челов. (логич.). Прилаг. при числит. колич. можетъ стоять и въ имен. и въ род. пад., но послѣднее употребительнѣе: три *большихъ* дома и три *большіе* дома.

Числительныя порядковыя. § 81. Изъ числит. порядковыхъ только *первый* не можетъ назваться производнымъ отъ количественнаго. Корень его *пр* общій во всѣхъ языкахъ индоевропейскихъ.

Примѣч. Французское premier произошло отъ лат. prior-primus, которое въ родствѣ съ гречесс. πρῶτος. Здѣсь частицы pri, πρω и наше *предъ* имѣютъ одинакое значеніе..

Всѣ прочія числит. порядковыя произошли отъ количественныхъ. Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ образованіе слова *второй*: изъ числит. *два* остался только звукъ *в*, а *д* выпалъ отъ трудности выговора. Замѣчательно, что во многихъ языкахъ для образованія числительныхъ порядковыхъ употребляются признаки степеней сравненія, напр. въ нѣмецкомъ языкѣ признакъ превосходной степени ste, te: erste, zweite, zwanzigste и проч. или франц. ième (deuxième, troisième) родственное латинск. imus. Лат. prior выражаетъ сравнительную степень—*первый изъ двухъ*. Для выраженія *второй* въ греч. языкѣ также употребляется форма сравнит. степени *тер* (τερ). Сходно съ греческимъ словомъ (δεύτερος) та же форма выказалась и у насъ въ словѣ *второй*. Слогъ *тор* здѣсь не что иное, какъ древнѣйшая индоеврон. форма сравнит. степени; она у насъ обнаружилась еще въ словѣ *который* и въ старин. *етеръ* (нѣкоторый) [1].

Равнымъ образомъ *третій*, *четвертый* (греч. τρίτος, τε-

---

[1]) Шлейхеръ производитъ *второй* отъ основной формы an-tara (an—указат. мѣст. и tar суффиксъ сравнит. степ.), гдѣ *an* какъ носовой звукъ у насъ перешло въ *у*, которое въ свою очередь измѣнилось въ *в*.

τέταρτος, лат. tertius, quartus) въ оконч. *тій, тый* представляютъ признаки древнѣйшей превосходной степени. *Четыре* могло произвести *четвертый* по родству *ы* съ *в*.

Для образованія прочихъ числит. порядковыхъ обыкновенно присоединяется къ количественнымъ оконч. *ый* (*ой*): *пятый*, *шестой*, *седьмой*, (отъ стар. *седмь*).

Составное количеств. имя, въ которомъ каждое число склоняется особенно (пятьдесятъ, двѣсти и проч.), переходитъ въ порядковое черезъ родит. падежъ: *пятидесятый*, *шестидесятый*, *двухъсотый*, *трехъсотый* и пр.

Сорокъ, *тысяча*, *милліонъ* (отъ mille millium) принимаютъ усвоительные слоги прилагательныхъ *ов*, *н*: *сороковой*, *тысячный*, *милліонный*.

При стеченіи нѣсколькихъ чиселъ въ современномъ русскомъ языкѣ только одно послѣднее переводится въ порядковое, а предъидущія остаются количественными и не склоняются, наприм. въ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ *четвертомъ* году.

Числит. порядковыя имена склоняются какъ прилагательныя.

Числительныя дробныя, собирательныя и раздѣльныя. § 82. Для выраженія частей цѣлаго въ русскомъ языкѣ употребляются только четыре особенныя слова: *половина*, *треть*, *четверть*, *осьмуха*; для прочихъ же обыкновенно берется числительное порядковое въ женск. родѣ, при чемъ подразумѣвается существ. *доля*: *одна пятая* (доля), *пять шестыхъ* (долей), *семь восьмыхъ* и проч. Такія числительныя мы называемъ *дробными*.

Слово *полтора* произошло изъ *полвтора*; при склоненіи *пол* по обыкновенію принимаетъ оконч. род. пад. *у*: *полутора*, *палутору* и проч.

Имена числит. *собирательныя—оба—обѣ* (двойств. число) *двое*, *трое*, *четверо*, *пятеро*, *шестеро*, *семеро*, и т. д.

Для счисленія *раздѣльныхъ* количествъ употребляемъ предлогъ *по*: *поодному*, *подва*, *потри* и проч. (лат. bini, terni, и проч.). Впрочемъ эти слова уже переходятъ въ нарѣчіе.

Переходъ числительныхъ въ другія части. § 83. Имена числительныя могутъ переходить въ глаголы, существительныя, прилагательныя и нарѣчія. При переходѣ въ глаголы употребляется соединительное *и* и слогъ *ов*: *уединить* (единъ), *удвоить* (двое), *утроить* (трое), *учетверить* (четверо), *четвертовать* (четверть) и пр.

Для производства существительныхъ служатъ ихъ производственныя окончанія *окъ*, *икъ*, *никъ*, *акъ*, *ка*, *ия*, *ина*: *пятокъ*, *десятокъ*, *осмерикъ*, *пятакъ*, *четвертакъ*, *двойка*, *тройка*, *единица*, *троица*, *четверня*, *сотня*, и проч.

Для производства прилагательныхъ служатъ производственныя ихъ окончанія: *двойной*, *тройной*, *сотенный*, *двоякій*, *трояхій*, *вторичный*, *двойственный* и проч.

Собственное окончаніе числительныхъ нарѣчій есть *жды* и *ью*: *однажды*, *дважды*, *трижды*, *четырежды*, *пятью*, *шестью* и пр.; всѣ они отвѣчаютъ на вопросъ *сколько разъ*. На вопросъ же *во сколько разъ* отвѣчаютъ числител. нарѣчія: *вдвое*, *втрое*, *въ пять разъ* и проч.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

МѢСТОИМЕНІЕ.

Происхожденіе. § 84. Въ природѣ существуетъ множество однородныхъ предметовъ. Необходимость представить то ихъ число, которое мы имѣемъ въ виду при мышленіи, произвела въ языкѣ имя числительное; необходимость чѣмъ нибудь отличить въ нашихъ мысляхъ тотъ или другой изъ однородныхъ предметовъ произвела *мѣстоименіе*. И такъ мѣстоименіе представляетъ ни названіе предмета, ни его признакъ, а только условное его отличіе отъ другихъ предметовъ; оно опредѣляетъ предметъ, или показывая отношеніе его къ мыслящему лицу, или указывая на него, или ограничивая его и пр.

Замѣчательно, что всѣ индоевропейскіе языки имѣютъ одинакія мѣстоименія. Такое единство ясно доказываетъ, что они уже развились въ первоначальномъ языкѣ, какъ необходимыя при мышленіи.

Такъ какъ опредѣленіе совершается съ разными цѣлями и разными способами, то и мѣстоименіе подраздѣляется на: *личное*, *возвратное*, *вопросительное*, *относительное*, *указательное*, *притяжательное* или *усвоительное*, *опредѣлительное*, *неопредѣленное* и *отрицательное*. Одни изъ нихъ существуютъ у насъ какъ коренныя, другія какъ производныя.

Мѣстоименныхъ корней у насъ не много; всѣ они состоятъ изъ одного или двухъ звуковъ, какъ то: *аз*, *мъ*, *тв*, *и*, *св*, *он*, *к*, *т*, *с*, *ов*, *ин*, *сам*.

Личное мѣстоименіе. § 85. Наше мѣстоименіе перваго лица *я* сократилось изъ *язъ*, которое есть не что иное, какъ смягченное выговоромъ коренное *азъ*. Подобное сокращеніе мы замѣчаемъ и въ другихъ новѣйшихъ языкахъ, такъ француз. je изъ латин. ego, англ. J изъ древн. *ік*. (нѣм. ich).

Примѣч. Въ славянскомъ мѣстоименіи *азъ* звукъ *з* есть смягченный придыханіемъ изъ *г*, которое видно въ лат. ego, въ греч. ἐγὼ, въ санскр. *агамъ*; подобное же смягченіе является и въ зендскомъ *aзeмъ*.

Во всѣхъ индоевр. языкахъ для косвенныхъ падежей является новый коренной звукъ *м*, который мы уже видѣли въ окончаніи перваго лица настоящаго времени. Въ русскомъ языкѣ къ этому *м* присоединяется еще другой звукъ *н*, который въ родственныхъ языкахъ является только во множ. числѣ (nos, nous); у насъ родит. и вин. пад. *меня* (стар. *мене*), дат. и пред. *мнѣ* (стар. *ми*), творит. *мною*. Старинный винит. пад. *мя* скрываетъ въ своемъ юсовомъ *я* носовой звукъ винительнаго падежа. Имен. пад. множ. числа у насъ сохранилъ тотъ же звукъ *м*, который въ другихъ языкахъ замѣняютъ *н* и *в* (nos, nous, vir). Въ словѣ *мы* звукъ

ы родственъ съ носовымъ *ѧ*, что мы видимъ въ спряженіи существительнаго глагола; *есмы* и *есмѧ* (греч. ἔσμεν).

Въ родит., винит. и предл. падежахъ *насъ* является новый звукъ *с*, который встрѣчаемъ и въ родственныхъ языкахъ, напр. нѣмец. uns, фран. nous, происшедшее изъ лат. nos. Въ дат. пад. *намъ* и въ твор. *нами* звукъ *м* принадлежитъ падежному окончанію флексіи. Въ старинномъ дательномъ *ны м* скрылось въ носовую гласную, обратившуюся въ *ы*, подобно тому, какъ въ старинномъ вин. *ны* скрылось *н*, принадлежащее оконч. винит. падежа.

Въ мѣстоименіи втораго лица *ты* звукъ *ы*, соотвѣтствующій въ родственныхъ языкахъ *у* (tu, du), произошелъ изъ кореннаго звука *в*, который является въ нѣкоторыхъ первообразныхъ языкахъ во 2-мъ лицѣ (напр. санскрит, tvam) и въ нашемъ мѣстоименіи *твой*. Это *в* въ косвенныхъ падежахъ един. числа у насъ замѣняется близкою по звуку *б*, при чемъ являются бѣглыя гласныя *е* и *о*: *тебя* (стар. *тебе*), *тебѣ* (стар. *ти*), *тобою* и проч. Въ старинномъ винит. *тѧ* скрывается носовой звукъ.

Примѣч. Въ латин. языкѣ также является звукъ *б*: tibi:

Во множеств. чис. у насъ, какъ и во многихъ родственныхъ языкахъ, является одинъ коренной звукъ *в*; окончанія косвенныхъ падежей такія же, какъ и въ первомъ лицѣ: *вы* (vos, vous); *васъ*, *вамъ*, *вами* и пр.

Первообразное мѣстоименіе третьяго лица было *и*, *я*, *е*, которое видно въ сложномъ ц.слав. мѣстоименіи *иже*, *яже еже*, и которое мы теперь употребляемъ при прилагательныхъ, образуя такъ называемое полное окончаніе. Наше мѣстоименіе 3-го лица *онъ-она-оно-они-онѣ* произошло изъ указательнаго, которое въ послѣдствіи было употребительно только съ производнымъ окончаніемъ: *оный оная-оное*, а нынѣ считается устарѣлымъ. Косвенные падежи всѣ сохранились коренные отъ *и-я-е*: *его*, *ея*, *ему*, *ей*, *ихъ*, *имъ* и пр. Старинный вин. пад. един. чис. *и-ю-е* и множ. *я* у насъ замѣнился родительнымъ. Винит. жен. р. *ее* отличается отъ родит. *ея*

только на письмѣ, но не филологически: здѣсь *я* въ говорѣ перемѣнилось на *е*. Послѣ предлоговъ всѣ эти мѣстоименія принимають въ началѣ благозвучное *н*: *о немъ*, *отъ нея*, *за нимъ*, *при нихъ* и пр. Такимъ же образомъ составились и ц.сл. слова *занъ* (за-и-н), *заню*, *зане*.

Въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ замѣчательно употребленіе мѣстоименія *онъ* при подлежащемъ, гдѣ оно кажется вовсе лишнимъ, напр. «А втапоры *Волхвъ онъ* догадливъ былъ», «Доселева *Рязань она* селомъ слыла», «Которы *молодцы они* поглавнѣе срѣзали чембуры шелковыя». Здѣсь *онъ* употребляется скорѣе какъ мѣстоименіе указательное въ смыслѣ члена.

Возвратное мѣстоименіе. § 86. Возвратное мѣстоименіе *себя* у насъ принадлежитъ всѣмъ тремъ лицамъ, тогда какъ въ другихъ языкахъ только одному третьему. Оно у насъ показываетъ отношеніе лицъ къ самимъ себѣ, и потому, неимѣя возможности быть подлежащимъ, не имѣетъ и именительнаго падежа. Его корень есть *св*, что видно въ производномъ мѣстоименіи *свой*; слѣдственно оно образовалось подобно мѣстоим. *ты*, потому сходится съ нимъ и въ склоненіи: *себя*, *себѣ*, *собою*. Эти три формы заключаютъ въ себѣ какъ единств. такъ и множ. число. Старинный дательный падежъ *си* у насъ остался только въ словѣ *во свояси*, и болѣе нигдѣ не употребляется; старинный винит. сѧ (ся) является теперь только при глаголахъ, сокращаясь послѣ гласной въ *сь* (дѣлаться, дѣлаюсь). Въ старорусскомъ языкѣ *ся* могло стоять отдѣльно отъ глагола впереди или позади него, раздѣляясь нѣсколькими словами: напр. *ся кланяетъ* вм. *кланяется*; *на ниче ся годины обратиша* вм. *обратишася*; въ современномъ же языкѣ *ся* нераздѣльно сливается съ глаголомъ. Возвратное *себя* вообще означаетъ отдѣльность, сосредоточенность предмета въ себѣ самомъ. Отъ него произошло слово *особа*, прекрасно выражающее понятіе недѣлимаго, отдѣльнаго отъ всѣхъ, живущаго своею жизнію. Вы-

раженіе *по себѣ* означаетъ *отдѣльно*: «а голова его по себѣ лежитъ, руки, ноги разбросаны» (Др. рус. стих.); при глаголахъ мѣстоим. *себѣ—собою* выражаютъ отдѣльное, сосредоточенное въ предметѣ дѣйствіе: «*думаетъ себѣ разумомъ своимъ: а самъ сѣ* (простонар. сокращ. *себѣ*) *молодецъ размышляетъ; а и сталъ ть то рѣчи размышляти собою*» (Древн. рус. стих.).

Вопросительное и относительное. § 87. Во всѣхъ индоевр. языкахъ въ мѣстоименіяхъ вопросительныхъ кореннымъ звукомъ является *к*, который у насъ переходитъ и въ *ч*. Наши первообразныя вопросительныя мѣстоименія — *къ*, *чь*. Будучи безгласными, они приняли къ себѣ приставки для легкости выговора: съ производнымъ оконч. они обратились въ *кой* (кый) и *чей* (чій); первое въ косвенныхъ падежахъ вездѣ удерживаетъ *о*; второе же обращаетъ *е* въ *ь*: *коего, чьего* и пр. Соединившись съ мѣстоименіемъ указательнымъ *то*, часто служащимъ у насъ вмѣсто опредѣленнаго члена, они обратились въ *кто*, *что*, но сохраняютъ его только въ именит. падежѣ; въ косвенныхъ же удержали первообразную форму: *кого*, *чего*, и пр. Множ. число не отличается отъ единственнаго.

Для того, чтобы произвести мѣстоименіе, вопрошающее о качествѣ, при коренномъ *к* явился производственный слогъ *ак*: *какой* (древн. форма: *какъ—кака—како*); иногда къ нему прибавляется другой прилагательный слогъ *ов*: *каковъ*, *каковой*; въ простонародномъ говорѣ слышится еще третій прилагательный слогъ *скій*: *каковскій*. *Какой* не всегда согласуется въ числѣ съ именемъ, къ которому относится: *человѣкъ какихъ* мало.

Въ мѣстоимен. *который* слогъ *тор*, прибавленный къ коренному *къ*, выражаетъ то же, что и въ числительномъ *второй*. Онъ есть древній признакъ сравнительной степени, сохранившійся въ нѣкоторыхъ родственныхъ языкахъ (см. § 81). Первоначальное значеніе *который*, вѣроятно, было *который изъ двухъ*, но теперь значеніе *тор* забыто.

Вмѣсто *который* иногда употребляютъ *что*: того самого, *что* былъ комендантомъ (Пушк.).

Примѣч. Въ санскрит. яз. *катарась* означало: *кто изъ двухъ.*

Мѣстоим. вопросительныя во всѣхъ языкахъ переходятъ въ относительныя. Замѣчательно въ нашемъ старомъ языкѣ употребленіе мѣстоим. относительнаго *который:* оно, подобно вопросительному, является съ тѣмъ существительнымъ, къ которому должно бы было относиться. напр. «и вздѣвалъ на себя шубу соболиную, *которой шубѣ* цѣна три тысячи»; «приказалъ казнить и вѣшати, *которые мужики* были главные въ Угличѣ» (вм. тѣхъ мужиковъ, которые были); «и *которые старцы* при церкви живутъ, даетъ золотой казны не считаючи» (вм. тѣмъ старцамъ, которые...) «а *которые* остались *люди* похужѣе, на другой сторонѣ *они* въ пещеру убиралися»; а дается на *церковное* строеніе, *которыя церкви* бываютъ раззорены». Остатокъ такого употребленія мы встрѣчаемъ въ нашихъ дѣловыхъ бумагахъ, гдѣ для большей ясности при относительномъ *который* ставится и его существительное.

Указательное. § 88. Для мѣстоим. указательныхъ коренными звуками являются у насъ *т* и *с.* Первообразная ихъ форма *тъ*, *сь*; подобно *къ* и *чь*, они обратились въ *той* (тый) и *сей*. Впрочемъ въ современномъ языкѣ вмѣсто *той* употребляютъ *тотъ*, которое составилось подобно *кто*, и слѣдств. есть удвоенное *тъ*, отъ чего и писалось прежде такимъ образомъ: *тътъ*. Въ женскомъ и среднемъ родѣ и въ косвенныхъ падежахъ сохранилась первообразная форма: *та—то—того—той* и пр. Старый родит. над. женск. рода *тыя* постепенно измѣнялся въ *тоя*, *тое*, *тэй*; такъ въ лѣтописяхъ: *тое же зимы*: *отъ тое молвы.*

Мѣстоим. указательное *тотъ—та—то* употреблялось и теперь иногда употребляется какъ членъ для большаго опредѣленія, напр. въ нашихъ старыхъ стихотвореніяхъ: «и сѣлъ

на палаты бѣлокаменны, на *тѣ на палаты* царскія, къ *тому царю* индѣйскому, и *на то окошечко* косящатое»; «безъ бою, безъ драки великія и безъ *того кровопролитія* напраснаго»; «мало время позамѣшкавши, несутъ Тугарина Змѣевича на *той доскѣ* красна золота». Это мѣстоименіе здѣсь не указываетъ на упомянутые предметы: о нихъ прежде не говорилось ни слова. — Въ современномъ языкѣ для большаго опредѣленія, какъ членъ, употребляется *то*, приставляясь къ концу опредѣляемаго слова: *я-то*, *онъ-то*, *человѣкъ-то*, *жена-то*. Въ простонародномъ говорѣ слышится слогъ *отъ*, *етъ*, который встрѣчается и у Нестера: *холмъ-отъ*, *отрокъ-отъ*, и въ старинныхъ сказкахъ: «будетъ *лѣтній-етъ* день въ половинѣ дня...» Здѣсь, конечно, *о* и *е* только гласныя соединительныя. У Крылова «мостъ-отъ нашъ каковъ; у Грибоѣдова: въ ученьи прокъ-отъ не великъ».

Примѣч. Въ новоболгарскомъ языкѣ *отъ—та—то—тѣ* служатъ членомъ опредѣлительнымъ, сливаясь съ окончаніемъ существительныхъ, напр. «*потребное* (есть) *человѣку*, *да сообла-ча вѣтха-та и смрадлива-та дрѣха* (одежду) *грѣховна отъ своя-та си душа*, *какво-то* (такъ какъ) *и змія-та сообламча вѣтха-та кожа отъ снага-та* (тѣла).

У Нестора иногда встрѣчается слогъ *ось* на концѣ слова: «дѣлаша *градокъ-ось*», «и пойду *въ градъ-ось*». Это *ось*— очевидно другое указательное мѣстоим. *сь* (сей). У насъ есть нѣсколько выраженій, въ которыхъ сохранились слѣды первообразной формы отъ *сей*: *по сю пору* (вин. пад.), *по сю сторону* (в. п.), *по се время* (ср. р.), *по сѣ мѣста* (мн. ч.).

Мѣстоим. *тотъ*, сложившись съ указательнымъ звукомъ э, произвело *этотъ*, которое указываетъ на ближайшій предметъ. Въ склоненіи оно отличается отъ *тотъ*, вездѣ замѣняя *ѣ* послѣдняго буквою *и*: *тѣ*—*эти*...

Для большаго опредѣленія и усиленія рѣчи иногда употребляется *то-то*: *то-то* расплясались! *то-то* парень!

Мѣст. *оный* въ современномъ языкѣ считается устарѣлымъ.

Какъ при коренныхъ вопросит., такъ и при указательныхъ

являются тѣ же прилагательные слоги: *ак*, *як*, *ов*, *ск*: *такой—таковой—таковскій*, *этакой*, *сякой*, *сяковой* (стар. *сицый—сицевый*).

Примѣч. Слогъ *лик* въ устарѣлыхъ вопросит. и указательн. мѣстоим. *коликій*, *толикій* встрѣчается и въ другихъ языкахъ, напр. греч. ἡλίκος, πηλίκος, τηλίκος лат. talis, qualis, нѣм. welcher, solcher и др.

Притяжательное. § 89. Мѣстоим. притяжательныя происходятъ отъ личныхъ. Гласная *и* (ь), какъ мы видѣли, переводитъ существительныя въ прилагательныя она же употребляется и здѣсь: изъ личн. *мъ*, *ты* (тв.), *себя* (св.), *насъ*, *васъ* происходятъ притяжат.: *мой*, *твой*, *свой*, *нашъ*, *вашъ*. Въ старыхъ рукописяхъ писано *нашъ*, *вашъ*, гдѣ буква *ъ* и есть сокращенное *и*; передъ нею *с* измѣнился въ *ш*. Мѣст. личное 3-го лица не произвело отъ себя притяжат. мѣстоим. Принадлежность здѣсь выражается родит. падежемъ: *его*, *ихъ*. Впрочемъ въ простонародномъ говорѣ замѣтно стремленіе создать притяжательное мѣстоименіе изъ 3-го лица по общимъ законамъ русскаго языка т. е. употребляя усвоительные слоги *и*, *ов*, *ин*, *н*: *еговъ*, *ейный*, *ихній*. Но такія слова, хотя они и составлены правильно, мы считаемъ провинціализмами и не допускаемъ въ свой языкъ. Въ просторѣчіи же встрѣчаемъ слова: *нашенскій*, *свойскій*, *посвойски*, получившія значеніе качества; такъ въ древнемъ стихотвореніи: «не *за свойскій* кусъ ты хватаешься».

Мѣстоим. *свой* можетъ относиться ко всѣмъ тремъ лицамъ, и всегда выражаетъ принадлежность подлежащаго; съ этимъ мѣстоименіемъ нельзя смѣшивать *его*, *ихъ*, которыя выражаютъ принадлежность посторонняго предмета, но не подлежащаго [1]).

Опредѣлительное. § 90. Коренныхъ опредѣлительныхъ мѣстоим. у насъ два: *весь* и *самъ*. Въ словѣ *весь* буква

[1]) Смѣшеніе этихъ мѣстоименій безпрестанно случается встрѣчать во многихъ современныхъ сочиненіяхъ.

е произошла изъ *ѣ*, женск. р. *вся*, ср. *все*. Изъ него образовалось другое, производное опредѣлит. мѣст. *всякъ*, *всякій*. *Самъ* часто соединяется съ личнымъ мѣстоим. для большаго опредѣленія: *я самъ*, *они сами*. Винит. пад. ед. ч. жен. р. *самоё* [1]) сходенъ съ *её*, такъ же какъ часто слышимъ *тоё* вмѣсто *ту*. Это мѣстоим. можетъ стоять при дѣепричастіи какъ подлежащее: *самъ* заряжая пушку (Пушк.); бывши ратникомъ *самъ* въ молодыхъ лѣтахъ (Пушк.). *Самъ*, принявъ производное оконч., обратилось въ *самый—ая—ое*, которое склоняется какъ прилагательное, отличаясь въ косвенныхъ надежахъ отъ *самъ* удареніемъ, держа его постоянно на первомъ слогѣ; *самъ* же во всѣхъ родахъ переноситъ удареніе на окончаніе.

Мѣстоим. *каждый* произошло отъ стараго *кыйждо*, гдѣ *кый* соединилось съ частицею *ждо* (жде), соотвѣтствующею нашей *же* (тоже—тождe). Въ употребленіи должно отличать *каждый* отъ *всякій*, что у насъ часто смѣшивается: *каждый* выражаетъ количественность, напр. *каждый отецъ* т. е. каждый изъ всего числа отцовъ; *всякій* — качественность: *всякій отецъ* т. е. отецъ какой бы онъ ни былъ.

Неопредѣленныя и отрицательныя. § 91. Неопредѣленныя мѣст. всѣ составныя: они происходятъ изъ вопросительныхъ черезъ приставки въ началѣ и концѣ; въ началѣ употребляется неопредѣленная частица *нѣ*: *нѣкто*, *нѣчто*, *нѣкакій*. *нѣкоторый*, въ концѣ *то*: *кто-то*, *что-то*, *какой-то*, *чей-то*. и пр. Въ старомъ языкѣ частица *нѣ*, подобно *ни*, могла отдѣляться отъ мѣстоименія: «*нѣ* въ *кое* время пригожуся тебѣ» (Древн. ст.); «*нѣ* въ *коемъ мѣстѣ*» (Ипат. лѣт.); нынѣ же подобное раздѣленіе не терпится.

Для выраженія неопредѣленности при вопросительн. мѣст. служатъ также прилагат. сред. р. *либо* составившееся изъ *любо*, повелит. накл. *будь* съ отрицаніемъ *ни*: *кто либо*,

---

[1]) Но ни какъ не *саму*, какъ нынѣ многіе употребляютъ.

что либо, *какой либо*; *кто нибудь*, *что нибудь*, *какой нибудь* и пр.

Примѣч. Въ латин. яз. также участвуютъ глаголы въ составленіи неопредѣлен. мѣстоим. напр. libet: quilibet, что соотвѣтствуетъ нашему *либо*; vis — quivis — у насъ въ просторѣчіи *кто хошь* (т. е. хочешь) или *хоть кто, хоть что, хоть какой* и пр., здѣсь *хоть* происходитъ отъ хотѣть.

При мѣст. *нѣсколько* сказуемое можетъ согласоваться съ нимъ и грамматически и логически т. е. стоять и въ единст. и множест. ч.: нѣсколько дамскихъ головокъ *обратилось* къ нему и *стали* называть его. (Пушк.).

Мѣстоим. отрицательныя всѣ также составныя — изъ вопросительныхъ съ отрицаніемъ *ни*: *никто*, *ничто*, *никакой*, *никоторый*. Здѣсь нужно замѣтить, что предлогъ всегда ставится между *ни* и мѣстоименіемъ: *ни за что*, *ни о комъ*, *ни отъ котораго* и пр.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

НАРѢЧІЕ.

Коренныя нарѣчія. § 92. Между мѣстоименіемъ и нарѣчіемъ мѣста, времени и качества есть замѣчательное соотвѣтствіе, изъ котораго мы должны заключить о родствѣ обѣихъ частей. Въ нарѣчіяхъ мы встрѣчаемъ тѣ же коренные звуки, какъ и въ мѣстоименіяхъ, именно: для вопросительныхъ *к—куда*, *какъ*, *когда*, для указательныхъ *т*, *с*: *туда*, *сюда*, *тамъ*, *сямъ*, *тогда*, *такъ*, *сякъ*. Окончанія нарѣчій мѣста *да*, *дѣ*, *ду*, напоминаютъ падежныя окончанія; въ сложеніи съ предлогами у насъ является и окончаніе *дъ*: *надъ*, *подъ*, *предъ*. Нарѣчіе *гдѣ* образовалось изъ стариннаго *кдѣ*; *здѣсь* изъ старин. *сдѣ*. Тѣ же окончанія *ду*, *дѣ*, соединяясь съ мѣстоименіемъ *весь*, *инъ*, образовали *всюду*, *индѣ*. Нарѣчія мѣста *тамъ*, *сямъ*, какъ отвѣты на старинное *камо*,

представляютъ оконч. *мъ* (мо), которое можно принять за окончаніе предложнаго (мѣстнаго) падежа. Нѣкоторыя нарѣчія соединяются съ предлогомъ *отъ* и образуютъ: *откуда*, *оттуда*, *отсюда*, *отовсюду*, выражая направленіе отъ извѣстнаго мѣста. Вообще нарѣчія мѣста выражаютъ три направленія, по вопросамъ: *откуда*, *куда*, *гдѣ*.

Примѣч. Сравнивая наши нарѣчія съ нарѣчіями другихъ языковъ, мы находимъ сходныя окончанія, такъ въ лат. de, do: inde, unde, quando; въ греч. *θεν*, *τε—πόθεν*, *ποτε*, *τότε* и др.

Производныя. § 93. Прочія нарѣчія составились изъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и глаголовъ. Существительныя перешли въ нарѣчія черезъ косвенные падежи, напр. чрезъ род. *вчера* (вечеръ—вечера), черезъ дательн. *кромѣ* (сущ. крома), *долой*, *домой*, (древ. *доловь*, *домовь*); черезъ творит. *кругомъ*, *верхомъ*, *даромъ*, *днемъ*, *ночью*; черезъ предлож. *горѣ* (гора), *внѣ* (вонъ — у Нестора: всю *извну* украси). Нѣкоторыя существительныя сохранились только въ одномъ падежѣ въ видѣ нарѣчія: *пѣшкомъ*, *босикомъ*, *порожнякомъ*, *мелькомъ*, *нарокомъ*, *опрометью*, *натощакъ*, *цѣликомъ*, *тишкомъ* и др.

Прилагат. коренныя переходятъ въ нарѣчіе въ первообразномъ окончаніи средняго рода, сохраняя удареніе на окончаніи: *хорошо̀*, *тепло̀*, *синѐ*, *темно̀*, *свѣтло́*. Прилагат., происшедшія отъ существительныхъ переходятъ въ нарѣчія съ помощію предлога *по*: *помѣсячно*, *понедѣльно*, *поминутно*, *попарно*, *поочередно*; *полѣтнему*, *позимнему*, *повчерашнему*; *почеловѣчьи*, *поцарски*, *порусски*, *पособачьи*, *попріятельски*.

Изъ числительныхъ составляются нарѣчія съ оконч. *жды*: *однажды*, *дважды* и съ предлогами: *поодному*, *вдвое*, *начетверо*, *заодно*.

Глаголы переходятъ въ нарѣчія не только черезъ причастія, но и другимъ путемъ — черезъ существит. отглагольныя: *живьемъ*, *стоймя*, *ливмя*, *сидьмя*; черезъ повелит. наклон. *почти* (почесть).

Нарѣчія составляются также изъ двухъ особыхъ словъ: *сегодня*, *сейчасъ*, *тотчасъ*, *совсѣмъ*, *когда-нибудь* и др. Многія составныя нарѣчія искажены въ говорѣ, такъ что не вдругъ можно узнать ихъ происхожденіе, напр. простонародныя: *сномедни*, *намедни*, *намедь* произошли изъ *оными-дни* (твор. пад.), наше *теперь* изъ *то перво*.

Отрицательныя частицы. § 94. Къ нарѣчію относятся и отрицательныя частицы. Отрицаніе должно отличать отъ противуположенія: противуположное *дню* есть *ночь*, *молодому—старый*, отрицаніе: *не день*, *не ночь*, *не молодой*, что не все равно. Въ отрицаніи чаще всего выражается средина между положительнымъ и противуположнымъ; такъ между днемъ и ночью могутъ быть *сумерки* и *разсвѣтъ*; между молодымъ и старымъ возрастъ зрѣлый.

Въ большей части индоевроп. языковъ отрицаніе выражается звукомъ *н* съ гласною *е* или *и*. Въ русскомъ языкѣ обыкновенное отрицаніе передъ существительными, прилагательными и глаголами есть *не*: передъ числительными и мѣстоименіями — *ни*. *Не* переходитъ въ *ни*, когда отрицаніе повторяется въ предложеніи: *не ѣмъ*, *ни пью*, *ни сплю*; *нѣтъ ни кола*, *ни двора*. При отрицательномъ мѣстоименіи и глаголъ всегда является съ отрицаніемъ *не*, что̀ составляетъ особенность славянскихъ нарѣчій: *никто не видалъ*; *не видалъ ничего*. Въ другихъ языкахъ въ этомъ случаѣ употребляется только одно отрицаніе. Если при отрицательномъ глаголѣ нѣсколько подлежащихъ или дополнительныхъ, то мы охотнѣе употребляемъ передъ каждымъ изъ нихъ отрицаніе *ни*: напр. вм. *отецъ и братъ не видали меня* говоримъ: *ни отецъ* ,*ни братъ*... вм. *не видался съ отцомъ и съ братомъ—ни съ отцомъ*, *ни съ братомъ*.

Отрицаніе *не*, соединившись съ глаголомъ *есть*, произвело отрицательное нарѣчіе *нѣтъ*. Въ старославянскомъ яз. существовалъ отрицательный глаголъ *нѣсмь*, *нѣси*, *нѣсть* и проч.

Примѣч. 1. Латинское отрицаніе non произошло также изъ слитія двухъ словъ: ne unum (ни одинъ); равно какъ нѣмецк. nein изъ ni ein; отрицательные латинск. глаголы nolo, nescio изъ ne volo, ne scio.

Для большей изобразительности народное воображеніе соединяетъ отрицаніе съ именами извѣстныхъ предметовъ, напр. *ни на волосъ*, *ни макова зерна*, *ни крошечки*, *не видалъ ни зги*; «*и скота* не оставиша *ни рога*» (Новг. лѣт.) вм. *ничего*.

Примѣч. 2. Подобнымъ же образомъ составились француз. отрицанія: pas изъ passum, rien изъ rem, point, personne и др. Здѣсь всѣ эти имена не соединились съ отриц. *ne*, потому что первоначально употреблялись только при отрицательн. глаголахъ, которые во франц. языкѣ не требуютъ повторенія отрицанія.

Съ отрицаніемъ у насъ тѣсно связанъ родительный падежъ, котораго послѣ себя требуетъ какъ нарѣчіе *нѣтъ*, такъ и отрицат. дѣйствительный глаголъ. Это также особенность нашего языка.

Степени сравненія. § 95. Нарѣчія качественныя, происшедшія отъ прилагательныхъ, имѣютъ подобно этимъ и степени сравненія. Сравнит. степень прилагательныхъ на *ѣе*, *е* есть въ то же время и сравнит. степень нарѣчій: *скоро—скорѣе*, *хорошо—лучше*. Для усиленія часто прибавляется предлогъ *по*: *поскорѣе*, *погромче*, *потише*, *получше*. Для выраженія превосходной степени употребляется приставка *пре* съ положительною: *прескоро*, *прегромко*, *претихо* и пр. также оконч. *охонько*, *ешенько*: *тихохонько*, *бѣлешенько*. Кромѣ того въ нарѣчіи высшая степень нерѣдко выражается повтореніемъ одного и того же корня: *мало мальски*, *скоро на скоро*, *мелко на мелко*, *ранымъ ранешенько*, *давнымъ давно*, *тихо-тихо*, *весело-весело*. и проч.

Переходъ въ предлогъ и союзъ. § 96. Нарѣчіе переходитъ въ предлогъ, когда означаетъ положеніе предмета и управляетъ родительнымъ падежемъ, напр. *близъ*, *вдоль*, *вмѣсто*, *около*, *подлѣ*, *прежде*, *противъ* и др.

Служа соединеніемъ двухъ предложеній, нарѣчіе дѣлается союзомъ, напр. *какъ-такъ*, *когда-тогда*, *сколь-столь* и пр.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПРЕДЛОГЪ.

Значеніе предлога. § 97. Предметъ, существуя и дѣйствуя, постоянно имѣетъ отношеніе къ другимъ предметамъ, близкимъ или отдаленнымъ. Такое отношеніе постороннихъ предметовъ къ бытію и дѣйствію главнаго (подлежащаго) въ языкѣ выражается столько же предлогами, сколько и падежами. Въ тѣхъ языкахъ, которые утратили склоненіе, падежи замѣняются предлогами. Дѣйствіе можетъ имѣть разныя направленія по вопросамъ: *откуда*, *куда* и *гдѣ*, разныя причины и цѣли: *почему*, *зачѣмъ* и пр.; на все это указываетъ предлогъ, соединенный съ именемъ или съ самимъ глаголомъ; такъ напр., онъ *от*правился *изъ* Рима *въ* Палермо *по* своимъ дѣламъ, *о* которыхъ уже давно *без*покоился; *за*пасшись *для* дороги всѣмъ нужнымъ, онъ не хотѣлъ останавливаться нигдѣ ни *на* одну минуту, чтобы поспѣть *во*время; *при*бывъ *въ* городъ, онъ поселился *въ* гостинницѣ *противъ* собора *на* площади; обѣдалъ всегда *съ* пріятелями, или *у* нихъ, или *у* себя...» Здѣсь всѣ предлоги въ соединіи съ именами какъ бы тяготѣютъ къ глаголамъ, выражая отношеніе однихъ къ другимъ.

Имена отглагольныя или выражающія какое нибудь чувство также требуютъ послѣ себя предлога, напр. *отправленіе въ Москву*, *любовь къ отечеству*, *тоска по отцѣ*. Такимъ образомъ предлоги важны въ предложеніи при сочетаніи словъ, а не сами по себѣ, какъ отдѣльныя слова.

Русскій народъ прекрасно воспользовался предлогами для выраженія не только отношеній предметовъ къ дѣйствію, но

и разныхъ оттѣнковъ дѣйствія и даже качества; отъ того въ русской рѣчи предлоги играютъ такую важную роль.

Употребленіе предлога. § 98. При глаголѣ предлогъ не является отдѣльно, а всегда съ нимъ сливается въ одно слово: напротивъ при существительныхъ мы встрѣчаемъ его и отдѣльно и слитно. Отдѣльно — когда предлогъ означаетъ простое отношеніе; въ этомъ случаѣ онъ требуетъ отъ имени опредѣленнаго косвеннаго падежа. Слитно—при именахъ происшедшихъ отъ предложныхъ глаголовъ: *входить—входъ*, *переправить—переправа* и пр. Здѣсь предлогъ уже не можетъ имѣть ни какого вліянія на падежъ, и существительное вмѣстѣ съ нимъ какъ одно слово принимаетъ всѣ падежи. Предлоги *по*, *за*, *безъ*, *пере*, *со* иногда служатъ приставками существительныхъ, образуя имена предложныя и внося въ нихъ свое значеніе, напр. *поморье*; *задсинье*, *безлюдье*, *перепутье*; здѣсь предлогъ также не требуетъ особеннаго падежа, а только растягиваетъ окончаніе. Тамъ же, гдѣ нужно сохранить родовое окончаніе, оно остается: *сотоварищъ*, *прадѣдъ* и др.

Не всѣ предлоги въ русскомъ языкѣ управляютъ падежами т. е. употребляются отдѣльно при именахъ; нѣкоторые являются не иначе, какъ слитно со словами, такъ *воз* (взо, вз) *вы*, *низ*, *пере*, *раз* (роз), не выражая отношенія предметовъ, не соединены съ опредѣленными падежами. Впрочемъ въ старомъ языкѣ *воз* управлялъ винит. падежемъ, наприм. *злая воз-благая*, *благодать воз-благодать*. Древнее нарѣчіе *вскую*, составилось изъ *воз* и винит. пад. мѣст. *кая—воз-кую* или *взкую* — зачѣмъ. Въ предлогѣ *вы* звукъ *ы* родственъ носовому звуку. по этому перейдя въ нарѣчіе онъ обратился въ *он—вонъ—вонь*. Предлогъ *роз* принадлежитъ рус. языку (роздыхъ, розговѣнье) а *раз* какъ рус. такъ и ц. слав. Предлоги *пра*, *па* встрѣчаются только въ тѣхъ словахъ, которыя дошли до насъ изъ старины: *прадѣдъ*, *пасынокъ*, *падчерица*. Должно отличать формы нѣкоторыхъ

рус. предлоговъ отъ ц. слав.: рус. *пере*, *передъ*, *черезъ*— ц. сл. *пре*, *предъ*, *чрезъ*.

Изъ отдѣльныхъ предлоговъ нѣкоторые соединяются съ двумя и тремя падежами, и конечно въ каждомъ падежѣ заключается особое значеніе. Первоначальное значеніе предлоговъ показываетъ на отношеніе къ мѣсту и времени, и отсюда уже они мало по малу стали принимать значеніе переносное или метафорическое, особенно въ языкѣ литературномъ, чему примѣры мы будемъ приводить въ своемъ мѣстѣ.

Съ *родительнымъ* падежомъ соединяются предлоги *безъ*, *для*, *до*, *изъ*, *мимо*, *отъ*, *подлѣ* (или *возлѣ*), *противъ*, *ради*, *у*. Всѣ эти предлоги выражаютъ *исключеніе*, *отдѣленіе*, *ограниченіе* и слѣдственно *близкое соприкосновеніе* съ другимъ предметомъ, какъ *съ границею*; отсюда они и соединяются съ родительнымъ падежомъ, имѣющимъ подобное же значеніе (см. значеніе пад. § 62). Такъ какъ съ понятіемъ объ исключеніи и отдѣленіи соединяется понятіе о направленіи, то предлогъ при род. пад. даетъ этому направленію большее опредѣленіе или на вопросъ *откуда*: *изъ дому*, *отъ брата*, или *куда*: *до города*, или *гдѣ*: *подлѣ рѣки*, *у сада*.

Первоначально предлогъ *для* выражалъ причину, изъ которой выходитъ дѣйствіе. Въ этомъ значеніи нерѣдко употребляли его и наши писатели XVIII стол. напр. у Ломоносова: единородство славянъ съ сарматами, чуди со скифами, *для многихъ ясныхъ доказательствъ*, неоспоримо; *для множества толикихъ дѣлъ*; у Карамзина: вы легко можете вообразить, какъ нуженъ пѣшеходу обѣдъ и ужинъ, и *для того* конечно простите моему пріятелю, что онъ вскочилъ со стула не съ пріятною миною (Грам. Бусл. стр. 311). Это же значеніе имѣлъ и предлогъ *ради*, который у насъ теперь рѣдко употребляется; а въ народныхъ пѣсняхъ оба они соединяются: *для ради* рожденья богатырскаго. Такъ какъ съ причиною иногда сливается и цѣль, то отсюда предлогъ *для* сталъ употребляться метафорически для выраженія

цѣли: сдѣлать для отца; для мѣры стиха. По этому самому и выраженія съ предлогомъ *для* иногда замѣняются дательнымъ падежемъ, такъ какъ съ нимъ соединяется значеніе цѣли: *для Бога—Богу*, *для васъ—вамъ*.

Предлоги *изъ* и *отъ* выражаютъ начальную точку направленія *откуда*, но первый показываетъ движеніе *изнутри*, второй—отъ поверхности, наружной стороны предмета: вышелъ *изъ города*, пошелъ *отъ города*. Такъ какъ съ началомъ соединяется причина, основаніе, то отсюда метафорически и эти предлоги принимаютъ значеніе основанія, причины, повода: дѣлать что *изъ выгоды*, гулять *отъ скуки*, умереть *отъ раны*. Предлогу *отъ* соотвѣтствуетъ *до*, какъ выраженіе противуположной границы или конца: отъ города до города. Метафорическое ихъ употребленіе видно и въ слѣдующихъ примѣрахъ: отъ слова до слова, что до меня касается.

Предлоги *мимо* и *противъ* выражаютъ черту, параллельную извѣстной границѣ; изъ нихъ первый выражаетъ движеніе: мимо города; второй пребываніе: противъ города. Предлоги *подлѣ*, *возлѣ*, *у* выражаютъ близкое соприкосновеніе съ границею, и потому нерѣдко смѣшиваются въ употребленіи: подлѣ города, возлѣ города, у города. Судя по происхожденію *возлѣ* (воз-на) и *подлѣ* (подъ) первоначально эти предлоги показывали двѣ противуположныя границы (сверху и снизу); но теперь это различіе забылось. Съ предлогомъ *у* соединяется больше связи съ тѣми предѣлами, о которыхъ говорится; отсюда *у* употребляется тамъ, гдѣ нужно выразить извѣстные предѣлы, владѣніе, силы, средства: у города есть большіе капиталы и земли (т. е. во владѣніи, во власти), у насъ были гости (т. е. въ тѣхъ предѣлахъ, которые принадлежали намъ), я остановился у пріятеля (т. е. въ его квартирѣ); возьмите у насъ (то, что въ нашихъ рукахъ, въ нашей власти); у насъ запляшутъ лѣсъ и горы (т. е. въ нашей власти сдѣлать, чтобъ заплясали).

Примѣч. Отсюда *у* и при нѣкоторыхъ глаголахъ сообща-

сть имъ значеніе *вводить въ извѣстныя границы*: усовѣщевать (приводить въ предѣлы совѣсти), усмирять (въ предѣлы мира) установить, уложить, убить, убаюкать и пр.

Съ *Дательнымъ падежомъ* соединяется предлогъ *къ*, выражающій, подобно этому падежу, стремленіе къ цѣли: *придти къ кому*, *направиться къ лѣсу*, *ни къ чему не служитъ*.

Съ *винительнымъ падежомъ* соединяются предлоги *про* и *через*. Такъ какъ этимъ падежомъ выражается *мѣра* или предѣлъ дѣйствія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и стремленіе *куда*, то очень понятно, почему эти предлоги имѣютъ связь съ нимъ: говорить *про кого*, говорить *про себя* (тихо), не *про васъ* приготовлено, переѣхать *черезъ мостъ*, придти *черезъ часъ*. Метафорич: получилъ мѣсто *черезъ васъ*, попался *черезъ него*.

Съ творительнымъ пад. соединяется предлогъ *надъ*, выражающій движеніе или положеніе выше извѣстнаго предѣла: *надъ землею*, *надъ рѣкой*, метафорич. господство или власть надъ чѣмъ либо: властовать *надъ городомъ*, взялъ верхъ *надъ нимъ*, смѣется *надъ вами*, сбылось *надо мной*.

Съ предложнымъ падежомъ соединяется предлогъ *при*, означающій прибавленіе, присоединеніе: *при мнѣ* былъ слуга, *при домѣ* садъ, *при этомъ* нужно замѣтить.

Прочіе предлоги соединяются съ двумя и тремя падежами.

Въ, *на*, *о* (*объ*) съ винит. и предлож. Первый изъ этихъ падежей выражаетъ стремленіе *куда*, второй пребываніе *гдѣ*: отсюда обусловливается и значеніе предлоговъ въ связи съ этими падежами. *Въ* показываетъ отношеніе ко внутренности чего либо, *на*—къ верхнему предѣлу; *о*, *объ*—къ окружности, объему, къ крайней линіи или точкѣ, находящейся на окружности, смежности: идти *въ лѣсъ*, быть *въ лѣсу*, ѣхать *на гору*, стоять *на горѣ*, ударить *оземь*, жить съ кѣмъ *о дворъ*, *объ стѣну*, *о святкахъ*, *объ масляницѣ*. Метафорическое употребленіе: болѣзнь обратилась *въ горячку*, онъ лежалъ *въ горячкѣ*, весь *въ ранахъ*, нарядилась *въ новое*

платье, была *въ новомъ платьѣ*, взялъ еще *въ долгъ*, когда весь *въ долгу*, купилъ *въ три дорога*, весь *въ отца*, ковали *въ три молота*, онъ *въ бородѣ* и *въ усахъ*; *на праздникъ*, *на прощаньи*, *на часъ*, *на рубль*, хромаетъ *на одну ногу*.

Примѣч. Съ глагол. дѣйствительн. предлогъ *на* показываетъ изобиліе дѣйствія: *наиграть*, *надѣлать*, *насказать*, а въ соединеніи съ *ся*—дѣйствіе до послѣдней крайности: *наиграться*, *наплясаться*, *наплакаться*.

Предлоги *за*, *передъ*, *подъ* соединяются съ винительнымъ и творительнымъ. *За* показываетъ отношеніе къ задней сторонѣ, *передъ*—къ передней, *подъ*—къ нижней. Въ связи съ винительн. пад. они выражаютъ движеніе, въ связи съ творит. пребываніе: жить за *городомъ*, идти за *городъ*, шелъ предстать *передъ царя*, стоитъ *передъ царемъ*, пошли *подъ мостъ*, были *подъ мостомъ*.

Метафорич. употребленіе: ходить *за грибами*, работаю *за него*, беру *за труды*, не успѣлъ *за недосугомъ*, *за моею подписью*, получилъ *задаромъ за два года*, живетъ *подъ Москвой*, *подъ самый праздникъ*, мнѣ не *подъ силу*, *подъ часъ* бываю радъ гостямъ, пляшу *подъ музыку*, *подъ пару*. (См. предлож. § 32).

Судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, можно полагать, что *за* въ старину соединялся и съ родительнымъ пад.: *за утра*, *за добра ума*.

Предлогъ *сквозь* безразлично соединяется съ родит. и винит. пад. *сквозь слезы*, *сквозь слезъ*; но съ винит. соединеніе болѣе употребительно.

Равнымъ образомъ предлогъ *между* въ современномъ языкѣ безразлично соединяется съ родит. и творит. пад. *между деревьевъ*, *между деревьями*; но судя по значенію того и другаго падежа можно полагать, что первоначально съ родит. выражалось *движеніе*, а съ творит. *пребываніе*: иду *межъ деревъ*, стою *межъ деревьями*.

Предлогъ *по* соединяется съ винительн., дательн. и предложн. пад. и означаетъ отношеніе къ поверхности, уровень,

постепенность, послѣдовательность: ходить *по горамъ*, *по-утру*, *по дому*, это не *по мнѣ*, *по вашему мнѣнію*, стрѣлять *по птицамъ*, всѣмъ *по парѣ*, стоять *по мѣстамъ*. Съ винительн. пад. соединяется значеніе *мѣры*, *по горло*, *по сіе время*, *по два часа*; съ предложнымъ падежомъ *послѣ*: *по смерти*, *по рожествѣ Христовѣ*. (См. § 32).

Предлогъ *съ* соединяется съ родит., винительн. и предл. пад. Онъ выражаетъ связь съ чѣмъ нибудь, и потому съ родит. пад., представляющимъ стремленіе *откуда* или исключеніе изображаетъ разрывъ этой связи, раздѣленіе: сходить *съ лѣстницы* взять *со стола*; съ винительн., означающимъ мѣру, представляетъ связь по одинаковой мѣрѣ съ другимъ предметомъ: *съ гору*, *съ сажень*, человѣкъ *съ пятьдесятъ*, *съ дюжину*; съ творит. простое соединеніе съ кѣмъ или съ чѣмъ нибудь: мы *съ вами*, братъ *съ сестрою*, идти *съ кѣмъ*, сражаться *съ кѣмъ*. Метафорическое употребленіе: *со страху*, *съ печали*, *съ великаго ума*, *съ насъ* хватитъ, *съ усердіемъ*, оставаться *съ почтеніемъ*.

Въ сложныхъ предлогахъ падежомъ управляетъ первый изъ нихъ: *изъ-подъ дерева*, *изъ-за дома*, *на-из-устъ*.

О значеніи предлоговъ при глаголѣ было уже говорено въ § 32.

Повтореніе предлога. § 99. Сливаясь съ глаголами, предлоги въ то же время повторяются передъ именами: *дой*ти *до* мѣста, *на*вьючить *на* лошадь, *в*летѣтъ *въ* окно, *с*ходить *съ* лѣстницы, *под*ойти *подъ* крышу, *над*сматривать *надъ* дѣтьми, *от*орвать *отъ* работы, *из*влечь *изъ* книги. Предлогамъ, которые не употребляются отдѣльно, соотвѣтствуютъ слѣдующіе отдѣльные: *на*—*воз*, *раз*: *воз*несся *на* небо, *взо*шелъ *на* гору, *раз*дѣлилъ *на* части, *раз*рѣзалъ *на* куски; *изъ*—*вы*: *вы*шелъ *изъ* дома, *вы*ѣхалъ *изъ* города; *черезъ*—*пере*: *пере*скочилъ *черезъ* заборъ; *пере*бросилъ *черезъ* голову; — *сквозь*—*про*: *про*шелъ *сквозь* огонь и воду. Предлогъ *къ* не употребляется при глаголѣ, а вмѣсто него служитъ *при*, которому онъ соотвѣтствуетъ въ предложеніи: *при*шелъ *ко*

мнѣ, *при*плылъ *къ* городу, *при*шилъ *къ* шляпѣ. — Такое повтореніе предлога бываетъ только тогда, когда онъ сохраняетъ при глаголѣ свое первоначальное значеніе. Въ старинномъ русскомъ яз. было употребительно повтореніе предлога при словахъ опредѣлительныхъ и приложеніи. *во стольномъ во городѣ, во Кіевѣ* (Древн. русск. стихот.) *на словени на дунайскія* (*Нестор.*); *послаша по Ярослава по Всеволодиця, по Гюргіевѣ внукѣ* (Новг. лѣтоп.). Въ простонародномъ говорѣ и теперь иногда слышится такое же повтореніе предлога.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

СОЮЗЪ.

Происхожденіе союза. § 100. До сихъ поръ мы говорили объ образованіи, измѣненіи и сочетаніи словъ, составляющихъ полное предложеніе; теперь посмотримъ, какъ сочетаются или связываются между собою самыя предложенія: они должны связываться, потому что мысли, которыя они выражаютъ, часто имѣютъ тѣсную и неразрывную между собою связь или въ слѣдствіе тожества, или подчиненія, или сравненія и пр. Чтобы выразить такую разнообразную связь мыслей, въ языкѣ являются слова, имѣющія исключительно это назначеніе. Они называются *союзами.*

Одни изъ нихъ коренные или первообразные: *а, да, же, и, ли, но*; другіе произведены отъ разныхъ частей рѣчи — отъ глаголовъ: *буде* (будь), *пусть, пускай* (пустить, пускать), *хотя* (хотѣть); отъ числительныхъ и мѣстоименій: *однако* (одинакъ), *то*; отъ нарѣчій: *когда-тогда, сколь-столь, впрочемъ*; третьи составлены изъ двухъ и трехъ словъ, и слѣдственно могутъ назваться сложными: *будто дабы, ежели, или, нежели, чтобы, потому, потому что, за тѣмъ что.*

Соединеніе предложеній. § 101. Соединеніе предложеній въ одно цѣлое бываетъ двоякое: совмѣстное и подчинен-

ное. Предложенія сами по себѣ независимыя, неподчиненныя одно другому, при соединеніи въ одно цѣлое называются *совмѣстными* а соединеніе ихъ называется *сочиненіемъ*. Предложенія не самостоятельныя, служащія дополненіемъ и опредѣленіемъ другому, называются *подчиненными*.

Совмѣстное сочетаніе предложеній бываетъ различно: оно состоитъ или въ обыкновенномъ соединеніи нѣсколькихъ простыхъ сужденій, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ сужденіе сложное, или въ распространеніи мысли: «Сократъ былъ мудръ *и* добръ»; «онъ пошелъ въ садъ *и* я за нимъ». Такое сочетаніе называется соединеніемъ, а союзы, для того служащіе, *соединительными*: *и*, *да*, *также*, *еще*, *притомъ* и пр.

Когда мысль одного предложенія ограничиваетъ мысль другаго, тогда является противуположеніе съ союзами *но*, *однако*, *а*, *же*, *впрочемъ*, *не то*, которые называются *противуположными* или *противительными*.

Когда изъ нѣсколькихъ предполагаемыхъ событій допускается только одно, тогда является сочетаніе раздѣлительное, и союзъ, для того употребляемый, называется *раздѣлительнымъ*: «*или* самъ придетъ, *или* пришлетъ письмо;» *либо* дождикъ, *либо* снѣгъ».

Когда послѣдующее предложеніе должно показать причину или основаніе предъидущаго, тогда для ихъ сочетанія употребляются союзы *винословные* (стар. слово *вина*-причина): *ибо*, *потому что*, *для того что*: «мы ждали дождя, *потому что* ходили черныя тучи».

Если же послѣдующее предложеніе является какъ слѣдствіе предъидущаго, то ихъ связываютъ союзы *заключительные*: *слѣдовательно*, *по сему*, *и такъ*: «ходятъ черныя тучи, *слѣдовательно* нужно опасаться дождя».

Для соединенія двухъ противуположныхъ вопросовъ употребляется союзъ *или*, который въ этомъ случаѣ называется *вопросительнымъ*: быть *или* не быть? придете *или*

не придете? Для обыкновеннаго вопроса употребляется *ли*: читалъ *ли* ты?»

Соединеніе придаточныхъ предложеній. § 102. Предложенія подчиненныя называются также придаточными. Они служатъ иногда дополненіемъ, иногда опредѣленіемъ одного изъ членовъ совокупнаго или даже другаго подчиненнаго предложенія, по этому и раздѣляются на придаточныя существительныя (дополненіе къ глаголу), придаточныя прилагательныя (опредѣленіе къ существительному) и придаточныя обстоятельственныя (опредѣленіе сказуемаго).

Придаточныя предложенія существительныя, занимая мѣсто винительнаго и родит. пад. при глаголахъ, служатъ изъясненіемъ того, что заключается въ дѣйствіи, и потому самые союзы, для того употребляемые, называются *изъяснительными*: *что*, *чтобы*, *дабы*, *будто*: «онъ сказалъ, *что* придетъ; вы думаете, *будто* онъ способенъ на это.»

Придаточныя предложенія прилагательныя выражаютъ опредѣленіе имени. Они связываются съ главнымъ или мѣстоименіемъ относительнымъ, или союзами *уступительными*: *хотя*, *пусть*, *правда*, *пожалуй*, *какъ ни*: *пусть* онъ геній, но все же человѣкъ; онъ человѣкъ *хотя* и геній; *правда*, онъ геній, а все же человѣкъ.

Придаточныя предложенія обстоятельственныя, служа опредѣленіемъ сказуемаго, соотвѣтствуютъ нарѣчію: они бываютъ *условныя* и *послѣдовательныя*: Въ первыхъ дѣйствіе главнаго предложенія условливается придаточнымъ; условіе съ союзами *ежели*, *если*, *иногда*, *буде* ставится по большей части впереди:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись...

Этимъ условнымъ союзамъ иногда соотвѣтствуютъ *то*, *такъ*: «*если* онъ основываетъ свое достоинство только на одномъ богатствѣ, *то* не можетъ назваться умнымъ человѣкомъ; *если* вы не придете, *такъ* я приду.»

Въ предложеніяхъ послѣдовательныхъ имѣется въ виду

послѣдовательность или мѣста или времени. Обстоятельственныя предложенія мѣста объясняютъ положеніе и направленіе дѣйствія въ пространствѣ: они соединяются съ своимъ объясняемымъ предложеніемъ посредствомъ нарѣчій мѣста, обратившихся въ союзы: *гдѣ-тамъ*, *куда-туда*, *откуда-оттуда*, и пр.

Гдѣ только мечъ его блистаетъ,
«*Тамъ* тысячи валятся вдругъ.»

Обстоятельственныя предложенія времени опредѣляютъ дѣйствіе или состояніе во времени. Здѣсь придаточныя предложенія, относительно опредѣляемыхъ, по времени могутъ быть *современныя* (съ союз. *когда*, *пока*, *доколѣ*), *предшествующія* (съ союз. *лишь*, *лишь только*, *едва*, *уже* и *когда* съ глаголомъ окончательнымъ) и *послѣдующія* (съ союз. *прежде нежели*, *прежде чѣмъ*, *сперва — потомъ*).

1. Живу, *пока* есть силы.
2. *Лишь* солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко-рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень холодно.

3. *Прежде чѣмъ* вы придете, у меня все будетъ готово.

Если два предложенія соединяются для сравненія, то употребляются *сравнительные* союзы: *какъ-такъ-что*, *подобно какъ*, *сколь-столь*, *чѣмъ-тѣмъ* и др:

«*Какъ* аукнется, *такъ* и откликнется.
«*Такъ* и ты Русь несешься, *что* бойкая тройка.»
«*Чѣмъ* дальше въ лѣсъ, *тѣмъ* больше дровъ.

Въ народныхъ пѣсняхъ для сравненія иногда употребляется отрицаніе *не*: не звѣзда блеститъ далече въ чистомъ полѣ, курится огонечекъ малешенекъ.

Сокращеніе предложеній; опущеніе и повтореніе союзовъ. § 103. Иногда въ придаточныхъ предложеніяхъ союзы и мѣст. относительн. могутъ опускаться; въ этомъ случаѣ происходитъ измѣненіе и съ глагольной формой сказуемаго. Такія измѣненныя въ своемъ видѣ предложенія называются *сокращенными*.

Въ придаточныхъ предложеніяхъ существительныхъ съ опущеніемъ союза *что*, *чтобы*, сказуемое обращается или въ неопредѣленное наклоненіе, или въ имя существительное: приказано, *чтобы* вы *сдѣлали* это—вы думаете, что можете загладить свою ошибку— сокращ: приказано вамъ *сдѣлать* это; вы думаете о возможности загладить... и проч.

Придаточное предложеніе прилагательное можетъ сокращаться тогда, когда мѣстоим. относительное употреблено только въ именит. или въ винит. падежѣ: въ этомъ случаѣ съ опущеніемъ относительнаго мѣстоим. глаголъ обращается въ причастіе, которое и согласуется съ своимъ опредѣляемымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ. Если же сказуемое придаточнаго предложенія будетъ выражать будущее время, то сокращеніе не возможно.

Обстоятельственныя придаточныя предложенія сокращаются тогда, когда ихъ подлежащее одно и то же съ главнымъ; здѣсь съ опущеніемъ союза глаголъ обращается въ дѣепричастіе: онъ не могъ ничего дѣлать, *когда* изнывалъ отъ скорбной утраты: въ сокр: *изнывая* отъ... и пр.

Опущеніе союзовъ можетъ быть и въ предложеніяхъ совокупныхъ соединительныхъ: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ;» «голова его по себѣ лежитъ, руки, ноги разбросаны.» Такое опущеніе придаетъ рѣчи быстроту и называется *безсоюзіемъ*. Въ противуположность ему, для величавости рѣчи, союзъ *и* повторяется передъ каждымъ членомъ сложнаго предложенія:

«Смотрите: станъ воспрянулъ:
И кони ржутъ, грызя бразды,
И строй сомкнулся съ строемъ,
И вождь летитъ передъ ряды,
И пышетъ ратникъ боемъ. *Жуков.*

Такое повтореніе союза называется *многосоюзіемъ*.

Въ старинномъ книжномъ языкѣ у насъ часто повторялись союзы *а* и *да*: «*а* что около него ни есть, *а* то тебѣ»; «*да* входя въ ворота, *да* кропилъ святою водою, *да* пошелъ

на свой дворъ (Новг. лѣт.). Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ союзы прибавлялись для стихотворнаго ладу: «хитрости были Царя-града, *а* и мудрости Іерусалима»; «онъ будетъ въ городѣ во Кіевѣ, *что* у ласкова князя Владиміра»; «положилъ его *да* на сыру землю».

Въ предложеніи винословномъ часто выпускается союзъ *потому что*, *ибо*; въ этомъ случаѣ въ письмѣ обѣ части сложнаго предложенія раздѣляются двоеточіемъ, которое показываетъ, что послѣдующее есть причина предъидущаго, такъ вмѣсто: «ни кто не сомнѣвался, что вашъ братъ проживетъ долго, *потому что* онъ былъ всегда здоровъ и крѣпокъ», можно сказать: «ни кто не сомнѣвался, что вашъ братъ проживетъ долго: онъ былъ всегда здоровъ и крѣпокъ.»

Въ сравнительныхъ предложеніяхъ также иногда опускаются союзы *какъ-такъ*:

«Изъ Волхова воды не выпити —
Въ Новѣ-городѣ людей не выбити.»

—

«У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
А у молодцевъ думушки прибыло.» (Древ. рус. стих.)

МЕЖДОМЕТІЕ.

§ 104. Междометіе собственно не составляетъ части рѣчи, не выражая ни понятія, ни отношенія понятій; оно представляетъ звуки, выражающіе различныя движенія души, какъ наприм. горя, радости, угрозы, досады, удивленія, презрѣнія и пр.; большая часть коренныхъ междометій сходна во всѣхъ языкахъ, потому что въ проявленіи чувствъ человѣческая природа дѣйствуетъ вездѣ одинаково. Къ междометіямъ относятъ и рус. глагольныя частицы: *бухъ*, *мяу*, *бацъ*. Междом. *на* и *ну* принимаютъ оконч. 2 лица мн. ч. *нате*, *нуте*. *Съ* для выраженія вѣжливости произошло изъ слова *сударь*, которое сперва сократилось въ *су*, употребляемое и теперь въ областномъ говорѣ. Подобное же сокращеніе видимъ въ словѣ *спасибо* изъ *спаси Богъ*.

